Одесский
альманах

№59

IV / 2014

ДЕРИБАСОВСКАЯ ПРИШЕЛЬЕВСКАЯ

PLASKE
ПЛАСКЕ

От редакции

«Ведь если звезды зажигают – значит – это кому-нибудь нужно?» – этот вопрос задал себе и своим современникам великий поэт Владимир Маяковский. Так начиналось стихотворение «Послушайте!», написанное в 1914 году.

С тех пор прошло сто лет, но и сегодня эти исповедальные слова не только актуальны, но и приобрели особое значение. Так случилось, что астрономический термин «звезда» стал синонимом деятелей искусства и спорта, не только добившихся известности, но и ставших выразителями определенных тенденций и направлений.

Принимая решение о создании в Одессе Аллеи звезд, городские власти расширили и конкретизировали рамки и критерии «звездного статуса», справедливо полагая, что кроме известности и профессионального мастерства они должны включать верность идеям гуманизма, а главное – и жизненная, и творческая биография звезды Одессы должны быть связаны с нашим городом.

Но как выбрать кандидатуры из тысяч знаменитых одесситов – и по рождению, и по, как говорится, месту работы: ведь согласно статистике, наши земляки внесли внушительный (сравнимый с иными странами) вклад в самые разные области человеческой деятельности – в политику, литературу, искусство, музыку, медицину, науку, спорт, военное дело и т. д. Как выбрать первую звездную команду?

Принятое решение представляется нам не только удачным, но и справедливым – позволяющим в дальнейшем избегать споров. Итак: в День рождения Одессы будут, образно говоря, зажигаться звезды в честь тех сыновей и дочерей города, чьи юбилеи отмечались в текущем году.

Аллея звезд расположена на улице Ланжероновской – недалеко от оперного театра, у скульптурной группы «Якорь» – бренда Южной Пальмиры.

2 сентября 2014 года Одессе исполнилось 220 лет, и именно она стала первой звездой.

А затем свои звезды обрели Анна Ахматова, Юрий Олеша, Исаак Бабель – классики мировой литературы.

Аплодисментами встретили собравшиеся наших современников – писателя Михаила Жванецкого и кинорежиссера Киру Муратову, которые создают произведения, отличающиеся не только высочайшим уровнем, но и гражданственностью и гуманизмом, что особенно важно в наше сложное и нелегкое время.

«Одесса неповторима… Мы шлем сигнал будущему – берегите, украшайте, стройте и передавайте дальше. Сегодня нам 220 лет. Передайте дальше. Ваша Одесса», – так закончил свое выступление Михал Михалыч.

Наша Одесса.

И этим все сказано.

Этот выпуск альманаха открывается монологами замечательных земляков – Михаила Жванецкого и Киры Муратовой. Столь разные, они – приношение городу к юбилею, важный повод нам задуматься – и о себе, и о времени, и о жизни.

Михаил Жванецкий

Об уме

Как необходимо важно и интересно разговаривать с умным человеком.

Не говорить монологами, а разговаривать.

Теперь все стучат по клавиатуре.

Виртуально говорят.

Это тоже, конечно…

Но поговорить.

Вот интересно, можно ли в интернете выпить и поболтать?

Без голоса, без глаз, без рукопожатия.

И что такое ум?

Это, кстати, вовсе не правота.

Правота у биологов и генетиков.

Ум – это не эрудиция, не умение влезть в любую беседу, наоборот, или, как сказал один премьер, отнюдь!

Ум не означает умение поддерживать разговор с учеными.

Если ты умный, ты поймешь, что ты ничего не понимаешь.

Ум часто говорит молча.

Ум чувствует недостатки или неприятные моменты для собеседника и обходит их.

Ум предвидит ответ и промолчит, если ему не хочется это услышать.

И вообще, ум что-то предложит.

Глупость не предлагает.

Глупость не спрашивает.

Глупость объясняет.

В общем, с умным лучше.

С ним ты свободен и ленив.

С дураком ты все время занят.

Ты трудишься в поте лица.

Он тебе возражает и возражает… Ибо он уверен!

И от этих бессмысленных возражений ты теряешь силу, выдержку и сообразительность, которыми так гордился.

С дураком ты ни в чем не можешь согласиться.

И чувствуешь, какой у тебя плохой характер.

Поэтому отдохни с умным!

Отдохни с ним, милый!

Умоляю!

С умным не упираешься, а что-то продолжаешь… Куда-то что-то продолжаешь…

Ибо! Ах, ибо, Митя, сынок, люди умные думают одинаково.

Приблизительно одинаково!

Будешь возвращаться, не хлопай дверью.

Орлы поют

Не пойте по утрам.

Нас этому учили:

Не пойте по утрам.

Будут неприятности.

И вдруг я, суеверный от профессии и происхождения, понял!

А что может быть хуже хмурого утра?

Безденежье?

Физическая боль?

Разве она сильнее душевной?

Почему не поешь, сынок?

Запой, птенчик, утром.

На голодный желудок, прочитав очередную печать с очередным бредом.

Запой, орленок!

Вы знаете, орлы поют.

Ночами в горах,

Под подозрительными окулярами орнитологов.

Все их постельные сцены записаны на диски.

И все равно орлы поют, своим телом согревая близких.

Пойте, ваше превосходительство!

Поднимите всех утренним клекотом.

Пусть все знают, что вы поете!

Черт возьми! Вы поете!

Покрывая пением энтузиазм сволочизма и скудоумие оскорблений.

Пойте, ваше величество!

На ваше пение кто-то прилетит, невзирая на дела и расстояния.

И голос тут не важен.

Ибо! Ах, ибо!

Летят либо на голос… либо на тему.

К вам летят на тему.

Им это близко.

Встречайте!

К вам летят, чтобы петь вместе!

Кира Муратова

Слова по поводу того, что меня закатали в асфальт

Я жила в разных городах и разные города любила. В Одессе состоялось 95% моей профессиональной деятельности. Попав в такую вот, как сегодняшняя, ситуацию, человек должен только благодарить и кланяться.

Итак: спасибо, Одесса, что ты меня к старости лет удочерила!

Но раз у меня микрофон в руках, я должна сказать то, что касается этого мероприятия – «Аллея звезд». Это действо из разряда игрушек-погремушек, отвлекающих от ужаса жизни. Отвлекающих от ужаса времени, хуже которого и не придумаешь.

Раньше мы убивали других животных только. Теперь убиваем друг друга. Это давно должно было бы стать табу. Как людоедство. Никакая территория не стоит того, чтобы убивать друг друга. Даже если территория называется Родиной. Все революции кончаются гильотинами. Майдан начинался как мирная революция. Возвышенная, идеальная. (Про это снял свой фильм С. Лозница.)

Вы какое слово выбираете: «патриотизм» или «пацифизм»?

Я предпочитаю «пацифизм».

Олег Губарь

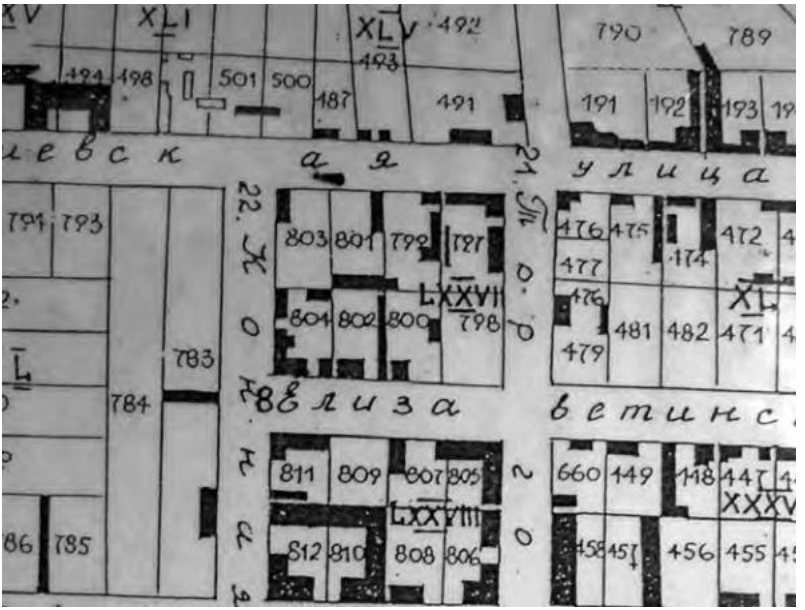
Функции Одесского строительного комитета
в контексте истории градостроительства Одессы*

Дома Давыдовых

Их локализация и атрибуция остается столь же актуальной, как и участков с домами Бларамбергов, о которых речь шла выше. Помимо чисто градостроительной проблематики тут значима и мемориальная, связанная с пушкинским окружением и пребыванием поэта в Одессе.

Первый серьезный исследователь этой проблемы, В.А. Чарнецкий, собрал и проанализировал ряд первоисточников, на основании чего сделал следующее заключение. «В областном архиве, в книге записей утвержденных проектов домов значится, что «проект плана и фасада для постройки дома генеральше Давыдовой на Греческом форштате, в LXXVII квартале, на участках под номерами 801 и 803 выдан 21 июня 1822 года». Речь идет о месте по Софиевской улице, № 14, угол Конной, № 1. В одной из описей числится дело о выдаче открытого листа (свидетельство об окончании постройки дома) Давыдовой на двух листах, но само дело утрачено. Имеется документ, выданный в 1846 году жене подполковника Хоперского (очевидно, купившей этот дом) о выдаче ей проекта фасада магазина на этом месте. В конце документа справка о том, что открытый лист на имеющийся на этом месте дом «был выдан генерал-майорше Давыдовой 17 мая 1824 года». Таким образом, во время приездов Раевских и Давыдовых дом Давыдовой только строился. Вяземская, проживавшая в нем в июне, отзывалась о доме как непригодном

* Продолжение. Начало в кн. 35-41, 43, 45-47, 49, 50, 54-58.

Фрагмент плана Джорджо Торичелли 1827-1828 гг., на котором обозначены три строения, принадлежавшие Давыдовым, на местах № 801 и 803

для жительства в холодное время года – очевидно, недавно законченный, он был еще сырым».[1]

Мне удалось разыскать в ГАОО все документы, о которых упоминает Владимир Адамович. В «Книге на записку планов, утвержденных Комитетом» в 1822 году, действительно значится план и фасад дома генеральши Давыдовой на сказанном месте, выданный, правда, не 21, а 19 июня.[2] Нашел и название упомянутого утраченного дела от 28 марта 1824 года «О выдаче открытого листа генеральше Давыдовой на дом в 3-й части.[3] Опять-таки, отыскал и дело 1846 года «О фасаде на магазин полковницы Варвары Хоперской»[4].

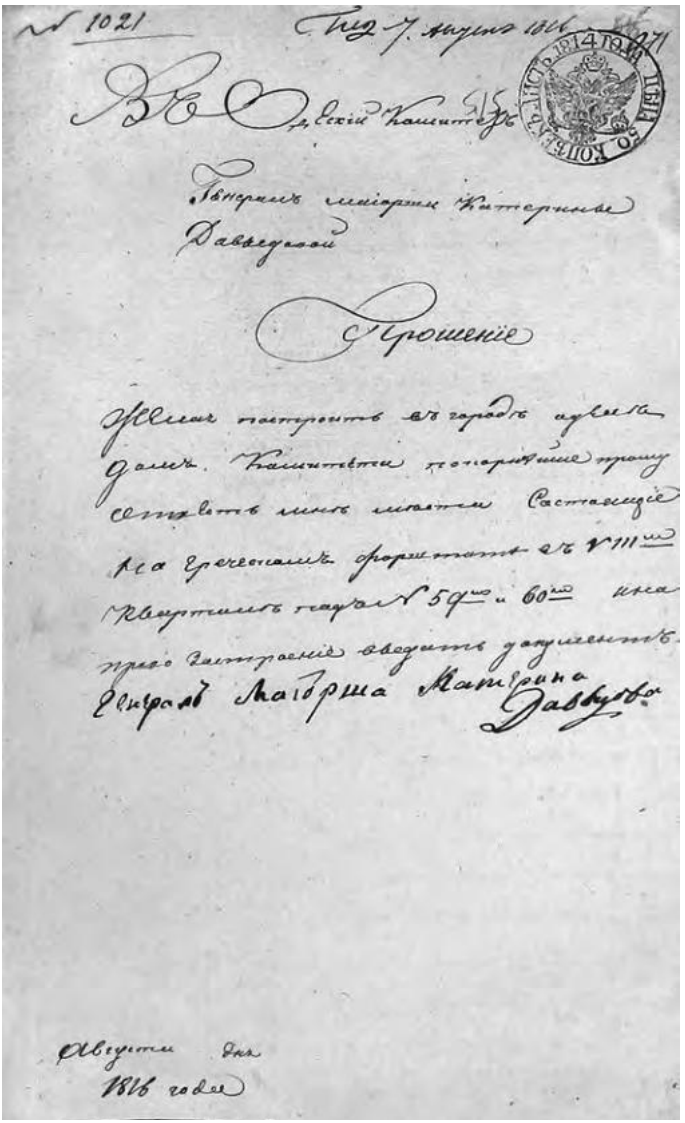
Однако реально ход событий развивался не так, как предполагал В.А. Чарнецкий. На самом деле сюжет начался задолго до 1822-1824 годов, и сделанная в это время постройка лишь дополняла уже существующие, причем гораздо более значимые. Еще 7 августа 1816 года генерал-майорша Катерина Давыдова

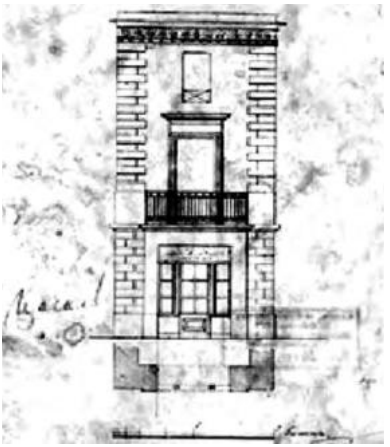
Дом доктора Ивана Вицмана. Сохранился по улице Елисаветинской (Щепкина), № 1
Построен в начале 1819 г. Слева, в направлении Софиевской, к нему примыкает дом Давыдовых

подала в ОСК прошение об отводе мест № 59-60 в VIII квартале Военного форштата. Это участки на углу нынешних улиц Дерибасовской, № 7, и Пушкинской, № 6. Но поскольку места эти были уже давно отданы в приватные руки (уточняю: архаичные строения небезызвестного семейства Железцовых, в августе 1818-го перешедшие к помещице Булацель), и частично застроены, то она попросила два других – как раз тех, о которых мы говорим: № 801 и № 803 в LXXVII квартале Греческого форштата. При этом назначался срок застройки – один год, считая с 1 мая 1817 года.[5]

Официально строительство должно было окончиться 1 мая 1818 года, однако фактически оно продолжалось дольше, что вообще случалось довольно часто: когда ОСК видел, что намерения застройщика серьезны и работы ведутся качественно, никто особых претензий по соблюдению сроков не предъявлял. Насколько дольше, пока точно сказать нельзя. Но, как мы увидим ниже, дом был готов ранее 1821 года. Что касается некоторых любопытных обстоятельств самого строительства и личности проектанта, мне повезло найти на этот счет замечательный ответ. И возможным это стало по причине давней

Прошение генерал-майорши Катерины Давыдовой об отводе мест под застройку
Подано в ОСК 7 августа 1816 г.

Фрагмент фасада сохранившегося дома полковника Ивана Ягницкого, на углу улиц Пушкинской (№ 6) и Дерибасовской (№ 7) 8 января 1835 г. Архитектор Фр. Боффо

скандальной истории – конфликта двух градостроителей. Привожу симпатичный архивный документ полностью:

«Получено 12 июля 1818. В Одесский комитет. Архитектуры гезеля (то есть архитекторского помощника. – **О. Г.**) 14 класса (то есть коллежского регистратора. – **О. Г.**) Колесова. Рапорт.

Нескольким жителям города Одесса начертаны мною капитальным зданиям планы, с правилом и красотою гражданской архитектуры, по которым планам и строения производятся, именно госпожи помещицы генерал-майорши Скаржинской тож генерал-майорши Давыдовой, первой гильдии купца и почетного гражданина Кошелева, а многих не упомню; июня месяца 24 числа дан мною план трем жителям, имеющим на новом базаре с колоннадою лавки, чтоб строили с противуположной стороны по другой улице двухэтажное здание, заключающее в себе дворы, по которому плану начали производить строение.

Но господин архитектор Фраполли (Джованни. – **О. Г.**), потребуя от тех жителей план на месте строения, без всякого внимания и не представя к начальству на рассмотрение, разорвал план, хотя от Комитета и не утвержденный, то и тогда я не виноват, что хозяева сделали упущение; таковой его, господина Фраполли, неблагоразумный поступок и противузаконный ни в какой нации терпим быть не может. И я почитаю сие к поношению чести моей, чувствую немалую обиду; представить честь имею на благорассмотрение Комитету, покорнейше прошу обратить внимание и от порока, причиненного мне Фраполли, защитить.

Архитектуры гезель 14 класса Колесов

Июля (число не проставлено, но ясно, что это было незадолго перед 12-м. – **О. Г.**) дня 1818 года».[6]

Чем закончился конфликт, я не знаю, информации пока нет. Здесь важен тот факт, что: а) летом 1818-го сказанные дома активно строятся; б) все они расположены в одном районе, принадлежат известным фигурантам региональной истории; в) все эти

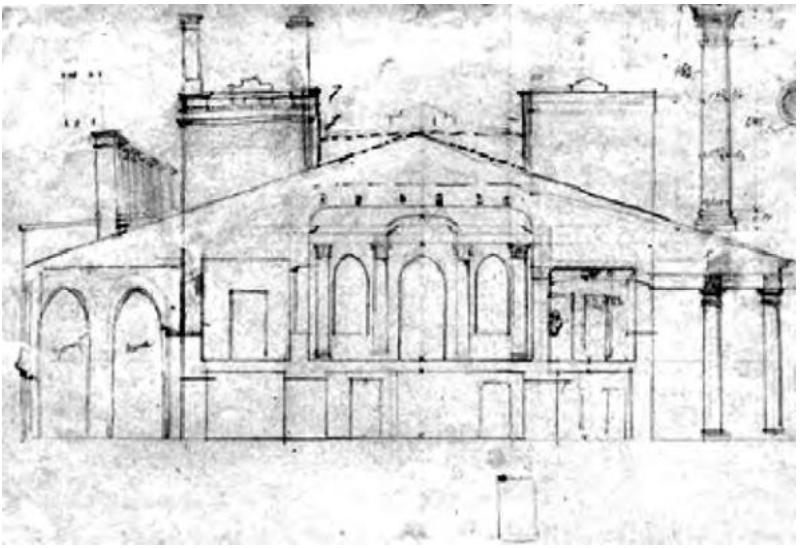

Снимки Натальи Евстратовой

здания были довольно значительными, лучшими синхронными постройками в 3-й части города. Об этом говорит и их оценочная стоимость, и доходность в 1821-1823 годах, а отдельно в 1824 году, каковыми сведениями мы располагаем. Так, в первой из этих ведомостей значится полученный от генерала Давыдова налог с недвижимости в сумме 60 рублей.[7] Это – на уровне наиболее солидных домовладений, и к тому же означает, что дом доходный.

В ведомости за 1824 год (взыскание налога с 30 апреля) прямо указана оценочная стоимость дома генеральши Давыдовой – 40.000 рублей, и новая величина налога 80 рублей.[8] Поскольку величина налога с недвижимости оставалась неизменной с 1818 года, это может означать, что оценочная стоимость принадлежавшей Давыдовой недвижимости после достроек 1822-1824 годов увеличилась на четверть. Если взглянуть на план города, составленный архитектором Джорджо Торичелли в 1827-1828 годах, то мы увидим на интересующих нас местах три немалых по тем временам строения. Два из них – на месте № 801, на том, что ближе к середине квартала: одно – в глубине двора, параллельное улице Софиевской, другое – перпендикулярно ей, торцом. На угловом же месте № 803 – еще один флигель, по красной линии улицы Конной, торцом к Со-

Дворец графа П.А. Разумовского на Водяной балке, близ нынешнего автовокзала, поперечный разрез. Эскиз 1924 г., исполненный архитектором И.Н. Городецким
Дворец строился и достраивался, начиная с 1810-х

фиевской, несколько короче предыдущего.[9] Очевидно, он и построен в последнюю очередь.

Как было сказано, общая стоимость этих домостроений довольно велика. Для сравнения, мы видим в той же ведомости, например, что дворец графа Разумовского на Водяной балке оценен вместе с садом в 42.000 рублей, а дома Бларамберга и графини Потоцкой оценены по 30.000 рублей каждый.[10] То есть дома Давыдовых изначально были двухэтажными.

Из предыдущих выкладок следует, что большая и лучшая часть домостроений Давыдовых по Софиевской улице построена и функционировала по крайней мере в 1821 году, а скорее всего, даже в 1819-1820 годах. И, таким образом, во время приездов Раевских и Давыдовых в Одессу они вполне могли ими пользоваться, а Пушкин – посещать во все время своего пребывания в городе не только в 1823-1824 годах, но и ранее.[11]

Сегодня из трех сказанных строений сохранилось два: первичный дворовой флигель и тот дом, что был окончен постройкой

весной 1824-го. Этот последний позднее достроен в направлении Елисаветинской улицы: с фасада оба строения сливаются, но во дворе причленяются уступом, ибо достройка шире. Есть информация о дальнейшей эволюции этой недвижимости.

9 июля 1830 года в муниципальной газете «Одесский вестник» помещено следующее объявление от Одесского коммерческого суда: «…на удовлетворение Киевского Приказа общественного призрения и частных лиц продается дом полковника Василия (Львовича. – **О. Г.**) Давыдова – 3 ч., Греческий форштат, 77 квартал, № 801 и 803, с принадлежащими к нему строениями и землею, оцененный в 12.500 рублей ассигнациями. Последний торг 9-го, а переторжка 10 июля».[12] Единственное, что здесь удивляет, это низкая оценка домостроений, каковые всего шестью годами ранее оценивались, как мы видели, в 40.000. А поскольку трудно допустить, что они могли так быстро обветшать, остается предположить, не подверглись ли они пожару. Впрочем, нельзя уж вовсе исключить и продажи строений по частям.

О дальнейшей судьбе строений и мест отчасти говорилось выше: в 1846 году ОСК утвердил фасад на магазин полковницы Варвары Хоперской, позднее встроенный меж существующими флигелями по красной линии Софиевской улицы. Когда именно? Пока можно сказать, что постройка окончена не ранее 1848-го, ибо в оценочной ведомости одесской недвижимости на этот год она еще не значится[13]. Еще одна перестройка зданий, изначально принадлежавших Давыдовым, относится к 1873 году, о чем до совсем недавнего времени сообщала лепнина на аттике фасадного флигеля. В это время прежний магазин был перестроен в жилой дом тогдашним владельцем – муниципальным деятелем бароном Александром Стуартом.[14]

Этот мемориальный адрес – улица Софиевская, № 14, – внесен в проект «Пушкинский маршрут» международного ежегодного поэтического фестиваля «Пушкинская осень в Одессе». На нем, как и на ряде других объектов, связанных с пребыванием поэта (дома Кирьякова, Бларамберга, де Рибаса, Кошелева и др.), намечено установить памятный знак.

Примечания

[1] В.А. Чарнецкий. Древних стен негласное звучанье… – Одесса: «Друк», 2001, с. 69.

[2] ГАОО, ф. 2, оп. 5, д. 11, л. 4 об.

[3] Там же, ф. 59, оп. 1, д. 358. – 2 л. (утрачено).

[4] Там же, оп. 2, д. 940. – 3 л.

[5] Там же, оп. 1, д. 96, л. 515-516.

[6] Там же, оп. 1, д. 127, л. 202.

[7] Там же, ф. 4, оп. 1А, д. 133, № 414.

[8] Там же, д. 215, № 160 (3-я и 4-я части).

[9] РГВИА, ф. 846, оп. 16, д. 22278, л. 1; ОГИКМ, инв. № К-584.

[10] ГАОО, ф. 4, оп. 1А, д. 133. – 48 л.

[11] Летопись жизни и творчества А.С. Пушкина: 1799-1826. – Ленинград: «Наука», 1991. – 786 с.

[12] Одесский вестник, 1830, № 55, 9 июля.

[13] Список домам и домовладельцам, состоящим в 3-й части города Одессы. Оцененным для платежа полупроцентного сбора с 1848 года, подлежащим и не подлежащим оценке. – Б. г., б. м., с. 33.

[14] К. Висковский. Путеводитель по городу Одессе. – Одесса, 1875, с. 55.

Поздравляем Олега Губаря с обретением звания «Почетный гражданин Одессы» с правом ношения соответствующих аксессуаров – ленты и нагрудного знака. Заслужил!

Андрей Добролюбский, Лариса Пикановская

Археология дачи Ланжерона

Сначала сушь и дичь запущенного парка,
Потом дорога вниз и каменная арка,
Совсем Италия. Кривой маслины ствол,
Висящий в пустоте сияющей и яркой,
И море ровное, как стол.

Валентин Катаев

При строительстве лестницы и подъездной дороги, спускающейся от Ланжероновской арки к дельфинарию «Немо», в разрезе склона нами были замечены и собраны фрагменты старинной керамики, бутылочного стекла, кованых железных гвоздей и скоб. Археологическая зачистка этого места показала, что некогда здесь располагалось какое-то деревянное строение на округлом каменном фундаменте, который залегал на глубине от 1,5 до 2,5 м от современной поверхности довольно крутого склона. Большая часть сооружения ко времени его обнаружения (август 2013 г.) оказалась, естественно, полностью разрушенной строившейся дорогой. Удалось собрать несколько десятков обломков посуды разного времени. По младшей дате большинство из них уверенно датировалось не ранее, чем серединой – второй половиной XIX века, что позволяло предполагать, что найденные остатки сооружения относятся к легендарной даче графа Ланжерона, которая довольно хорошо известна по художественной и краеведческой литературе (см.: Горбатюк, 2013). Однако в заполнении попадались также фрагменты расписной посуды с зеленой и коричнево-желтой поливой и осколки так называемых «ку-

полодонных» бутылок, которые не менее уверенно датируются второй четвертью XVIII века. Это позволяет думать, что дача Ланжерона была построена на остатках культурного слоя турецкого времени, то есть времени существования поселка и крепости Хаджибей. В том же заполнении обнаружены считанные фрагменты античной керамики – стенки амфор VI-III вв. до н. э. Это, в свою очередь, позволяет предполагать, что Хаджибейский поселок располагался на месте некогда здесь расположенного поселения античного времени.

Обломки античной керамики на прибрежной территории между Карантинной и Ланжероновской балками спорадически обнаруживались в 1950-80 гг. М.С. Синициным и С.Б. Охотниковым (Охотников, 1988), в частности, в районе Карантинной аркады и Ланжероновской арки. Продолжая это обследование в районе арки и во всей зоне строительства дельфинария и набережной, которая, в сущности, охватывает территорию всего мыса, мы также нашли несколько десятков фрагментов сосудов античной эпохи и турецкого времени. Среди них выделяется носик красноглиняного чернолощеного светильника. Подходящая возможность для сбора керамики на поверхности мыса появилась благодаря

интенсивному строительству, проводящемуся здесь в последние десятилетия – дельфинария, береговых укреплений, многочисленных ресторанов и кафе. В результате были повсеместно потревожены древние культурные напластования.

Сказанное подтверждает существование на этом месте небольшого поселка античной эпохи, синхронного поселениям на Приморском бульваре, Жеваховой горе и в Лузановке. Эти поселения, как мы старались ранее показать, в совокупности образовывали протогородскую агломерацию «Большого Одессоса» в эпоху его наибольшего расцвета – в V-III вв. до н. э. (Добролюбский, 2012). Античный поселок на Ланжероновском мысу может тогда представляться «дачной местностью» – как это было и в Одессе в XIX ст. Равным образом, как и береговые склоны в районе Отрады и Малого Фонтана, где также повсеместно встречаются фрагменты античной посуды. Такое же наблюдение характерно для побережья Аркадии и Большого Фонтана. Значит, во времена античности главный порт Одессоса – гавань Истриан – располагался на месте нынешнего Одесского порта. А «дачная местность» – от дачи Ланжерона до дачи Ковалевского. Как и в Одессе XIX-XX ст.

Что касается «хаджибейского» времени, то кратко описанная турецкая керамика спорадически встречается на всем протяжении морского побережья от Карантинной до Ланжероновской балки и наиболее густо сосредоточена в устье последней. Это означает, что поселок Хаджибей и его порт в эпоху своего расцвета, до начала русско-турецкой войны 1787-91 гг., был значительно более крупным, нежели это представлялось ранее. Не исключено, что именно здесь, на мысу, располагался маяк или какой-то наблюдательный пункт, а также иные связанные с ним строения и другие объекты былой прибрежной жизнедеятельности, которая, судя по числу и качеству находок, была достаточно активная и нисколько не убога.

Не менее показательны и подводные находки, сделанные водолазами и аквалангистами дельфинария «Немо». Античная, турецкая и иная (не слишком внятно определяемая) посуда средневековой эпохи найдена во множестве на расстоянии от 50 до 100 м вдоль побережья мыса на протяжении не менее 500 м

на глубине 5-10 м. Формы обломков достаточно индикативны – это ножки, донышки, ручки, венчики и стенки античных и средневековых сосудов, фрагменты глиняных курительных трубок. Встречены также фрагменты и целые экземпляры средневековой облицовочной плинфы, а также остатки очагов. Здесь же найдены до десятка каменных (средневековых?) якорей, что, несомненно, свидетельствует о существовании на этом месте долговременной якорной стоянки.

Среди этих находок особенно яркими оказались фрагменты облицовочной плитки с растительным орнаментом, а также ручка огромного каменного котла (чана?). Наиболее вероятно, что они относятся ко второй половине XIX века, когда многие участки на берегу бывшей дачи Ланжерона сдавались городскими властями в аренду под строительство дорогих купален, ресторанов и иных роскошных увеселительных заведений. Многие из таких заведений строились на сваях и пирсах, вынесенных в море на несколько десятков метров. Судя по всему, перед нами археологические остатки подобных заведений, которые возвращают нас в эпоху веселой пляжной жизни старой Одессы. Именно здесь, как писал в романе «Менахем-Мендл» Шолом-Алейхем, «имеется все, что душе угодно, можно купаться в море, можно слушать музыку: на Ланжероне были устроены летние театры, оркестровые раковины, буфеты, купальни, даже подъемную машину соорудили…».

С грустью отметим, что участок склона, который нам удалось зачистить, стратифицировать и выявить остатки строений и фундаментов, был недавно полностью уничтожен при строительстве автостоянки гостиницы дельфинария «Немо».

Олег Сивирин

В поисках исчезнувшей церкви Святой Наталии

Из документального цикла «Лузановка и окрестности»

Когда я собирал исторические материалы, связанные с дворянским родом Лузановых, особый интерес представляло изучение территории их землевладений в Одесском уезде. Эта работа заключалась в поиске и установлении на местности сохранившихся или утраченных жилых и хозяйственных объектов, а также связанной с ними инфраструктуры. Одним из мест, где было сосредоточено множество интересующих построек,

Куяльницкий лиман, август 2013 года. Остатки гидротехнических сооружений Акционерного общества Куяльницко-Хаджибейских соляных промыслов. Фото автора

являлась территория бывшего соляного промысла на Куяльницком лимане. На основе изучения литературных источников, топографических карт, а также собранных воспоминаний и регулярных посещений данной территории удалось установить местонахождение большинства бывших построек соляного промысла: жилых и административных зданий, соляной мельницы, участков пролегания разветвленной сети узкоколейной железной дороги промысла. И лишь один объект в этой местности оставался не найденным, и все попытки его отыскать то и дело оказывались тщетными, как будто исследование относилось не к событиям столетней давности, а касалось загадок развалин древности. Но не найденный объект и вправду был необыкновенным – это была домовая церковь Святой мученицы Наталии. Место культовое, почитаемое сотнями людей: здесь совершались службы и возносились молитвы перед иконами. И от этого еще более таинственным казалось тотальное забвение священного места. На протяжении всего времени проведения поиска не покидало ощущение, что церковь не просто исчезла с лица земли, но и пропала из человеческой памяти.

Недолгая история домовой церкви Святой Наталии на Куяльницких соляных промыслах началась в осенний полдень воскресного дня: 12 сентября 1899 года в 12 часов дня состоялось торжественное освящение нового храма. Торжество освящения «совершил благочинный церквей 2-го округа города Одессы отец Жадрицкий в сослужении церковного причта».[1] В преддверии этого события «Одесский листок» в коротком репортаже сообщал: «…Церковь эта воздвигнута в бытность директором промыслов Г.В. Вильямса его трудами и средствами. Это видно из врезанной на внутренней стене храма мраморной доске со следующей надписью: «Церковь сия сооружена в 1899 г. во имя Св. Наталии в царствование императора Николая II и при высокопреосвященном архиепископе Иустине. Основана и сооружена на частные пожертвования…»[2]

Дата открытия церкви – 12 сентября, несмотря на разрыв во времени, без сомнения говорит о стремлении организаторов строительства приурочить событие к 26 августа, – дню памяти святой мученицы Наталии Никомедийской, во имя которой

и была названа новая церковь. Святая Наталья Никомедийская – раннехристианская мученица, жившая в начале IV века в городе Никомедия, расположенном на берегу Мраморного моря. Венец мученицы благочестивая Наталья обрела за безграничные душевные сострадания к супругу Адриану, подвергнувшемуся жестоким мучениям за христианскую веру. Церковь почитает святую Наталью вместе с мужем святым Адрианом «как супружескую двоицу», отсюда более известны церкви, построенные и названные во имя обоих святых мучеников – Адриана и Натальи. Намного реже можно встретить церкви, названные одним именем, – святой мученицы Наталии. Это важно подчеркнуть в ходе данного исследования, так как церковь Святой Наталии, открытая в 1899 году на соляном промысле, хранила в своем канонизированном имени Наталии и дань почтения имени владелицы окрестных земель – Натальи Николаевны Лузановой, урожденной Дембровской. С именем Натальи Лузановой была связана история создания и многолетняя работа соляного промысла на Куяльницком лимане, так что желание инициаторов замысла наречь церковь именем ее святой покровительницы было вполне естественным решением.

Наталья Николаевна Лузанова была дочерью подполковника, коллежского советника, председателя Одесского коммерческого суда Николая Гавриловича Дембровского и Марии (Марьяны) Афанасьевны Кес-Оглу (Кесоглу)[3]. Особо стоит упомянуть деда Наталии Дембровской по женской ветви рода – подполковника Афанасия Кес-Оглу. С первых лет основания Одессы он оказался вовлечен в решение одной из главных задач, стоявших перед основателями Одессы, – заселения города. Афанасий Кес-Оглу «по уважению его и доверенности в нации греческой» был назначен на новую учрежденную должность «попечителя», в обязанностях которого была забота о переселенцах и «оказание всевозможного содействия как при переселении, так и во все время, пока они устроятся на новом месте».[4] В изданной к столетию Одессы книге «Одесса, 1794-1894» отмечалась активная деятельность Кес-Оглу на этом посту: «Иностранный магистрат в короткое время делает такие успехи, что в начале 1798 года – не без участия Кес-Оглу – Русский магистрат совсем прекратил свое су-

ществование, а русские купцы и мещане причислены в ведомство Иностранного магистрата…». В числе задач, к решению которых был причастен Афанасий Кес-Оглу, подчеркнем знаковый для молодого города шаг – получение своего герба. Из нереализованного на тот момент отметим судьбоносное в будущем для города предложение объявить Одессу порто-франко, о чем потомки не забыли упомянуть через сто лет: «Мысль объявить Одессу порто-франко была не нова. Еще в 1798 году Кес-Оглу, между прочим, ходатайствовал и об этом…»[5]

Начало истории солепромышленного дела семьи Дембровских (а затем Лузановых) на Куяльницком лимане можно отсчитывать с 5 августа 1829 года, когда Мария Афанасьевна Дембровская получила разрешение на добычу частной соли: «…В апреле сего 1829 года Херсонская казенная палата донесла, что помещица коллежская советница Дембровская предуведомила оную о намерении своем на основании 4 и 5 пунктов оного мнения Государственного совета добывать соль на части Куяльницкого лимана, смежною с землею, полученною родителем ее от Правительства, а ей по наследству от него доставшеюся…»[6] В результате министром финансов было дано предписание Херсонской казенной палате «разрешить Дембровской на части Куяльницкого лимана, к даче ее принадлежащей, добывание соли…». При этом в решении отдельно оговаривалось обстоятельство касательно того, что куяльницкая соль, в отличие от крымской, находится ближе к многолюдным губерниям (то есть к рынку сбыта. – **О. С.**) и легко сможет подорвать продажу крымской соли. Вследствие чего было принято решение повысить акцизную плату куяльницкой соли до 70 копеек с пуда. Крымская сохранила свой прежний акциз в 60 копеек с пуда.[7]

И хоть полученное разрешение не повлекло за собой начала добычи соли, и задуманное осуществилось лишь спустя многие годы уже детьми М.А. Дембровской, но по своей сути предпринятый деятельной Марией Афанасьевной шаг предопределил на столетие вперед судьбу двух следующих поколений рода. Память о Марии (Марьяне) Дембровской какое-то время хранила топонимика ее родной земли. Марьевка (Марьяновка) – так называлось небольшое селение в границах нынешнего села

Крыжановка Коминтерновского района Одесской области. Это название мы можем видеть на многих трехверстовых маршрутных картах конца XIX столетия, и что удивительно, селение в один и тот же временной период по неведомым причинам попеременно именовалось то Крыжановкой, то Марьевкой. Более того, в это же время название Марьевка также упоминается в справочном издании 1896 года уже как второе название находящегося в землевладениях Лузановых крохотного хуторка Киселова[8] (хутор Киселова находился в районе нынешнего детского центра «Молодая гвардия». – **О. С.**).

Спустя годы после вышеописанных событий, 14 июля 1872 года, дочь Марии Афанасьевны Наталья Лузанова «с высочайшего утверждения устава» стала одним из учредителей акционерного общества по добыче соли «со складочным капиталом общества в один миллион рублей, разделенных на тысячу именных акций по тысяче рублей каждая».[9] Первый параграф устава новосозданного предприятия гласил: «Для упрочнения окончательного устройства и правильной ежегодной разработки одесских Куяльницко-Хаджибейских соляных промыслов, согласно с требованием правительства и устава товарищества владельцев тех промыслов, образуется акционерное общество под вышеозначенным наименованием».[10] В примечании к первому параграфу устава общества указывались и учредители: «горный инженер Карл Христианович Шамер и генерал-майор Егор Егорович Гангарт, коим присваивается название первоначальных; почетные граждане Игнатий и наследники Леона Ефруси, тайный советник Новосельский, полковник Михаил Дембровский (родной брат Н.Н. Лузановой. – **О. С.**) и вдова генерал-майора Наталья Лузанова».[11] Кстати заметим, что Н.Н. Лузанова оказалась единственной дамой учредителем-акционером в компании деловых господ.

Вдовой Наталья Лузанова стала в 1870 году. Муж Натальи Николаевны Лузановой генерал-майор Фома Петрович Лузанов, участник многочисленных сражений, скончался в ночь с 19 на 20 января 1870 года в городе Бендеры. Вся жизнь Фомы Петровича была связана с воинской службой. Поступив на службу в 1807 году, он юнкером участвовал в военной кампании против горцев. За взятие крепости Анапы в 1809 году был награжден

знаком отличия Военного ордена и произведен в офицеры. В русско-турецкой войне 1828-1829 гг. Фома Петрович уже батальонный командир 22-го Егерского полка. В сражениях при деревнях Эмбалар (?) и Юсуфлар был произведен в чин подполковника и награжден орденом Святого Владимира 4-й степени. Спустя полтора месяца (после тяжелого ранения в ногу) участвует в осаде крепости Силистрия, за что награжден золотой полусаблей с надписью «За храбрость». За участие в польской кампании в 1830-1831 гг. произведен в полковники. По окончании этой кампании назначен командиром Севского пехотного полка, которым командовал до 1837 года. Закончил военную карьеру в звании генерал-майора.[12] В некрологе Ф.М. Лузанова отмечалось, что «одаренный от природы деятельным и энергичным характером, Фома Петрович и по выходе в отставку не мог оставаться без дела. Купив несколько десятин, находившихся под виноградником, около Бендер и назвав этот уголок Гертоп (по-турецки – урочище), он предался мирным сельским занятиям». Так, сменив в руке эфес сабли на лозу винограда, заслуженный ветеран свою последнюю награду получил уже в «мирном сражении». На проходившей в Одессе с 8 октября по 8 ноября 1870 года выставке виноделия, организованной Императорским Обществом сельского хозяйства Южной России, за созданное Фомой Петровичем Лузановым красное вино урожая 1866 года была присуждена большая серебряная медаль и 25 рублей.[13]

Многолетние военные экспедиции и впоследствии постоянное место жительства Фомы Петровича Лузанова в Бендерском уезде объясняют то, что его деятельность совсем не прослеживается в делах землевладений его супруги в Одесском уезде. Сама же Наталья Николаевна Лузанова часто фигурирует в исторических источниках как землевладелица, с которой решались все вопросы, касающееся ее земельной собственности, будь то выделение участка земли для обустройства стрельбища на землях Лузановой или решение более масштабного земельного вопроса, как то «предложение в 1900 году гласной Одесской городской думы Ф.П. Калотти о приобретении городом имения госпожи Лузановой у берега Куяльницкого лимана для расширения городской береговой территории».[14] Фактически фамилия Лузановой,

постоянно упоминаемая в привязке к этой местности, стала основанием для появления нового топонима в прибрежной местности Одессы. Вначале устно, в разговорном употреблении, появилось название «Лузаново», охватывающее значительную местность вдоль морского побережья, а затем, изменившись в произношении в существительное женского рода, топоним прижился в одном месте окончательно и со временем стал официальным названием пригородного микрорайона, который мы теперь знаем как Лузановку. Истоки рождения нового топонима мы можем обнаружить, взглянув на планы Одессы конца XIX столетия, где вся территория за границами города с северо-востока подписана как «хутор Корсунцы Лузановой».

Если сегодня следовать из центра Одессы по Николаевской дороге в сторону поселка Котовского, то точкой ориентира для определения линии границы Одессы и Одесского уезда будет служить остановка городского транспорта «Сортировочная». Отсюда начинались земельные владения госпожи Лузановой и простирались с юга на север, проходя вдоль восточного берега Куяльницкого лимана до северной каймы песчано-земляного выступа в форме косы. От косы лимана граница владений сворачивала на восток, в направлении деревни Александровки (на этом участке линия границы землевладений точно не определена. – **О. С.**), оттуда поворачивала на юг и шла к леваде у морского побережья (р-н нынешнего села Лески. – **О. С.**). По невероятному совпадению, бывшая черта границы города и землевладений Лузановой в Одесском уезде проходила по линии, впоследствии ставшей небольшой улицей, которая теперь носит название Лузановская (ранее улица Ильичевская. – **О. С.**) В дальнейшем вся земля перешла по наследству к детям Лузановой и на 1911 год распределялась среди них следующим образом:

28¾ десятинами земли при деревне Александровке владел Петр Фомич Лузанов;

1849¾ десятинами земли при деревне Марьяновка, хуторе Корсунцы и деревне Крыжановке владели Петр Фомич Лузанов, Эммануил Фомич Лузанов, Михаил Фомич Лузанов, Александр Фомич Лузанов и Клеопатра Фоминична Лузанова (Ржондковская);

30½ десятинами земли при деревне Марьяновке, хуторе Корсунцы и Крыжановке, владели Петр Фомич Лузанов, Эммануил Фомич Лузанов, Михаил Фомич Лузанов, Александр Фомич Лузанов и Клеопатра Фоминична Лузанова (Ржондковская).[15]

Данные о земельном наследии Н.Н. Лузановой будут неполными, если не сказать, что в силу разных обстоятельств (особенностей аграрного рынка, близости земель к городу и личных решений наследников) в начале XX века они (землевладения) претерпели значительные изменения. Помимо детей Н.Н. Лузановой и крестьян-собственников местных сел на аграрной карте рассматриваемой местности появились новые имена средних и крупных землевладельцев. Как пример можно привести землевладелицу Елену Николаевну Аргутинскую-Долгорукову, которой в 1913 году принадлежало 1458 десятин земли при хуторе Корсунцы.[16] Ближе к 1917 году внутри обозначенных землевладений, а именно в районе сел Крыжановка и Корсунцы, по воспоминаниям местных жителей, в качестве крупного землевладельца фигурирует фамилия Малаховского.[17]

Изначально сведений для поиска домовой церкви Святой Наталии было явно недостаточно: газетная заметка об открытии церкви и краткая статистическая справка из справочной книги Херсонской епархии за 1906 год. А предполагаемый район поиска церкви за последние годы значительно застроился новыми частными жилыми домами, исчезли старые и появились новые дороги, к тому же огромные территории оказались под водой или заросшими камышом.

Для начала нужно было прояснить значение определения «домовая церковь». Как выяснилось, домовая церковь (храм) – это освященное помещение, чаще находящееся внутри какого-либо здания, и реже – как отдельно стоящее строение. Светское здание, внутри которого открывалась домовая церковь, могло быть выделено внешне архитектурно, например небольшой главкой на крыше. Домовые храмы открывались при различных заведениях, предприятиях и в частных домах. Для открытия церкви частными лицами (за особое уважение или заслуги) требовалось разрешение от епархиальной власти. Домовые церкви при различных ведомствах отличались от приходских и тем, что

Почтовый конверт 1906 года. Отправитель на штампе: «Правление Общества Одесских Куяльницко-Хаджибейских Соляных промыслов»; получатель прописью: «В Херсонскую Казенную палату». Из личной коллекции автора

посещали их, как правило, верующие только того заведения или предприятия, на территории которого они действовали. Как видим, в самом термине «домовая церковь» заложена некоторая подсказка, указывающая на ее относительное местонахождение «в доме» или «при доме». Домовая церковь всегда имела приписной статус и относилась (приписывалась), как правило, к ближайшему приходу, священники которого и проводили службы в домовой церкви в определенные дни.

Исходя из этого, в поиске церкви сразу обозначились два условно разделенных направления: первая версия – нахождение церкви в помещении светского здания; вторая версия – расположение церкви как самостоятельного сооружения. Начав изучать первые материалы по интересующему вопросу, я сразу наткнулся на текст одного из современных авторов, в котором вкратце упоминалось о церкви Святой мученицы Наталии на Куяльницком соляном промысле, и там же утверждалось (правда, без каких-либо ссылок), что данная церковь открылась в «здании правления

села Корсунцы». Опираясь на этот материал, намечался и план дальнейших действий: искать здание правления (если сохранилось) и далее, уже с помощью старожилов села, попытаться определить само церковное помещение. При положительном результате розыска в данном направлении в перспективе рассматривалось также возможное детальное исследование церковного помещения, вплоть до отделения небольших фрагментов слоев краски и штукатурки в поисках следов оригинала.

Но после еще одного анализа первичной информации в тексте обнаружилось серьезное противоречие, говорящее о том, что домовая церковь соляного промысла никак не могла находиться в «здании правления села Корсунцы». Во-первых, в Корсунцах, не существовало такого административного органа как «правление села», соответственно не было и здания, где оно могло бы располагаться. Согласно сельскому земскому устройству, управление крестьянами одного селения (сельским обществом) осуществлялось сельским сходом и сельским старостой. И во-вторых – хутор Корсунцы и Куяльницкий соляной промысел хоть и находились на территории землевладений семьи Лузановых, административно связаны не были. (А церковь, как мы знаем из газетного репортажа, была открыта именно на соляном промысле.) Хутор Корсунцы являлся населенным пунктом Антоно-Кодинцовской волости Одесского уезда Херсонской губернии. За три года до открытия церкви – в 1896 году – хутор насчитывал 21 двор с численностью населения в 127 человек: 62 мужчины и 65 женщин.[18] Куяльницкий соляной промысел со всеми жилыми и хозяйственными постройками являлся предприятием (акционерным обществом) и имел свои строго отведенные границы. Они были обозначены 27 июня 1871 года в «высочайше утвержденном» проекте по устройству и разработке Одесских соляных промыслов: «Признать означенные на геодезическом плане границы Куяльницких и Хаджибейских лиманов, с включением и 10-саженевой полосы береговой земли за внешние пределы Одесских соляных промыслов на означенных лиманах».[19] В отдельных случаях члены общества из числа землевладельцев обязывались отводить для нужд общества дополнительно участки прибрежной земли вне установленных границ лиманов. В этом

случае на интересующей нас части местности, обозначенной в проекте как «вдоль восточного берега лимана», – граница промысла, согласно §28 устава, теоретически могла отодвигаться «до подошвы гор»[20] (то есть до прибрежных склонов. – **О. С.**). Сверх того, каждый из членов общества из числа владельцев береговых земель обязывался за установленную ежегодную плату отводить из своих владений, граничащих с соляными промыслами, «земель и угодий, потребных исключительно для солепромышленности, как то: для проведения дорог, каналов, для возведения всяких сооружений и зданий…».[21] Данное условие устава оговаривало возможное выделение участков земли на верхней части берега лимана.

Таким образом, теперь можно было исключить из зоны поиска территорию села Корсунцы и его окрестных земель и тем самым сузить участок для исследования исключительно до границ действовавшего в 1899 году промысла. В пересчете на метрическую систему измерения это была прибрежная полоса длиной в 3 километра вдоль восточного берега и шириной (учитывая старую линию берега) от 50 до 100 метров. На этом вытянутом вдоль восточного берега участке были установлены места пяти крупных капитальных построек бывшего промысла. Остатки фундаментов двух из них, обозначенные уроженцем данной местности, обнаружившим их в 1960-е годы, находились в зарослях камыша (недоступны для осмотра. – **О. С.**) в районе поселков Шевченко, второго и третьего. Третье здание находилось у подножья склона слева от главного въезда на промысел в 250 метрах южнее здания нынешней Корсунской школы. От этой капитальной постройки сохранились хорошо видимые линии внешних стен и внутренних перекрытий. Четвертое здание сохранилось – это здание на верхней площадке берега, в котором ныне размещается Корсунская школа. Пятое крупное здание располагалось на косе и также по следам (отвалам), оставшимся от разобранных стен, хорошо сохранило линии своей формы. Остальные обнаруженные на территории косы следы зданий сразу были исключены из перечня объектов, подходящих для размещения в них церкви, так как данные группы строений (то есть фундаменты от них) по ряду признаков были определены как жилые (для рабочих промысла)

и хозяйственные (для хранения инструмента) постройки. Также в перечень не попало сооружение соляной мельницы, на месте которой ныне находится раскопанный котлован в форме прямоугольника. Все доступные следы бывших строений соляного промысла были сфотографированы для возможного моделирования форм зданий и дальнейшей идентификации. (Например, для установления местонахождения «дома акцизного надзора Одесской соляной заставы». – **О. С.**) Теоретически, в каждом из пяти зданий могло быть специально выделенное помещение под домовую церковь соляного промысла. Более того, два из этих зданий вполне могли быть самостоятельными церковными сооружениями. Поэтому повторно во главу угла вставал ключевой вопрос: церковь находилась в здании или же была отдельно стоявшим строением? Как оказалось, ответ на этот вопрос скрывался в приведенном выше тексте газетного репортажа в «Одесском листке». Внимательно прочитав заметку, находим в предложениях ключевые фразы – «церковь эта воздвигнута» и «основана и сооружена», несущие в себе отражение выполненных действий – строительства сооружения. Там же при чтении сообщения о памятной мраморной доске, «врезанной на внутренней стене храма», перед глазами невольно выстраивалась и внешняя стена храма. Можно ли оперировать набором таких фраз, сообщая об открытии церкви в уже существующем здании? Ответ очевиден – нет!

Существенную помощь в установлении местонахождения церкви могли бы оказать старожилы, коренные жители поселков Шевченко – первого, второго и третьего, или села Корсунцы. Но, как выяснилось, в этих населенных пунктах практически не осталось таковых. Видимо, сказывалось географическое положение – близость населенных пунктов к городу Одессе, стимулирующая постоянную миграцию населения из хутора и поселков в город. Соответственно, в пригородный хутор селились семьи из более отдаленных мест. Это создало некий разрыв в цепи бытовой передачи исторической информации, не отраженной в иных источниках (устных свидетельств), о происходивших здесь событиях. Тем не менее один из потомков семьи, приехавшей на постоянное место жительства в поселок Шевченко в начале 1930-х годов из Ивановского района Одесской области, помог

получить важные сведения о бывших постройках промысла, в частности указать места двух построек, ныне скрытых в зарослях камыша. Но о существовании в этих местах церкви члены этой семьи даже не слышали.[22]

И все же одно важное свидетельство посчастливилось услышать. Много лет назад местный житель по фамилии Король рассказал директору Корсунской школы Алле Борисовне Посмитной-Петренко о стоявшей недалеко от школы церкви. Самое важное в этом рассказе, по сути, ставшем уже устным преданием, стало указание точного расстояния: «200 метров от школы». Проверяя полученную информацию, я нашел место, где, согласно свидетельству, находилась церковь. Но, к своему разочарованию, не обнаружил на месте никаких заметных признаков, указывающих на то, что здесь могла бы стоять церковь. Первичный осмотр участка не выявил характерных глиняно-земляных отвалов (или просто вспученности почвы) геометрически правильной формы, остающихся после разборки (разрушения) каменных стен зданий довольно продолжительное время. Разбросанные на поверхности отдельные фрагменты камня-ракушечника и кирпичей нельзя было идентифицировать как извлеченные из стен или фундамента церкви, так как их разнородность и следы горения на них говорили о том, что фрагменты стройматериалов в разное время были занесены в данное место извне для создания импровизированных конструкций мангалов. Но больше всего смущало то, что рельеф и размер участка местности выглядел абсолютно не подходящим местом не только для расположения здесь культового сооружения, но и более того, для любого другого здания. Это была площадка шириной в разных местах от 5 до 7 метров с нависающим под углом в 60° склоном. К тому же, площадка находилась впритык к грунтовой дороге – старой линии берега. Соседние участки выглядели еще более бесперспективными местами из-за нависающих крутых обрывов. Этот удручающий пейзаж, насыщенный разбросанным современным мусором, казалось, окончательно разрушал надежду найти здесь хоть какие-то следы исчезнувшей церкви. Но в то же время у меня не было оснований сомневаться в правдивости пересказанного свидетельства старожила, поведавшего о стоявшей здесь церкви. Ведь человек

Соляной промысел на Куяльницком лимане в 1930 году.
На заднем плане видны постройки промысла

делился воспоминаниями достаточно давно, так сказать, заочно, без лукавства казаться знающим и интересным собеседником, и самое главное – подтверждал никому здесь уже не известный факт самого существования церкви. Значит, и указанное расстояние было близко к истине.

Был еще один проверенный способ поиска информации по истории местности – это картографический материал. Всякий раз, когда на моем столе появлялись старые карты и планы, я подробнейшим образом изучал данную местность. В этой карточной чехарде одна из карт, составленная в Румынии в 1930-е годы, привлекла особое внимание своей тщательной детализацией нанесенных топографических обозначений. На данной карте был изображен не существовавший уже в 1930-е годы Куяльницкий соляной промысел со всеми береговыми строениями, в том числе с соляной мельницей, водонапорной башней и железной дорогой. Вначале я даже не сразу обратил внимание на неприметный кружок, нанесенный на берег лимана. Но когда продолжил сопоставлять обозначения промысла с собранной информацией и переносить все данные на современную карту с последующей локализацией объектов на местности при помощи наложения спутниковой съемки, кружок постоянно оказывался именно в том месте, где, по преданию, стояла церковь. При внимательном рассмотрении на вершине кружка удалось разглядеть затертый рисунок крестика. Круг с крестом на верху – это старое условное обозначение (топографический знак), обозначающее отдельно

стоящую церковь. Теперь все окончательно прояснилось – все собранные материалы однозначно указывали на место, где находилось здание церкви Святой мученицы Наталии.

Попутно открылась и последняя тайна, связанная с «неудобным» рельефом местности. Оказалось, что более пятнадцати лет назад часть склона была искусственно деформирована при проведении земельных работ на примыкающих к обрыву выделенных дачных участках. При помощи трактора с верхней площадки было срезано и скинуто вниз несколько десятков кубометров грунта, засыпавшего часть подножья склона. Данный процесс продолжили атмосферные осадки, смывавшие рыхлый грунт на нижнюю площадку. Ко всему прочему, поиск следов строения серьезно усложняло и то, что за столько лет помимо естественной и рукотворной эрозии склона добавлялся массовый выброс мусора к подножью обрыва. Его накопления создали здесь неестественные грунтовые образования, вводящие в заблуждение даже опытного человека. С другой стороны площадки, вдоль западной линии подножья склона, из года в год происходило смещение грунтовой дороги в сторону уклона, вызванное тем, что в период дождей колею размывало, и автомобилисты, прокладывая новую, стремились объезжать ямы по лежащей рядом возвышенности. Все это абсолютно изменило природный рельеф местности. Поэтому, находясь непосредственно на месте, трудно было в инженерно-строительном аспекте мысленно поместить конструкцию церкви на узенькой полоске земли между дорогой и обрывом. Еще сложнее было эстетически представить здание храма в этом месте, учитывая контекст культовой значимости и публичности места.

Для закрепления открытия важно было получить изображение церкви, стоящей в данном месте. Идея найти фотографию церкви Святой мученицы Наталии изначально казалась абсолютно бесперспективным занятием. Понимая, что церковь существовала короткий отрезок времени, находилась в стороне от оживленных дорог и к тому же на частной территории, по законам логики выходило, что у церкви практически не было шансов попасть в объектив фотоаппарата любопытного фотографа. Но тем не менее возник один перспективный вариант поиска

фотографии. Он был основан на особенностях подачи материалов в журнальных изданиях первых лет советской власти, которые просто изобиловали подробными фоторепортажами с различных предприятий Одессы и пригорода. Известно, что соляной промысел на Куяльницком лимане после нескольких лет запустения, вызванного гражданской войной и последовавшей разрухой, возобновил работу в начале 20-х годов как предприятие Одесхимсольтреста.[23] Следовательно, нужно было искать фоторепортажи с соляного промысла в подшивках одесских журналов за период с 1924 по 1932 гг.

Здесь надо пояснить, что суть поиска фотографии религиозного сооружения в печатных изданиях антирелигиозного времени, где появление изображения церкви как одного из символов религии было недопустимо, заключалась в определенном фокусе: плотности расположения построек на небольшом пространстве. Все основные постройки промысла достаточно компактно (для территории данного предприятия) располагались вдоль берега и на косе лимана – такое единство зданий предприятия, подчиненных одному общему делу, делало второстепенными «идеологические» отличия в архитектурных формах одного из них. Так что, при фотографировании рабочих буден на раскинувшихся на сотни метров площадях (бассейнах) промысла в кадры с общими планами невольно должна была попасть и прибрежная полоса со всеми расположенными на ней строениями. А так как местоположение церкви, как и других построек промысла, было установлено, а также были известны и основные топографические элементы местности, то распознать объекты на фотографиях было бы уже делом несложным. Результат поиска был получен уже во втором просмотренном источнике – в журнале «Шквал» за 1930 год.[24] Но и здесь не обошлось без ставших уже привычными в ходе этой работы загадок. В материале под заголовком «Фабрика соли» весь разворот был посвящен фоторепортажу с Одесского соляного промысла, запечатлевшему бесчисленные горы соли и копошащихся между ними работников с тачками и лопатами. Но заветного места не наблюдалось ни на одной фотографии. Разворот с фоторепортажем являлся целостным материалом, что подтверждала

и карточка каталога библиотеки, указывающая, что фотоиллюстрации промысла размещены на страницах 8 и 9. Это означало, что источник можно было отметить как просмотренный и безрезультатный. Переворот листа на следующую страницу был машинальным действием, всего лишь задерживающим на секунду миг осознания очередного разочарования в бесконечном поиске исторических материалов, касающихся исчезнувшей церкви. На следующей, десятой странице, была опубликована уже новая статья, на другую тему, но вверху страницы размещалась одна-единственная фотография, которая явно выпадала из контекста опубликованного материала. Обилие гор соли на первом плане сразу выдало территориальную привязку фотосъемки. Но главная находка ожидала меня на заднем плане фотографии – там, на непропорционально завышенном горизонте с полосой берега лимана, не сразу можно было и разглядеть размытые очертания двух белеющих зданий. Здание слева – это и была домовая церковь Святой мученицы Наталии.

Несмотря на невысокое качество журнальной фотографии, изображение оказалась более чем удачной находкой для прояснения ряда важных деталей. Так, на фотографии с правой стороны мы видим здание, которое сохранилось до наших дней, и в котором ныне находится Корсунская школа (вначале прорабатывалась версия, что домовая церковь располагалась в данном здании. – **О. С.**). Попавшее на фотографию здание школы можно использовать как ориентир для топографической привязки церкви на современной карте местности. Напомню, что и сама церковь также является ориентиром – в советской военной топографии старинные здания православных церквей служили ориентирами для определения сторон горизонта: алтарь всегда на востоке, главный вход с запада – наставлялось в военных учебниках. Съемка производилась с западной стороны с каменно-песчаной насыпи, с небольшой высоты – видимо, с вагончика, стоявшего на узкоколейной линии насыпи. Для «чистоты исторического эксперимента», то есть для сопоставления одного и того же вида, но снятого с разницей в восемьдесят четыре года (для создания сравнительной фототаблицы), пришлось терпеливо выжидать засушливого отрезка года, чтобы можно было выйти по зыбкому

ФОТОТАБЛИЦА

Установление местонахождения церкви Святой Мученицы Наталии на Куяльницком соляном промысле

ФОТО 1. Вид на Восточный берег Куяльницкого лимана в 1930 году
Здание слева - домовая церковь Святой Мученицы Наталии; здание справа - административное здание Соляного промысла (ныне - школа)

ФОТО 2. Вид на Восточный берег Куяльницкого лимана в 2014 году
Здание слева - отсутствует; здание справа - Корсунская школа.

Соляной промысел на Куяльницком лимане в 1930 году
На заднем плане видны постройки промысла

песчано-грязевому настилу Куяльницкого лимана на удаленное расстояние и произвести съемку восточного берега.

Во время съемки (то есть в 1930 году) здание церкви было уже заброшено – отсутствовали дверь центрального входа

Церковь Святой мученицы Наталии на Куяльницком соляном промысле. 1930 год

и рамы на окнах. Тем не менее хорошо сохранилась побелка на фасаде церкви, об этом мы можем судить, сравнивая церковь с соседним жилым зданием. Запечатленное на фотографии здание школы дало возможность сопоставить ее со зданием церкви и определить относительные размеры храма. Проведенный непосредственно на месте замер длины западного фасада школы был равен 25 метрам, соответственно, наложение полученной шкалы на изображение церкви показало нам относительный размер западного фасада церковного здания, составивший (с учетом искажения перспективы) около 20 метров. Таким же способом удалось определить и примерную высоту колокольни, составившую около 6 метров. Церковная ограда, которая просматривается на фотографии белой полоской, тянулась в длину на более чем 30 метров.

Находка фотографии неожиданно оживила в сознании связанные с ней события: мы видим башенку колокольни и легко представляем звук разносящегося по окрестностям праздничного колокольного звона. Мы смотрим на едва уловимую взглядом нить дороги и представляем движение стекающегося к церкви окрестного люда. По этой же дороге сюда прибывали и священнослужители для проведения богослужений.

Путь их лежал из Пантелеимоновской церкви (к ней была приписана домовая церковь Святой Наталии. – **О. С.**), расположенной на противоположном (по диагонали) берегу Куяльницкого лимана. Имена священнослужителей церкви Великомученика Пантелеимона узнаем из справочной книги Херсонской епархии – это были священник Василий Николаевич Филонов, 58 лет, и псаломщик Спиридон Андреев Маранчук, 39 лет. «На настоящем месте» священник – с 1890 года, а псаломщик – с 1893 года.[25] И хоть по своему церковному положению службы в церкви Святой Наталии велись нерегулярно, но все-таки в один день, можно уверенно сказать, колокольный звон приземистой часовенки разносился по округе, призывая служащих и рабочих промысла на праздничную службу. Это был храмовый праздник 26 августа – день памяти святой Наталии. Картину предполагаемого людского потока к церкви в праздничный день мы получим, суммируя известное число работавших и живших здесь людей. В год открытия церкви на промысле постоянно проживало 80 служащих, а в сезон выволочки соли (читай – в августе и сентябре) на промысле работало до 600 человек, прибавим сюда крестьян – жителей Корсунцов, записанных в 1906 году прихожанами домовой церкви Святой мученицы Наталии в количестве 86 мужчин и 90 женщин.[26] Отнимем произвольный процент людей, по тем или иным причинам отсутствующих на месте, и обнаружим, что в среднем церковный праздник мог собрать до полутысячи человек.

Важно отметить, что словно по чудесному совпадению, после открытия церкви Святой Наталии последовали значительные гуманитарные преобразования в ближайшем населенном пункте Корсунцы, который, как было отмечено выше, имел многолетнюю именную принадлежность как «хутор Корсунцы Лузановой». На рубеже веков в Корсунцах была построена школа, открыта библиотека-читальня, а при школе заложен сад с питомником. Здание школы в Корсунцах было выстроено сыном Н.Н. Лузановой Михаилом Фомичом Лузановым.[27] С марта 1900 года акционерным обществом Куяльницко-Хаджибейских соляных промыслов на счет земства была внесена сумма в размере 1000 рублей на образование капитала для содержания

и развития школы.[28] В дальнейшем акционерное общество ежегодно выделяло средства в помощь школе, а Михаил Фомич Лузанов стал бессменным опекуном учебного заведения. Его участие в жизни школы было всеобъемлющим – от постройки самого здания и принесения в дар земству десятины земли, на которой была возведена школа, до ремонта этого же здания, произведенного им в 1907 году. И совсем уж по-отечески заботливо выглядели чтения, которые проводил лично Михаил Фомич Лузанов с группой товарищей в рамках внешкольного обучения для безграмотной части населения Корсунцов. Согласно ежегодному отчету, в год открытия (с 1 декабря 1901 года) в школе занимались уже 46 учащихся.[29] Но истинным очагом просвещения для всего населения хутора стала открытая в 1901 году в отдельном помещении Корсунской школы библиотека-читальня, названная именем А.С. Пушкина.[30] Спустя два года после открытия фонд библиотеки-читальни насчитывал 458 томов хранения и имел подписку на восемь периодических изданий. Число подписчиков составило 61 человек (32 мужчины и 29 женщин). Число выданных книг за отчетный 1903 год составило 815 томов, из них 532 раза книги брали мужчины и 283 раза женщины.[31] (Через несколько лет число учащихся школы и подписчиков библиотеки значительно выросло за счет населения села Крыжановки. – **О. С.**) В сухой канцелярский текст отчета по воле случая прокрался фрагмент живой речи заведующего Корсунской библиотеки-читальни. На вопрос о литературных вкусах жителей Корсунцов он расставил жанры по интересу подписчиков следующим образом: «сказки, военные и из народного быта рассказы и сочинения Гоголя».[32]

В эти же годы под руководством земства Одесского уезда на отведенном сельским обществом участке при Корсунской школе был разведен фруктовый садик с небольшим питомником. Школьный садик снабжался посадочным материалом из земских питомников, где к саженцам прививались глазки и черенки от лучших сортов фруктовых деревьев. На отдельных участках школьного питомника учителями за свои средства выращивались саженцы специально для раздачи трехлетних деревьев ученикам или беднейшим крестьянам. За каждое

трехлетнее дерево земство платило учителям вознаграждение по 10 копеек, а за каждое привитое дерево груши по 15 копеек.[33] Краткий перечень некоторых сортов плодовых деревьев, распространяемых из питомников, психологически заставляет почувствовать на устах сладкий сок и мякоть созревших плодов поистине интернационального сада – яблони: Кардинал огненный, Синап-кандиль, Виргинская розовая; груши: Бон-Луиз де-Аванж, Дюшес Ангулем, Жозефин-де-Малин, Бергамот Эсперена, Фаворитка Клаппа; абрикосы: Королевский, Ранний из Монплезира, Сахарный голубок; сливы: Анна Спет, Ренклод графа Алтана, Леванская красавица; персики: Ранняя Беатриса, Перуанский ранний; вишня: Королева Гортензия, Шпанка, Остгеймская; шелковица: Константинопольская белая, Черная крупноплодная, Золотистая.[34] Еще совсем недавно по меркам истории – каких-то двадцать пять лет назад – в густых зарослях Корсунского сада можно было найти отдельные фруктовые деревья. Почему-то больше всего сохранилось деревьев груш. Это были дикие деревья с совсем мелкими плодами желто-зеленого цвета. Видимо, это были груши, выросшие из семян плодов тех самых земских саженцев, стоивших 15 копеек за деревце. Сегодня от сада не осталось и пенька.

Разрушение здания церкви происходило одновременно с разрушением других построек промысла и было связано с последствиями сильнейшего наводнения. Наводнение 1932 года буквально смыло соляной промысел на Куяльницком лимане.[35] Водная стихия подтопила десятки жилых домов и хозяйственных построек промысла, размыла гидротехнические сооружения (бассейны). После того как вода отступила, люди стали разбирать брошенные дома: камень и кирпич с разобранных строений использовался повторно как стройматериал для возведения новых домов уже на верхней площадке берега.[36] Такая же участь постигла все нежилые постройки и конструкции промысла: извлекался камень, кирпич, черепица, рельсы и даже деревянные сваи. Последние также использовали как дрова для печей. За несколько лет поисков церкви и других сооружений промысла автором этих строк были извлечены и собраны разнообразные виды стройматериалов, оставшихся от построек

промысла: черепицы, огнеупорных (от печей и дымоходов) и строительных кирпичей, деревянных свай от гидротехнических конструкций промысла. Анализ данных артефактов свидетельствует о высоком качестве стройматериалов, применявшихся в строительстве большинства объектов инфраструктуры Куяльницкого соляного промысла. Состояние некоторых кирпичей таково, что позволяет хоть сейчас, по прошествии столетия, использовать их по прямому назначению. Само за себя говорит разнообразие клейм местных и иностранных производителей кирпичей: «Л. Ф.», «EXTRA», «N. RAMSAY», «LONDON», «О.К.Ц.А».[37] Отметим здесь, что с первых жилых построек промысла (т. н. «хуторов соляного промысла») ведут свое начало ставшие потом населенными пунктами Одесской области все три поселка Шевченко. А из камня разобранной церкви, вероятно, были построены хаты (дома) и хозяйственные постройки ближайшего к ней населенного пункта, носившего в 1930-е годы название Шевченково первое. Мраморная плита с памятной надписью утратила свою выразительно-смысловую значимость еще в первые годы советской власти, и судьба ее неизвестна. Так же, как и других церковных символов – креста и колокола.

Окажись сегодня Наталья Николаевна Лузанова в своих владениях, она с трудом узнала бы родную землю: исчезла церковь и другие здания промысла, оказалась в запустении местная природа, а на месте школьного сада в Корсунцах сейчас можно увидеть лишь голый склон балки. Разве что гниющие деревянные сваи в почти высохшем Куяльницком лимане с вековой печалью напомнили бы землевладелице о ее детище – грандиозном предприятии, продукция которого к концу XIX столетия завоевала «обеденные столы» внутренних губерний Российской империи. Вот что о Куяльницкой соли с предприятия Лузановых писалось в 1898 году в четвертом томе многотомного издания «Живописная Россия»: «…Лучше обставленная по удобствам доставки, одесская, или куяльницкая соль, добываемая в 8 верстах от Одессы. Этот промысел причисляется уже к важнейшим в государстве. Эта соль идет даже в белорусские губернии, какова бедная Минская. Запас соли определяется в 150 миллионов пудов и на месте она продается от 36 до 40 коп.

за пуд».[38] Пожалуй, что, без всякого сомнения, немного утешило бы гостью из прошлого – это то, что в одном из принадлежавших ей зданий сейчас находится начальная школа, в которой под присмотром заботливых педагогов обучаются более ста местных детей. Это чудом сохранившееся здание овеяно некоторыми местными легендами, в том числе и романтическими, но, возможно, и в самом облике старинного здания Корсунской школы затаилась одна вековая интрига. Первое, что бросается в глаза при виде этого строения, это его асимметричная форма: вытянутый с юга на север основной корпус здания продолжается небольшим перпендикулярно расположенным крылом с южной стороны. С северной же стороны крыло отсутствует. Эта неправильная форма всякий раз вызывала резонный вопрос: для чего потребовалось создавать такую архитектурную дисгармонию? Абсурдно искать объяснение «недостроя» в недостатке средств у владельцев земли. Также не следует связывать «оригинальную» планировку здания с ориентированием на режим ветров в данном месте, так как недостающая часть как раз делает внутренний двор незащищенным от господствующего в регионе северного ветра. И только с одного ракурса форма здания раскрывает гармоничное содержание своей формы, выражаясь фразеологизмом, с высоты птичьего полета. В нашем случае картинка раскрывается с помощью спутниковой съемки: сверху мы видим, что старинное здание выстроено в форме латинской буквы «L» (не беря во внимание пристройки советского времени. – **О. С.**). Что само собой уже наводило на желание мысленно продолжить выводить на земле с запада на восток остальные латинские буквы, получая фамилию Luzanov. Причем «каменная литера» расположена по форме корректно – как в алфавите, что предполагает правильное «написание» (слева направо: от лимана в глубь материка) и остальных букв фамилии. Неужто и вправду в этой заглавной букве инициала умышленно была зашифрована фамилия дворянского рода? Или же только что в этих строках родилась красивая легенда? В любом случае существует L-образное сооружение на земле, где эта литера была главной в фамилии рода, определявшего судьбу данной местности.

Здание дома семьи Лузановых на соляном промысле (ныне Корсунская школа)

Теперь, оглядываясь на покрытые забвением исторические события, происходившие на описываемой местности, где давно уже ничего не напоминает о былом размахе легендарного предприятия и людях, его создававших, закономерным упреком нашему многолетнему безразличию звучит сочетание слов: «ничейная коса». Именно под таким заголовком в апреле 1981 года газета «Вечерняя Одесса» опубликовала заметку, в которой неравнодушный читатель обращал внимание общества на проблему загрязнения прибрежной территории Куяльницкого лимана: «…Коса изрыта огромными ямами, уродующими пейзаж, – здесь поработали экскаваторы. Кому-то понадобилось брать отсюда песок (который, кстати, низкого качества – с глиной). Тут и там разбросан всякий хлам, вплоть до металлоконструкций весом в сотни килограммов, горы стальной проволоки и бетонных столбиков с ближайшего виноградника, и просто груды мусора».[39] В этой же заметке автор с хронологической точностью следователя вписал в историю эпизод наблюдаемого им на косе безобразия: «…24 марта 1981 года в 13:50 самосвал ЗиЛ-130 с номером 35-48 ОДЯ вывалил на лу-

жайку косы огромную кучу бумаги и картонных ящиков». Сегодня можно констатировать, что за прошедшие более тридцати лет с момента выхода публикации здесь мало что изменилось. За три года регулярных посещений данной местности вдоль склонов и на самой косе менялись только цветовая гамма и размеры завозимых и заносимых сюда разнообразных отходов. Завершающим штрихом в палитре депрессивной картины стало целенаправленное извлечение из воды лимана последних реликвий, оставшихся от инфраструктуры соляного промысла, – рельсов узкоколейной линии. Их последний путь пролег в пункт приема металлолома.

Последние дни жизни Наталии Николаевны Лузановой проходили на фоне драматических событий, развернувшихся в Одессе летом 1905 года. В те дни всякая связь имения Лузановых с городом была отрезана бунтовщиками – рабочими заводов, расположенных на Пересыпи. Отсюда началась политическая забастовка в Одессе, вскоре распространившаяся по всем районам города. Волнения в городе подогрел появившийся на одесском рейде броненосец «Князь Потемкин-Таврический» с восставшим экипажем. Несколько дней спустя было опубликовано правительственное сообщение, в котором говорилось об «открытом мятеже рабочего населения Одессы, сопровождающемся убийствами, грабежами и поджогами». Там же подчеркивалось, что особенно сильно от «неслыханного разгрома, учиненного буйной чернью», пострадал одесский порт: «…с наступлением сумерек начались поджоги, вскоре принявшие ужасающие размеры. Выгорела почти вся территория порта, так как толпа не допускала к тушению огня пожарных».[40] Вид зарева пожарища в одесском порту и звуки залпов корабельных орудий мятежного «Потемкина» – одна из последних картин, которые могла наблюдать Наталья Николаевна Лузанова, находясь на своей даче на противоположном берегу Одесского залива. (Дача Лузановых была разрушена от попадания бомбы во время авианалета в 1944 году. – **О. С.**)

Умерла Наталья Николаевна Лузанова 28 июня 1905 года в возрасте 86 лет, от старости, похоронена в семейном некрополе Лузановых на старом кладбище села Крыжановка.[41] Памятник на ее могиле, как и на могилах других восьми похороненных здесь членов семей Лузановых и Дембровских, разрушен.

Вид на Одесский залив с ограды фамильного некрополя дворянского рода Лузановых, с. Крыжановка, 2011 год

...Отсюда, со старого кладбища, открываются замечательные виды на Одесский залив и береговую панораму Одессы, от которых просто невозможно оторвать глаз. Созерцание этого дает нам сегодня возможность понять главное – это место давным-давно было выбрано не случайно: здесь в каменной ограде заключена последняя воля усопших – обрести вечный приют на родной земле и навсегда остаться в окружении сопровождавших их с рождения любимых видов. Сумеем ли мы проникнуться чувствами предков и сберечь эти несколько саженей нашей общей памяти, кстати, одного из немногих мест на мемориальной карте региона, где частично сохранен фамильный некрополь дворянского рода, оставившего свой заметный след в истории Одессы? В целом же и фамильный некрополь Лузановых, и место разрушенной церкви, и даже столетние сосновые сваи в водах Куяльницкого лимана – это «точки соприкосновения», где хоть на миг в каждом из нас оживает связь с личностями и событиями из многоликого прошлого земли, на которой мы сейчас живем.

P. S. Сегодня на территории бывших землевладений Лузановых – части Суворовского района города Одессы и части Коминтерновского района Одесской области – живет около 250 тысяч человек. В числе которых и автор этого текста.

Фото автора

Примечания

[1] Одесский листок. – 1899, 13 сентября.

[2] Одесский листок. – 1899, 12 сентября.

[3] Губарь О.И. История первого городского кладбища и комментарии к материалам В.И. Смирнова. О.И. Губарь, Первые кладбища Одессы. Ред.-сост.: М.Б. Пойзнер. – О.: ТЭС, 2012, с. 420.

[4] Одесса, 1794-1894. Изд. Гор. обществ. управления к столетию города. – Одесса: Тип. Шульца. 1895, с. X.

[5] Там же, с. XXXV.

[6] Полное собрание законов Российской империи. (Далее – ПСЗРИ) – Спб., 1829, т. IV, № 3065, с. 578-579.

[7] Там же.

[8] Список населенных мест Херсонской губернии и статистические данные о каждом поселении. (Изд. Губерн. стат. комитета) – Херсон: Тип. Губерн. правл., 1896, XXIV, с. 299.

[9] ПСЗРИ, 1871, т. XLVII, часть 2, № 51105 (Устав акционерного общества Одесских Куяльницко-Хаджибейских соляных промыслов), с. 184-193.

[10] Там же.

[11] Там же.

[12] (Некролог Ф.П. Лузанова) Одесский вестник. – 1870, 11 февраля, № 30.

[13] Записки Императорского Общества сельского хозяйства Южной России. – 1870, № 10, с. 787.

[14] Государственный архив Одесской области (далее – ГАОО), ф. 4, оп. 1, д. 600 (дело утрачено).

[15] Вся Одесса: адресная и справочная книга всей Одессы с отделом Одесский уезд на 1911 год. – Одесса: Тип. «Од. Нов.», 1911, с. 82.

[16] Вся Одесса: адресная и справочная книга всей Одессы с отделом Одесский уезд на 1914 год. – Одесса: Тип. «Од. Нов.», 1913, с. 8-9.

[17] Личный архив. Копия рукописи преподавателя Корсунской школы в 1947-1970-х годах О. Соколовой, озаглавленная как «История школы села Корсунцы».

[18] Список населенных мест Херсонской губернии и статистические данные о каждом поселении. Указ. Справочник. С. 299.

[19] ПСЗРИ, т. XLVII, часть 1, № 51039, с. 998.

[20] Там же, часть 2, № 51102 (Устав Товарищества владельцев Одесских Куяльницко-Хаджибейских соляных промыслов), с. 174-184.

[21] Там же.

[22] Личный архив (воспоминания уроженца п. Шевченко В.М. Соколова).

[23] Шквал. – 1924, № 7 (Одесские соляные промыслы).

[24] Шквал. – 1930, № 33 (Фабрика соли).

[25] Справочная книга Херсонской епархии. (Издание Духовной консистории) – Одесса: Тип. В.Н. Фесенко, 1906, с. 33.

[26] Там же, с. 32.

[27] Отчет Одесской земской управы за 1901 год. – Одесса: «Славянская» типография Н. Хрисогелос, 1902, с. XIV, XXV.

[28] Отчет Одесской земской управы за 1901 год. Отдел второй. (Денежный) – Одесса: «Славянская» типография Н. Хрисогелос, 1902, с. 131.

[29] Там же, Приложение № 4, с. 73.

30 Краткие сведения о народных школах в Одесском уезде за 1903 год. – Одесса: «Славянская» типография Е. Хрисогелос, 1904, с. 16.

[31] Там же.

[32] Там же, с. 17.

[33] Отчет по сельскохозяйственному отделению Одесской земской управы за 1903 год. – Одесса: Тип. Торг. дома Г.М. Левинсон, с. 14.

[34] Там же, с. 16.

[35] Вечерняя Одесса – 1981, 3 сентября.

[36] Личный архив (воспоминания уроженца п. Шевченко В.М. Соколова).

[37] Личный архив (коллекция автора оригинальных кирпичей, черепицы, деревянных свай и других материалов с построек Акционерного общества Куяльницко-Хаджибейских соляных промыслов).

[38] Живописная Россия. Отечество наше в его земельном, историческом, племенном, экономическом и бытовом значении. Под общ. ред. П.П. Семенова. Т. V, ч. 2 – Спб. – М.: М.О. Вольф, 1898, с. 70.

[39] Вечерняя Одесса. – 1981, 16 апреля.

[40] Нива. – 1905, № 28, с. 550-554.

[41] ГАОО, ф. 37, оп. 13, д. 636.

Ева Краснова, Анатолий Дроздовский

Одесский городской водопровод начинается с Беляевки

Недавно нам достался очень интересный и многоплановый блок стекол с негативами старинных одесских фотографий, выполненных, по сведениям бывших владельцев, фотографом Сергеем Ефремовым. О самом фотографе нам известно очень мало, но есть сведения о его супруге Валентине Алексеевне Ефремовой, трудившейся классной надзирательницей и учительницей чистописания в частной женской гимназии А.И. Малиновской. Семья Ефремовых занимала 2-й этаж дома на Градоначальнической, 9, угол улицы Южной, в доме с симпатичным угловым эркером. По непроверенным пока нами сведениям, господин Ефремов не занимался фотографией профессионально, а работал инженером на водопроводной станции «Днестр» вблизи Беляевки.

На коллекционных стеклах С. Ефремова много видов Одессы, некоторые мы в последнюю минуту внесли в альбом «Старая Одесса. Фотографы и фотографии», выпущенный нами в 2013 году. Так называемый военный блок на стеклах еще требует разработки, а вот показавшиеся поначалу не одесскими фотографии некого строительства вблизи водоема на поверку оказались уникальными фотографиями водопроводной станции «Днестр». В «опознании» поучаствовал авторитетный специалист, наш старинный знакомый, многолетний коллега, ныне – главный технолог «Инфоксводоканала» Владимир Иванович Гольцов. Он сразу распознал станцию в Беляевке, подивился, что все там сохранилось, и свозил нас на экскурсию в это уникальное место.

Беляевские фотографии Сергея Ефремова выполнены на рубеже XIX и XX веков, когда там производились значительные

ремонтные работы. Но начнем по порядку и напомним вкратце многострадальную историю одесского водопровода, причем используем публикацию по свежим следам «Об устройстве водопровода в Одессе», размещенную в «Иллюстрированном народном календаре на 1875 год».

«1870 года, декабря 19-го Одесская распорядительная дума заключила контракт с Швабеном (санкт-петербургским купцом) и Джонсом Моором на 49 лет. Давать воды вначале в количестве 2 000 000 ведер в сутки. Плата 9 копеек за бочку для домашнего употребления, для паровых фабрик 4 к. Напор должен быть такой, чтобы вода поднималась на 63 ф. (1 фут составляет примерно 30 см) над мостовой, плата за водопой – ½ и $^1/_3$ к. Вода для 10 фонтанов бесплатно… также для пожаров – всего 200 000 ведер в сутки для общественной надобности. Правильное и безостановочное снабжение города, Слободки и Молдаванки должно начаться 9 сентября 1873 года…»

Мы описывали в статье, посвященной одесским фонтанам, первый из них, торжественно открытый на Соборной площади вблизи Преображенской улицы именно в указанный день.

Днестровская вода пришла в город в сентябре 1873 года, однако устройство водопровода в домах продолжалось еще долго, и безостановочное снабжение города, Слободки и Молдаванки началось в 1874-1875 годах. Причем в центральной части Одессы водопровод был проведен во дворы и квартиры, в рабочих же районах устанавливались уличные водоразборные «столбы», вода из которых продавалась ведрами. На городских площадях были устроены 19 бесплатных водопоев для лошадей. Бесплатными были и питьевые фонтанчики, установленные в многолюдных местах.

В течение 1874 года город украсили бесплатные 10 фонтанов, некоторые из них дожили до наших дней и освежают своими струями город и горожан.

Днестровский водопровод состоял из комплекса сооружений на Днестре, построенных местными инженерами и техниками на плоском берегу реки, водовода Днестр – Одесса, резервуаров и насосной станции «Чумка», и городской водопроводной сети.

Известно, что в 1880 году водопровод был проведен в 3853 дома, на 59 фабрик, в 116 хуторов, 23 бани. Однако воды в городе

с постоянно растущим населением не хватало, и городская дума вынуждена была принять решение о досрочном выкупе водопровода с выплатой концессионерам солидной компенсации. С 1 января 1897 года эксплуатация Днестровского водопровода перешла в ведение города.

В результате многочисленных дебатов, экспертиз и совещаний с видными мировыми специалистами по водопроводным работам властями был принят план реконструкции Днестровского водопровода, разработанный инженером И.О. Платсом в 1896 году. Господин Платс руководил одесским водопроводом при концессионерах и оставался на руководящей должности, когда водопровод перешел в ведение города, он же руководил ремонтными работами.

К концу 1901 года основные работы по расширению и реконструкции одесского водопровода были закончены. За период ремонтных работ, с 1898 по 1901 год, на станции «Днестр» было выстроено новое машинно-котельное здание, введены в эксплуатацию два дополнительных медленных фильтра, третий осадоч-

ный бассейн, проложен второй водовод в город и выполнены еще другие строительные работы.

Наши новые коллекционные фотографии выполнены фотографом Ефремовым именно в период строительных работ на станции «Днестр». Машинно-котельное здание с высокой трубой уже пущено в ход: видно на фотографиях, что рабочие подвозят и засыпают топливо, а из трубы идет дым. Здание снято со всех сторон, причем снято так, что высокая труба котельной живописно отражается в гладкой воде медленных фильтров и отстойников.

В архитектурном отношении сооружения на станции «Днестр» выполнены на уровне лучших образцов производственного строительства. В объектив фотографа попали симпатичные башенки – навершия, предохраняющие водяные задвижки станции. Фотографии похожих на сказочные сооружения башенок размещены в книге крупного специалиста по водопроводным и канализационным системам, создателя и руководителя кафедры водоснабжения ОГАСА Григория Эммануиловича Басса, изданной в 1973 году к 100-летию одесского водопровода. Исследователь истории водопровода собрал много интересных материалов в архиве и в библиотеках города и значительно пополнил музейное собрание станции «Днестр».

Нынешний начальник станции «Днестр» Виктор Ксенофонтович Корепанов и другие сотрудники станции бережно сохраняют музей станции «Днестр», что большая редкость в наше время. Среди музейных экспонатов схемы станции разных времен, макеты, директивы городских властей, производственные фотографии, портреты руководителей и работников станции разных времен. Мы внесли свою лепту в пополнение музейной коллекции станции «Днестр», подарив отпечатанные со стекол начала XX века фотографии реконструкции водопроводной системы. Уверены, что наши фотографии попали в надежные руки людей, болеющих за свое дело.

Но вернемся к фотографиям, на которой показана группа инженеров – руководителей реконструкции станции во главе с И. Платсом у нового водовода станции. По немалой территории станции начальство перемещалось на интересном транспортном средстве – дрезине, платформе на колесах, двигающейся по рельсам благодаря лошадиной тяге. Для удобства перемещения станционного начальства на платформе установлена двусторонняя скамейка. Рельсы узкоколейки местного значения существуют и теперь и используются для технических нужд.

Машинно-котельное здание, как мы видели, используется по своему прямому назначению, правда, за ненадобностью снесена высокая труба, от нее осталось только основание. Живописные медленные фильтры – бассейны с водой, дно которых было устлано слоем гравия и песка, – устарели и не используются в наши дни, однако они сохранились на станции «Днестр» и стоят сухими и сейчас. Чистка фильтров в былые времена была трудоемким ручным процессом – рабочие с тележками по сходням вытягивали осадок со дна на берег. Господин фотограф Ефремов запечатлел и этот момент работы водопроводной станции.

Для нас осталось загадкой, по чьему заказу С. Ефремов выполнял фотографии водопроводной станции «Днестр»: в музее этих снимков не было.

В 2013 году одесскому водопроводу исполнилось 140 лет. С небольшим опозданием мы посвящаем этому юбилею свою публикацию.

Евгений Голубовский

Юность

Признаюсь, Льву Толстому было легче строить сюжет своей первой трилогии. Отдал Николеньку в университет, любовные переживания, домашние отношения, пейзажи усадьбы. Раскаяние в неправедной жизни. И вновь дневник и обещание самому себе стать лучше… Шучу, но моя жизнь складывалась круче…

– Никакого университета ты не увидишь как своих ушей (без зеркала – забывали добавить).

Но я и сам понимал, что паспорт, испорченный пятой графой, не сулит легкого восхождения в литературоведение, в историю, в философию.

– Иди на литейный! Там меньше всего конкурс, а работать будешь там, где устроишься!

Но я проявил строптивость и вместе с группой друзей – Мусей Винер, Лерой Перловой – подал документы на электрофак политехнического института. Почему? Не отвечу и сегодня, как и не объясню, из-за чего на вопрос «Хотите заниматься сетями (электрическими – это имелось в виду) или двигателями?» ответил: «Двигателями».

Как потом выяснилось, роли особой это не играло.

Из трехсот абитуриентов сто стали студентами, наша «команда» в том числе. Нас разбили на четыре группы – от Э-27 до Э-30. Кстати, за пять лет учебы меня как смутьяна перебрасывали из группы в группу, но начинал я в Э-30. Это так, «для истории».

Первые три года в институте я учился. Не буду писать – хорошо, очень хорошо, посредственно. Но учился. Трудно давалось черчение. Как-то легко справлялся с «военкой» (а нас готовили танкистами). Камнем преткновения было ТОЭ –

теоретические основы электротехники. Три раза сдавал экзамен доценту А.Г. Голомолзину, пока, усмехнувшись, он не отпустил меня с миром. Легко шел английский язык. Преподаватели были замечательные – Наталья Филипповна Полторацкая и Галина Николаевна Кузнецова. Через годы меня вновь с ними сведет жизнь, и мы будем дружить (именно дружить!) до конца их дней.

Любил я нашего математика – Николая Борисовича Дивари, и не потому что меня занимала математика. Человек он был универсальный – альпинист, книголюб, бредивший музыкой.

Казалось бы, все шло, как у всех, как и должно. Но… где-то к концу третьего курса я твердо знал, что это «не мое», я целыми днями пропадал в библиотеке имени Горького, появляясь в институте, благо он был рядом, на Преображенской, только на практических занятиях, чтобы не было «отработок».

Много я мог бы рассказать об институте – и доброго, и смешного, иногда трагического. Но до меня уже трое моих сокурсников (это то, что мне известно) – Владимир Тайх, Олег Щекотихин

Наша группа Э-30

Фая Килимник, Лера Перлова и Муся Винер

(наш староста в Э-30), Леонид Лимонов – уже написали и кто-то уже издал воспоминания о студенческих годах.

Я читал их с интересом. Из мемуаров Тайха вспомнил, что у нас был студенческий театр, что мы ставили «Баню» В. Маяковского (Виля был режиссером), а я играл «человека с папкой». А так оно и было, но и театр, и наша факультетская газета «Электроразряд», в которой я был членом редколлегии, остались в далеком прошлом.

А сколько был просто чудесных товарищей – Гарик Дивинский, Вова Туснолобов (с ним мы учились и в одном классе в 107 школе), Ян Иткис, Толя Сидоров, Света Могилевская…

Забыл бы, наверное, я и наши практики, если бы они все не проходили на Донбассе. И сейчас, когда я слышу названия Алчевск, Краматорск, Донецк, я вздрагиваю.

Жили мы на практиках и в общежитиях, и селили нас в семьях рабочих завода. И поверьте, нас не просто дружелюбно принимали, а по-домашнему опекали.

Не забуду, как в Алчевске ночью будит меня хозяйка:

– Женя, вставай! Первач пошел!

Впервые в жизни в 20 лет выпил я полстакана еще теплого самогона. На следующий день не пошел на завод, но с тех пор могу вести отсчет своим алкогольным познаниям.

В поисках студенческих фотографий написал нескольким сокурсникам. Мало мы тогда фотографировались. Но вот такое короткое письмо пришло из Харькова от Леонида Лимонова, вновь вернувшее памятью в Алчевск:

«Ты помнишь нашу практику в Алчевске, в 1958?

Так вот. В последние несколько лет мне довелось побывать в Алчевске в командировках несколько раз.

И оказалось, что улица Ленинградская, на которой мы обитали, существует, и под тем же названием. Мало того, дом-барак, в котором мы впятером жили, тоже сохранился, стоит на том же месте. И на том же месте, в смысле в том же самом трех- или четырехэтажном здании (за углом от нашего барака) продолжает работать тот самый книжный магазин, который ты успешно опустошал во время этой нашей преддипломной практики.

А еще ты помнишь первую купленную нами в этом магазине книгу – «Избранное» И. Бабеля в обложке какого-то болотного цвета? Напечатана она была, если не ошибаюсь, в Кемерово. Там было 7 или 8 штук, и мы все их скупили. И даже я купил одну, хотя о Бабеле в тот момент знал очень мало, можно сказать, почти ничего, только слышал фамилию».

Иногда я слышу, что Донбасс – это быдло, позор державы. Нет, нет и нет. Я в Донецке бывал в домах профессоров Донецкого политехнического института. Это были не менее культурные, образованные люди, чем в Одессе.

И в Краматорске, и в Алчевске я слышал и русскую, в основном, но и украинскую речь. И это было естественно, и не вызывало ни у кого раздражения. Более того, многие мои сокурсники знали не только русский, но и молдавский, болгарский и, естественно, украинский.

Может быть, поэтому я не могу смотреть «фронтовые» сводки с Востока. Я вспоминаю современнейшие на тот период металлургические станы. Кстати, один из них электрифицировал мой двоюродный брат, довоенный еще выпускник нашего же ОПИ –

Юлик Златкис и Муся Винер

Моисей Гольденталь, он же летал в Калькутту, где внедрил эту свою схему. Я нередко слышал от ведущего электротехника института, доцента Льва Поликарповича Петрова: «Почему ты не хочешь идти по стопам брата?». У меня ответа не было.

Чем же я занимался, может кто-то спросить.

Естественно, что где-то уже осенью на первом курсе я влюбился. Мне казалось, что это на всю жизнь. Девушку звали Рита Белозерская. Росла Рита без отца, с матерью и сестрой, в Авчинниковском переулке. Два года я ходил в этот дом беспрерывно. Меня уже полюбили и мама, и сестра Галя. А с Ритой отношения были самые теплые, самые дружеские. Но пределом, который мне был дозволен, был поцелуй в темноте и слезы в рубашку (жилетки не было), лишь позже я уяснил, почему.

Рита была без ума от одного из моих товарищей, а он на нее не обращал вообще никакого внимания. Разрешилось все както неожиданно. В один из вечеров Галя попросила проводить ее к подруге, я согласился, и по дороге она мне сказала, что через месяц-другой Рита выходит замуж, причем не за того, кого любила. Может быть, ему назло.

Не знал, заходить или нет, нашел в себе силы зайти. Опустив глаза, Рита поцеловала меня и попросила забрать все книги, что я ей дарил.

Вздрогнул, увидев, что стопка книг была приготовлена на столе, вынул одну – том Бориса Пастернака 1934 года. Не попрощавшись, убежал.

Кстати, для меня это было уроком. Потом, влюбляясь, я не дарил своим подругам книги. Пожалуй, до Вали.

Как-то купил десяток копеечек времен Ивана Грозного. Черные кружочки, на решке которых была фигурка воина с копьем. Я заказывал колечки с этими древними монетками и дарил

их своим подружкам – Эмме Аровой, Инночке Тиккер. Называю тех, кого уже нет.

Наташе Бухаровой, она вышла замуж за священника и уехала с ним в глубинку России…

Но все-таки главным увлечением были не сменявшиеся влюбленности, не ночные посиделки у моря (время от времени нас освещали фонариками пограничники), а искусство. Мы все были литературоцентричны, а тут я осознал для себя, сколь прекрасна настоящая живопись. Я открыл для себя и все одесские музеи, и, главное, отдел искусства в библиотеке имени Горького. Именно там однажды мне показали альбом Музея нового западного искусства. Того самого, что безуспешно пыталась восстановить через десятилетия после сталинского разгрома неистовая Ирина Александровна Антонова.

Сказать, что я был поражен, потрясен, – ничего не сказать. Я буквально влюбился в Пабло Пикассо и Анри Матисса, я бредил Ван Гогом и Полем Гогеном, я восхищался Ренуаром и Дега. О, сколько я прочел тогда книг – все, что были написано об импрессионистах в 10-20-х годах и переведено на русский язык (Моклер и Глэз), постимпрессионизме (Синьяк), о кубизме, о конструктивизме. Передо мной лежали книги Ильи Эренбурга «А все-таки она вертится», статьи Владимира Маяковского «Записки Людогуся» о его походах по мастерским Парижа, книги В. Бабаджана и А. Нюренберга о Поле Сезанне…

Но ведь не могло быть так, что я открыл это для себя и не расскажу, не покажу друзьям. И вот уже вместе со своим школьным товарищем Юликом Златкисом мы проводим часы в библиотеке, приводим туда Мусю Винер, Сашу Ривилиса, Мишу Обуховского, Изю Клеймана…

Так постепенно созревает план провести в большом зале политехнического института вечер о современном искусстве. Начинаем искать репродукции. Словно идя нам на помощь, польский журнал «Пшекруй» («Przekrój») еженедельно в каждом номере публикует цветные репродукции – и Сутин, и Модильяни, и Дали, и Кокошка…

Михаил Обуховский (его отец – собкор республиканской газеты в Одессе) был членом факультетского комсомольского бюро.

Без всяких проволочек нам дают зал на один из свободных вечеров для «культурно-массового мероприятия».

За неделю под руководством Златкиса и Винер наклеены на листы ватмана репродукции. За неделю я написал доклад. Думал, на час – на два, оказалось, на три с половиной часа. Почти Фидель Кастро! Установили диаскоп, вывесили объявление. И, естественно, тревога, придет ли кто-нибудь.

Напомню, когда, в какое время все это происходило. Осень 1956 года. Время «оттепели» после XX съезда. Мы не только ничего не боялись, мы даже тогда не понимали, что еще можно чего-нибудь бояться. Вечер был назначен на конец ноября.

Зал вместимостью человек на четыреста полон – студенты, преподаватели. Потом мы узнали, что были и художники – Юрий Егоров, Олег Соколов, Владимир Власов, Дина Фрумина… Потом мы узнали, что были и КГБисты, но об этом мы действительно узнали потом.

Сейчас, осмысливая все, о чем я тогда рассказывал, могу признаться – доклад был компиляцией, никаких новых идей у меня еще не было. Но я доказывал, что сюжет не есть живопись, что развивается наука, развивается техника, также меняется техника живописи, что импрессионизм – это реакция на появление фотографии, что одновременно с кубизмом естественно развивается абстрактная живопись, затем, через десятилетие возникает сюрреализм. Все авангардные течения в искусстве будут развиваться и существовать одновременно, отталкиваясь и преумножая друг друга.

В 23.00 сделали перерыв. Ко мне подошли художники. Дина Михайловна Фрумина, поблагодарив за рассказ, заметила: «Запомните на всю жизнь – у Тулуз-Лотрека не было голых моделей, а были только обнаженные». Прошли десятки лет, а я убежден до сих пор, что у Шилле, у Ропса, у того же Лотрека – фигуры голые. Обнаженные они у Энгра и других классиков…

Еще человек десять рвались выступить. Ярко, остро говорил студент 5 курса Алик Мейстель. Его провожали аплодисментами.

В 24.00 зал закрыли. А буквально через день-два по городу поползли слухи, что в ОПИ состоялась «буржуазная вылазка».

Вначале появилась статья в «Комсомольском племени», затем в «Черноморской коммуне», в «Знамени коммунизма». Потом в Киеве, затем абзац в передовице «Правды»… И тогда где-то «наверху» было принято решение устроить второй вечер, дабы дать отпор «этим мальчишкам».

Я дал прочесть текст нескольким своим сокурсникам. В письме ко мне Света Могилевская (сейчас Лаздина) написала о случае, который я не знал.

«Дополню еще одним эпизодом, который проходил между первым и вторым диспутами. Небольшая аудитория, студентов много из всех наших четырех групп, сидим тесно. Я сижу рядом с Валей Френкель, Ниной Бухтиной и Эммой Михайлик. С нами ведет «беседу» парторг факультета (фамилию не помню). На первой парте сидит Гарик Иттер. Парторг поднимает Гарика, спрашивает фамилию и начинает его обвинять в «недолжном отношении к империалистической живописи». Гарик терпеливо слушает все обвинения и заявляет, что он вчера вернулся с международных соревнований по парусному спорту, завоевал золотую медаль и не понимает, о чем речь. Парторг смотрит в бумажку и говорит, что он имел в виду Винер. «Извините, ошибся». Аудитория дружно смеется. После этого он начинает поднимать каждого,

спрашивает, кто родители, и требует прийти с одним из родителей в партком. Когда очередь доходит до Нины Бухтиной, она сообщает, что мама умерла, а папа во главе танковой бригады находится в Венгрии. Парторг с испугом хватает бумажки и выбегает из аудитории. Аудитория бурно обсуждает событие. Я, Валя Френкель и Нина знали об этом, потому что наши отцы работали в Одесском военном округе».

Устроили продолжение «диспута». Мне кажется, это было уже через месяц, в конце декабря 1956 года. Ничего не получилось. Студенты освистали штатного искусствоведа В. Удалова. Д.М. Фрумина начала рассказывать о русских живописцах – Коровине, Врубеле, Серове, Грабаре, но зал воспринял это как подмену темы. Не выдержав шума, она выступать отказалась, Г. Крыжевский поведал, как на фронте поступали с предателями, но объяснял, что импрессионизм, по сути, тот же реализм, приведя в пример К. Костанди. Путано, явно не по теме говорил доцент Захаров, доказывая, что «Мыслитель» О. Родена опирается не на ту руку...

Я, Муся Винер, Иса Юзефпольский

Вечер прервали. Затем нас исключили из комсомола, тепло относившийся к нам преподаватель, доцент Боржим, предупредил, что нашим делом занялся КГБ, и в ближайшее время мы будем исключены и из института. И посоветовал: «Езжайте в Москву, в ЦК».

Поездка в Москву в феврале 1957 года, скорее всего, закончилась бы неудачей. На фоне «венгерских событий» ни в «Комсомольской правде», ни в ЦК с нами, а я поехал с Юликом Златкисом, даже не стали говорить. Помогла случайность. Мама просила позвонить давней, с довоенных лет подруге, которая была когда-то женой моего дяди. Я позвонил «вечером, делать было нечего». Меня пригласили в гости. Рассказал маминой подруге, что в этот раз привело нас в Москву. Она выслушала, позвала мужа, литературоведа. Он тоже выслушал нашу невеселую повесть и сказал: «Единственный человек, который может вам помочь, – Илья Эренбург. Я с ним не знаком, но у меня есть телефонный справочник Союза писателей. Я вам дам телефон, но звоните не от меня, не от родственников, а из автомата». Его беспокойство мне уже было понятным.

На станции метро я подошел к автомату и набрал номер. Вежливый женский голос сообщил, что Ильи Григорьевича нет в Москве. Что делает нормальный человек – благодарит и вешает трубку. Но я был уже «на пределе». И незнакомой женщине, даже не спросив, кто она, я, волнуясь, рассказываю нашу историю. Она внимательно выслушивает меня, задает вопросы и говорит: «Не бросайте трубку, я через 2-3 минуты продолжу разговор». Жду. И действительно, через минуту она представляется: «Я Наталия Ивановна Столярова, секретарь Ильи Григорьевича. Он сейчас в Новом Иерусалиме, я ему позвонила и сказала о вашем звонке. Он завтра к 16.00 будет в Москве, записывайте адрес – улица Горького…».

Нужно ли говорить, что без пяти минут 16 часов я стоял у двери квартиры И.Г. Эренбурга? Юлик Златкис остался меня ждать напротив, на Центральном телеграфе.

Дверь мне открыла Наталия Ивановна. Уже потом от Николая Алексеевича Полторацкого я узнал, что она была подругой дочери Эренбурга, вернулась в СССР из Парижа, прошла через

советские лагеря, что в Париже ее женихом был выдающийся поэт Борис Поплавский, а в Москве ее взял к себе литсекретарем Эренбург. В Париже Полторацкий со Столяровой были знакомы. Вот как тесен мир…

А в эту минуту секретарь просто ввела меня в кабинет Ильи Григорьевича. Он видел, что я смущен, что я взволнован, поэтому заговорил первым, показал несколько картин на стене – вот Роберт Фальк, вот это его портрет работы Пабло Пикассо.

Я смотрел и на книжные шкафы. «Хулио Хуренито» на разных языках занимал отдельный шкаф.

– Одесса все та же? Работает «Бристоль»? «Лондонская»?

– Сейчас это «Красная» и «Одесса».

Он усмехнулся.

А потом я очень кратко повторил свою историю. Эренбург спросил, читал ли я текст доклада или импровизировал. Импровизировал, но у меня был план-конспект. Он попросил его и на полчаса углубился в чтение, оставив меня с собачками, книгами и картинами.

Приговор Ильи Григорьевича был суров, но справедлив:

– Практически все, что вы говорили, правильно, но еще не пришло время говорить все. Вы это не почувствовали и, боюсь, не чувствуете. Во «Французских тетрадях» я ведь дальше Сезанна не рассматриваю французское искусство. Еще не время. Посидите, сейчас я свяжусь с Шепиловым, думаю, все решим. (Теперь мы вспоминаем иногда «…и примкнувший к ним Шепилов», а тогда это был влиятельный секретарь ЦК КПСС.)

Шепилова в Москве не оказалось, Эренбург сделал несколько звонков. Александр Бек посоветовал связаться с секретарем иностранной комиссии Союза писателей Борисом Полевым.

Борис Полевой откликнулся сразу же. Он попросил Эренбурга официально обратиться к нему с письмом, а дальше обещал все решить сам.

Илья Григорьевич садится за машинку и в течение нескольких минут пишет письмо, вручает его мне и объясняет, где и как найти сейчас Полевого.

Насколько я был тогда растерян, видно из того, что мне и в голову не пришло попросить у Эренбурга, а потом у Полевого книгу с автографом… (Вот тебе и книголюб!)

К Борису Полевому мы поехали с Юликом. Забавная деталь. Борис Николаевич только-только закончил прием румынской делегации. Взял письмо Эренбурга, усадил нас за стол, на котором в вазе лежали апельсины, и сказал: «Пока вы не съедите эти «румынские апельсины», говорить с вами не буду». Хитроватая улыбка обозначала: «Это Одессе контрибуция от Румынии».

Прочел письмо, оставил нас одних в кабинете и ушел с письмом. Вернувшись, сказал: «Я все понял, все сделаю, только Эренбурга больше не тревожьте – ему и так достается». Отдал мне письмо и сказал: «Храните его – автограф Эренбурга!».

– Сколько дней вы еще в Москве?

– Два дня.

– Тогда, чтобы вы не теряли времени зря, вот вам адрес мастерской гениального скульптора – Степана Эрьзи. Скажете, что от меня, – и еще дал нам адрес выставки шелкографии, которую обязательно и тут же советовал посмотреть…

Только выйдя из кабинета Бориса Николаевича Полевого, мы позволили себе прочесть письмо Ильи Григорьевича Эренбурга, которое и сегодня, спустя более чем полвека, хранится в моем архиве.

«Москва, 27 февраля 1957 г.

Дорогой Борис Николаевич!

Я прошу Вас помочь мне распутать следующее дело. Ко мне обратился студент Одесского политехнического института Е.М. Голубовский.

В Одессе студенты названного института решили в ноябре прошлого года обсудить проблемы изобразительных искусств. Голубовский, который увлекается искусством, сделал доклад об импрессионистах, о Сезанне и о последующих явлениях западной живописи. В его докладе много слабых мест, ведь Голубовский не историк искусства, а студент, изучающий электротехнику, но в докладе, в его первой части, посвященной импрессионизму, много бесспорного и правильного, и, на мой взгляд, можно только радоваться, что молодой человек читал, думал об искусстве

и решил поделиться своими знаниями и мнениями с товарищами. То, что руководители местного комсомола сделали из этого криминал и исключили четырех студентов из комсомола, мне кажется неправильным.

Я решил сделать все от меня зависящее, чтобы это дело распутать. К Вам я обращаюсь с просьбой мне в этом помочь. Пожалуйста, примите тов. Голубовского, познакомьтесь с теми материалами, которые он Вам покажет, и скажите мне, что я могу сделать для того, чтобы помочь молодым людям, на которых обрушилась беда.

С уважением

Илья Эренбург»

На письме внизу карандашные пометки Бориса Николаевича Полевого: выделены слова «Одесского политехнического, Е.М. Голубовского». В левом нижнем углу записан ряд фамилий – «Златкис, Голубовский, Винер, Ривилис».

Я грызу гранит науки, а Муся Винер и Саша Ривилис читают конспекты

Через два дня мы вернулись в Одессу, никому ничего не говоря. Но уже через месяц появились признаки того, что колесо начало крутиться в обратную сторону. Сегодня я знаю об этом еще и потому, что Борис Фрезинский, исследователь творчества Эренбурга, опубликовал его переписку с Полевым. Оказалось, что дело одним письмом не ограничилось. Полевой подключил Шелепина, тогда еще первого секретаря ЦК ВЛКСМ. Из Москвы пошли письма в Киев и в Одессу. Как не вспомнить поговорку тех лет – за что в Москве стригут ногти, в Киеве отрезают пальцы… Обошлось резкой ногтей…

А вообще, как ни стыдно в этом признаться самому себе, мы действительно мало что понимали в окружавшем нас мире.

Мое выступление состоялось в ноябре 1956 года. Но уже в это время на улицах Будапешта шли бои. И там все началось с бунта студентов Будапештского политехнического института в сентябре 1956 года. Мы об этом бунте не знали, хотя должны были знать, все зарубежные радиостанции только о Венгрии и говорили. А нам казалось, что в СССР навсегда пришла «оттепель», что уже все можно. А раз можно – значит, нужно. Так что все, что произошло с нами, что мы остались целы и невредимы, – чудо.

Еще раз или два я говорил по телефону с Н.И. Столяровой, увы, вопреки предупреждениям Б.Н. Полевого. Перезванивались с Борисом Николаевичем. Он и Эренбург переписывались между собой, о чем я узнал лишь после горбачевской перестройки из публикации в журнале «Юность». Нам казалось, что все течет безумно медленно, – напротив, все произошло по тем временам и четко, и быстро.

В конце концов, нас восстановили в комсомоле, выговоры получили мы и секретарь институтской организации А. Якубовский. Нас уже не исключали из института, но замначальника областного КГБ Юферев в каждом докладе, а он выступал в КБ, НИИ, вузах, сообщал, что им удалось предотвратить «идеологическую диверсию» в ОПИ.

Кстати, когда я поступал в институт, его ректором был крупный ученый, автор учебника «Детали машин», переведенного на многие языки, Виктор Афанасьевич Добровольский. Когда мы были на 4 курсе, ректором уже был С.М. Ямпольский. Встретив

Валя Голубовская

меня на лестнице (Добровольский уже не был ректором, а заведовал кафедрой), он взял меня за пуговицу и сказал:

– Вам повезло, молодой пистолет! В лагерях я видел и таких, какие за неосторожное слово сидели.

Почти такого же рода была у меня беседа с отцом. Отношения в семье разладились. Меня воспринимали как отколовшегося от семьи.

– Почему ты заранее не предупредил меня о своих планах? – спросил отец.

Я объяснял, что не посвящаю их в институтские дела, так как они мне неинтересны, тем более им.

– Я думал, что ты взрослый, а ты еще мальчишка. Если бы ты видел то, чего я насмотрелся, когда строили Днепрогэс, ты бы задумался, прежде чем проводить диспут. И с кем – с советской властью.

К счастью, я действительно не видел, кто и как строил Днепрогэс. И поверить ему, что эта страна, как молох, будет сажать и сажать, в те минуты не мог. В общем, пообещал ему, что бы ни происходило в институте, буду приходить к нему на щетинно-щеточную фабрику, где он был начальником деревообделочного цеха, и рассказывать. Что нередко и делал впоследствии, понимая, что родителям я доставляю больше горя, чем радости.

Мама менее остро воспринимала эту ситуацию. Ее больше волновало мое здоровье. А у меня тогда вовсю расцвел «весенний катар» глаз (сколько часов на меня потратил профессор Семен Федорович Кальфа!) и астма…

Думаю, меньше всего все это ощутила моя сестра Ира, ей было девять лет, и она безмятежно училась в школе.

И все же с четвертого курса я занимался в институте скорее номинально. Друзья – Боря Айзенштейн, Саша Ривилис, Иса Юзефпольский, Муся Винер – всегда давали мне перед экзаменами свои конспекты, да и преподаватели шутя говорили, что «потеряли» меня на втором курсе.

Эти годы – годы страстного увлечения живописью, скульптурой уже не по репродукциям, а в мастерских творцов.

Я уже упомянул фамилию – Эрьзя. Впервые посетил его с Юликом Златкисом. Он впустил в мастерскую, сказал – смотрите, а сам пошел в дальний угол, за занавесочку, работать.

Через полчаса мы, извинившись, подошли к нему, разговорились. Не раз, приезжая в Москву, я бывал у него, водил к нему друзей в огромный 200-метровый подвал, заставленный потрясающей скульптурой из дерева квебрахо. Один из талантливейших скульпторов начала XX века, не уступавший С. Коненкову, он в начале 20-х годов уехал в командировку – в Аргентину, и не вернулся. Он открыл для себя этот материал квебрахо, дерево, по твердости не уступающее металлу. Часами беседовал я со Степаном Дмитриевичем о скульптуре, о пластике. Собеседников у него в те годы было не много.

Во время второй мировой войны Аргентина была враждебна СССР. Эрьзя затосковал. Попросился домой. Его впустили. А скульптуры, которые он привез с собой, год простояли в одесском порту, прежде чем их перевезли в Москву. И только в 1957 году, за два года до смерти, ему выдали этот подвал по ходатайству Бориса Полевого. Поэтому Борис Николаевич, не заглядывая ни в какие бумажки, записал нам его адрес.

В Саранске, столице Мордовии (Степан Дмитриевич взял себе псевдоним Эрьзя по самоназванию одного из мордовских этносов, настоящая его фамилия Нефедов), открыт музей его имени. Я побывал там – это действительно скульптор мирового класса.

Чуть позже я познакомился в Москве с замечательными художниками, сегодня уже ставшими славой российского авангарда, – Дмитрием Краснопевцевым, Юрием Васильевым, Оскаром Рабиным, Евгением Кропивницким, Владимиром Яковлевым и многими другими. Я уже начинал собирать не только книги, но и живопись. Работы москвичей заняли в моей коллекции

Рита и Саша Ануфриевы

достойное место. Отец, который с большим скепсисом относился к моему собирательству, постепенно увлекся и стал делать рамки к картинам и графике и даже развешивать на стенах эти работы.

А в Одессе я подружился с Олегом Соколовым, Владимиром Криштопенко, Геннадием Малышевым, Люсиком Межбергом. Потом меня сами нашли Саша и Рита Ануфриевы, привели к себе на Осипова угол Успенской. Я жил другой, не институтской жизнью.

Но подошло время диплома. Вместе со всеми защитил его в 1958 году. Я получил назначение вновь-таки на Донбасс главным электриком угольной мельницы. Помню, до конца августа 1958 года оттягивал отъезд. Но сроки поджимали, взял два чемодана и поехал в Донецк. Устроился в гостиницу и на следующее утро – по месту назначения.

На меня смотрели как на инопланетянина. Заявку они послали в министерство в 1955 году. Уже два года работает человек на этом месте. Что я от них хочу?!

– Ничего, – сказал я. И получил письмо, что в связи с отсутствием свободной должности могу валить на все четыре стороны.

Смущенный (столько было сборов в новую жизнь!), вернулся я домой. Вроде бы первая неудача, но неудача с удачей часто ходят под руку, Мама обрадовалась моему возвращению и сказала: «Я тебя познакомлю с интересным человеком!». Оказалось, на ее участке жил, лечился у нее заместитель директора завода «Кинап» Лазарев. Буквально через две недели я был зачислен

в СКБ кинооборудования конструктором, самой младшей – второй – категории. А через три года я женился, так что юности оставалось всего ничего.

Еще в те дни, когда нас шельмовали одесские газеты, я побывал в редакции «Комсомольского племени», чтобы вычитать пасквиль против нас. Строгость была даже в этом – редакции не хотелось допустить ошибок даже в терминах, как мы смеялись, не спутать импрессионизм с сионизмом…

Меня отвел в сторону ответственный секретарь газеты Зиновий Могилевский:

– Юноша, когда кончатся у вас все передряги, приходите к нам, мы найдем чем вам заняться.

Я не забыл эти слова. Уже окончив институт, поступив на работу, я зашел в редакцию газеты. Было это в 1959-1960 году. К тому времени я хорошо знал сотрудников газеты – поэтов Людмилу Гипфрих и Юрия Михайлика, Бориса Нечерду. Не уверен, что последние двое были уже в штате редакции. Но в те же времена познакомился, дружил с молодой сотрудницей Ниной Ляпиной.

До сих пор помню целую газетную полосу, сотворенную вместе с Ниной Ляпиной: «Четыре кисти пишут жизнь» – о Славе Божие, Люсике Межберге, Алеше Лопатникове и Гене Малышеве. Это был старт в новую жизнь.

Несколько слов о «Кинапе» и СКБ кинооборудования. По тем временам это был завод, где работали инженеры и рабочие высокой квалификации. Продукция завода покупалась не только в СССР, но и за рубежом. Я пришел в электроотдел, которым руководил талантливый инженер Яков Скибинский. Там уже работал и мой сокурсник Виктор Луценко, который со временем, уже после моего ухода, стал руководить отделом.

С шутливой гордостью могу сказать, что одну из схем, которую придумали Толя Финкель (кстати, племянник художника А.Б. Постеля) и я, опубликовал журнал «Киномеханик», выходивший в Москве. Это была моя первая «всесоюзная» публикация. А уж как гордились родители!

Не удержусь и расскажу об одном казусе, который мог закончиться безумными штрафами. Мне поручили разработать новый электромотор для протяжки пленки. Возился месяц. Все выполнил.

Валентина и Евгений Голубовские

Забыл лишь проставить на чертеже масштаб. Проходят недели, вызывают меня в цех, они уже изготовили штамп для рубки металлических листов, но им показалось, что мотор будет очень маленьким и ничего не потянет. Смотрю на свои чертежи и вижу, что масштаб-то я не проставил. Все должно быть в пять раз больше! Растерялся, вышел из цеха, буквально со слезами на глазах, а навстречу идет Боря Литвак, главный спортсмен завода!

– Держись ровно! – сказал Боря.

И мы вернулись в цех.

– Три бутылки шампанского и, считай, девочки переделают оснастку! Так оно и произошло. А Боря не раз заходил ко мне в СКБ, не раз вытягивал к себе в спортцентр, и мы играли в настольный теннис китайскими шариками и ракетками, которые по заказу Литвака привез из Китая директор завода Перминов.

Дружбе с художниками я в какой-то мере обязан встречей с моей будущей женой. Валя пришла в филармонию с Ильей

Шенкером и Лялей Швальбиной. В антракте, пока Илья и Ляля остановились с кем-то из своих знакомых, нас познакомил Иса Юзефпольский, мой институтский друг и Валин знакомый. Второй раз нас знакомила прилетевшая из Москвы Валина школьная подруга Эвелина Шац. И, наконец, в третий раз, как оказалось, навсегда, познакомил нас в Художественном музее художник Аркадий Гевсеевич Самбур. Это был 1960-й год.

Валя собиралась через две недели уезжать в Ленинград, сдавать экзамены в университет. К моему великому огорчению, она поступила. Начались наши полеты друг к другу.

29 апреля 1961 года мы расписались в ЗАГСе возле Оперного театра. Вале было 22 года, мне шел 25-й…

Закончилась ли юность? Началась ли зрелость? Я и сам себе не могу ответить на этот вопрос. Но если жизнь делить на «этапы большого пути», то начавшийся новый обещал быть интересным. Так и случилось.

Феликс Кохрихт

О себе и о нас

Леонид Авербух
Видел, слышал, знал
Одесса, Optimum, 2014

Мы – это те, кого политики в пафосных выступлениях перед выборами разного толка нарекли «детьми войны». Нынче о нас и не вспоминают, но я вовсе не хлопочу о внимании и льготах, хотя понимаю, что для многих из нас они жизненно необходимы.

Признаюсь, давно уже даже и не размышляю об этой дефиниции поколения тех, кому суждено было прожить детство и отрочество с 22 июня 1941 и по 9 мая 1945 года. Поводом не только вспомнить свой статус, но и заново пережить многое из своей жизни во время и после войны стала книга Леонида Авербуха «Видел, слышал, знал». Я бы подкорректировал его: «...знал и знаю», ибо мой давний товарищ ни на секунду не отрывается от активной жизни и познания – уверен, уже пишутся новые страницы. Впрочем, мой многолетний опыт редактора неприменим к труду Леонида Григорьевича: его мемуары не укладываются в привыч-

ные для этого жанра рамки повествования, приглашающего читателя к неспешному чтению.

В полном соответствии со своим способом жизни и общения с окружающими автор пишет о том, что его волнует в данный момент, отталкиваясь не от намеченного плана изложения материала, а от нахлынувших ассоциаций, событий дня и часа, даже от мелодии, звучащей в текущий момент. И в этом для меня особая привлекательность: смена тем и сюжетов не позволяет отвлечься или даже заскучать над книгой – ведь не приключенческий роман мы читаем, а мемуары, хотя и врача, но, должен отметить, весьма целомудренные и тактичные…

И все же для меня и, уверен, многих общих с Леней знакомых главным является уникальность наших общих воспоминаний – коллективных и в советском, и в фрейдистском смыслах (сознательных и бессознательных). Я не могу вслед за Бабелем сказать: «Нас волновали одинаковые страсти…». То есть они – страсти – посещали мемуариста и автора этих строк, но в разные годы и в соответствии с изменявшимся временем. В начале войны Леня Авербух был школьником, я – почти младенцем. Весной 1941 года, когда мама вывозила меня в коляске в начало Торговой, чтобы подышать если не морским, то портовым воздухом, Ленчик (по его признаниям) в свои 11 лет уже симпатизировал одноклассницам по школе № 37. Соответственно, я знаю о том, как меня выносили из осажденной Одессы из рассказов родителей, а Леня посвятил началу войны и эвакуации отдельную главу своей книги. Чего стоит, к примеру, воспоминание о том, как он с женским составом семьи (отец Григорий Львович погиб, обороняя Севастополь) ждал парохода на Сталинградской пристани…

И так продолжалось десятилетиями: мы родились и жили по соседству (Софиевская, Преображенская, Садовая и т. д.), а далее – он уже был известным врачом, а я в это время учился медицине и даже работал какое-то время в ней. Мы ходили на одни концерты и спектакли, дружили с одними и теми же людьми, бывали в их домах, но в разные годы. Пришло время – и мы встретились и подружились, чем я горжусь как одессит в пятом поколении, полный пиетета перед тем, у кого

за плечами их шесть, а то и семь, если считать турецкий период истории города.

В конце книги – сложенная гармошкой родословная Зальцбергов-Авербухов, плод многолетнего и кропотливого труда Леонида Григорьевича. Она сделала бы честь главному геральдмейстеру британской короны: видно, кто кого и от кого когда и где родил и кто с кем породнился. Кроме того, он создал музей Одесского областного тубдиспансера и видеопанораму, позволяющую всем желающим знакомиться с уникальными экспонатами.

При таких предках и при уникальном умении заводить контакты Леонид Григорьевич стал убежденным сторонником теории шести рукопожатий, согласно которой практически каждый может выстроить цепочку от своих знакомых – и дальше, что в конце концов приводит к виртуальному рукопожатию с мировыми знаменитостями. У Авербуха это получается всего в три приема: к примеру, с Шаляпиным, Лениным, Биллом Клинтоном и даже с королевой Елизаветой, единственной живущей среди упомянутых культовых фигур. Через нас он познакомился с императором Александром Первым: предок моей жены Татьяны декабрист Завалишин был у него на аудиенции, а арестован был в доме Александра Грибоедова – от него недалеко до Александра Пушкина и грузинской царицы Тамары…

Хотя я и моложе Леонида Григорьевича, но, признаюсь, многое позабыл, каюсь – имена-отчества-фамилии учителей, соучеников, руководителей кружков, тренеров, соседей, Он помнит всех – и каждый в его воспоминаниях предстает не просто одним из многих, а как личность, обладающая особенностями характера, а то и яркой и значительной, причем с разными знаками, достойной и сегодняшнего «оживления»… Лишь народный наш артист Олег Школьник способен на такое – но он моложе не только доктора Авербуха, но и меня.

Садясь за эти заметки, я даже составил алфавитный список тех, с кем нас сводила судьба, – велико было желание не только назвать громкие и славные имена, но и процитировать истории, рассказанные о них автором мемуаров, а они, при-

Леня с мамой. 1946 год

знаюсь, в чем-то обогатили мои представления о многих общих знакомых… Но я преодолел соблазн, осознав, что рискую пуститься в собственные воспоминания, которые поблекнут в сравнении с трудом доктора Авербуха, создавшего свой стиль, в котором удивительным образом сочетаются историзм и байки, пафос и юмор, «любовь к отеческим гробам» и принципиальный, хотя зачастую и не по возрасту пылкий взгляд на сложные и неоднозначные события в политической и общественной жизни.

А сейчас – то, о чем обычно рецензенты пишут в самом начале своих заметок, но поскольку свои мемуары Леонид Григорьевич, по собственному признанию, писал как Бог на душу положит, я позволю себе последовать за ним. Итак.

В Одесском областном противотуберкулезном диспансере Л.Г. Авербух и его мать рентгенолог Мальвина Григорьевна Зальцберг в общей сложности проработали 86 лет. Леонид Григорьевич – заслуженный врач Украины, кандидат медицинских наук, обрел международное признание за активную и принципиальную деятельность в области борьбы с туберкулезом. Он человек разносторонний – автор книг не только по специальности, но и по истории разведки, краеведению («Одессика»).

Наш Леня любим многими, и в первую очередь членами клуба «Беседа» при клубе же – Всемирном – одесситов. В альманахе «Дерибасовская – Ришельевская» мы печатаем не только его содержательные статьи, но и смешные и грустные поучительные сентенции в стихах – «лёнчики». Одним из них я и закончу эти

заметки, тем более что этот «ленчик» стал (наряду со строчками Иосифа Бродского и Даниила Хармса!) эпиграфом к мемуарам, насчитывающим ниврoку 551 страницу:

Жизнь мелькнула – только и всего…
Много пережито или мало –
В жизни просто не было того,
Что воспоминанием не стало…

Ростислав Александров

Волшебная скрипка короля

Если бы довелось нам каким-то чудесным образом оказаться на столетней давности одесской улице утром 24 февраля 1903 года, то услышали бы, как наперебой восклицают газетчики: «Волшебная скрипка Кармена на дне Одессы! Только в «Одесских новостях»! Волшебная скрипка!». И оказалось бы, что так представляли они новую главу «Волшебная скрипка» пространного очерка журналиста и писателя Лазаря Осиповича Кармена «На дне Одессы», печатавшегося с продолжением из номера в номер «Одесских новостей». Газета шла нарасхват, поскольку Кармена уважали за добротные, жестокой и грустной правды рассказы из жизни тех, коих суровая судьба бросила на самое дно богатого портового города.

На этот раз он написал о пивном заведении мадам Паулины Гоппенфельд на Преображенской, 32, что под названием «Гамбринус» укрылось в глубоком полутемном подвале на углу Преображенской и Дерибасовской, известном «большими, как фабричные трубы, кружками с черным пивом с «манжетами» (пеной) и скрипачом, широкоплечим блондином», которого посетители простецки и дружески называли Сашкой. «Сашка! Сашка! Кто не знает его! Его едут слушать со всех концов Молдаванки, Пересыпи и Слободки-Романковки, – свидетельствовал Кармен, –...он душу выворачивает своей скрипкой, он в состоянии заставить камни обливаться слезами и сейчас же заставить их пуститься в пляс!» Очерку Кармена о талантливом скрипаче – любимце публики был уготован обычный и грустный удел большинства газетных материалов, сообразно которому его напечатали, прочитали, пересказали, обсудили и... забыли.

Впрочем, такое сплошь и рядом случалось не только с сиюминутными газетными опусами.

Большую часть времени жил в Одессе, а известен был всей читающей России Семен Соломонович Юшкевич, который, по словам своего друга и коллеги Бориса Зайцева, «был органический писатель, в этом его главная сила, он достигает наибольшего тогда, когда живописует художнически – любимых им людей Одессы, когда дает неподражаемый их язык, трепет и нервность, и неправильность этого языка, и их облики, сплошь живые». Юшкевич сочинил, или, как любили писать когда-то раньше, его перу принадлежит повесть «Улица», в которой блистательная наша Дерибасовская, названная в заслуженную честь основателя прекрасного города, предстает символом беды, распроданной любви и растоптанной молодости его юных и нищих обитательниц. И в печальной повести Юшкевича остался знаменитый «Гамбринус», помимо названия ничего общего не имеющий со своим нынешним, давно переселенным в другое место тезкой: «Погребок полон. Играет музыка – скрипач, гармонист с папиросой в зубах. Пьяные, шумливые, притихли; неподвижно, как бы окаменев в своей позе, играет скрипач, и все – матросы, мастеровые, рабочие, уличные… дышат с ним одним дыханием, замерли, как он. Если бы так вечно, если бы сгинула жизнь там наверху и остался для души один этот миг радости…» Подобно другим своим землякам и коллегам, Юшкевич в смутное время покинул Одессу, а «Улица» вместе с другими его книгами долгие десятилетия была «вне закона», равно как память об авторе. Ее переиздали в Одессе только в 2002-м году, но не названных в ней, легко узнаваемых земляками-современниками Юшкевича «Гамбринус» и Сашку, нынешнему читателю уже не опознать.

И давно поросла бы травой забвения сама память о «короле «Гамбринуса» и его волшебной скрипке, не напиши о нем когда-то Александр Иванович Куприн, которого, может быть, именно Кармен и привел в заведение, – в этой связи в рассказе «Гамбринус» упоминается «одни репортер местной газеты, Сашкин знакомый». Куприн подружился с Сашкой, бывал у него дома на Садиковской, 40, что принадлежит легендарной Молдаванке, беседовал, узнал, что тот родом из местечка в Могилевской

Дом Хлопонина, за ним «Гамбринус»

губернии, рано потерял мать, а когда отец, бедный тачечник, привел в дом мачеху – подался куда глаза глядели, кормился игрой на скрипке, попал в Одессу, женился на красавице вдове с сыном, играет теперь в «Гамбринусе», жизнью доволен, деньжатами не обижен и клиентами обласкан. В Театральном, ныне Чайковского, переулке жил тогда ювелир Мойсей Хомицер, который вечерами аккомпанировал Сашке на пианино. Перед вечерней игрой Саша иногда захаживал к аккомпаниатору, а однажды пришел с Куприным. Хомицер, видимо, догадывался, чем может обернуться дружба писателя с Сашкой, и попросил Куприна «в случае чего» не упоминать его имени, поскольку дети учатся музыке, и ему вовсе не хочется, чтобы потом прознали, где играл их отец. Куприн уважил просьбу, и в рассказе лишь проходным персонажем появляется «аккомпаниатор, покончивший какое-нибудь стороннее дневное занятие у портного или часовщика», что никоим образом не сказалось потом на карьере его внука Михаила, талантливого виолончелиста.

Рассказ «Гамбринус» был напечатан в февральском номере журнала «Современный мир» за 1907 год. А два месяца спустя Куприн приехал в давно полюбившуюся ему Одессу, прибыл в «Гамбринус», расцеловал Сашку, одарил массивным серебряным портсигаром, поднес журнал с трогательной надписью, про-

сидел в дыму и музыке целый вечер и ушел вместе с ним. На улице Сашка, по своему обыкновению, приобрел у торговки связку бубликов, надел на шею и угощал встречных бродяг, подгулявших студентов и ночных красавиц с Дерибасовской, будто только что сошедших со страниц повести Юшкевича… Пришли к Сашке на Садиковскую и пили там «изрядный магарыч» во славу Одессы, Александра Ивановича, Могилевской губернии, Сашки, его волшебной скрипки и только что родившегося сына, нареченного Аароном-Яковом, Черного моря, пивного короля Гамбринуса и одноименного заведения.

А потом рассказ Куприна обрел собственную судьбу, удостоился одобрения самого Льва Николаевича Толстого, был переведен на другие языки и прочитан в других странах. Сашка же, как писал Куприн, «неизменно каждый вечер к шести часам уже сидел на своей эстраде со скрипкой в руках». Но в 1914 году, когда «Гамбринус» и вместе с ним Сашка не без влияния рассказа Куприна превратился достопримечательность Одессы, его завсегдатаи постепенно перекочевали в подвальчик «Тирольский грот» на Греческой улице, и вслед за ними ушел Сашка, так и не привыкший к такой громкой славе.

После «Тирольского грота» Сашку закрутило, понесло по Одессе: он играл в иллюзионах «Ренессанс» на Прохоровской, «Океан» на Колонтаевской, «Слон» на Мясоедовской, в подвальном ресторане «Зимний сад» на Преображенской… В 1919 году его старенькая скрипка еще звучала в кавказском погребке «Алла-верды» – на Ольгиевской улице близ Нового базара.

В начале лета 1920 года он в компании таких же безработных, обнищалых и голодных музыкантов отправился в Париж, только не в тот, где Елисейские Поля, а на окруженную щедрыми черноземными полями станцию, ныне именуемую Веселый Кут. Оттуда он подался в окрестные села в последней надежде сменять куяльницкую соль на продукты, на обратном пути в столпотворении мешочников подхватил тиф, в полубредовом состоянии добрался до Одессы и 23 июня умер в Еврейской больнице на Госпитальной улице. Печальные хлопоты выпали на долю Сашиного пасынка, который в конце того же дня принес объявление о смерти отчима на Екатерининскую, 8, где в помещении редакции закрытых

властями «Одесских новостей» располагалась редакция газеты «Известия Одесского губернского революционного комитета, Губернского исполнительного комитета советов рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов и Одесского совета рабочих и крестьянских депутатов». Только так эту газету никто не называл из-за принципиального нежелания или длинного названия.

На следующий день «Известия» в рубрике «Скончались» напечатали крошечное, с почтовую марку, извещение: «Скончался Александр Яковлевич Пензнер (Сашка-скрипач из Гамбринуса), о чем извещают жена, дети и родственники. Вынос тела из евр. больницы сегодня, в 1 час дня по сов. времени». Наборщик «Известий» по ошибке набрал «Пензнер» вместо «Певзнер», какова и была фамилия Саши. Но это не имело большого значения, поскольку мало кто из завсегдатаев «Гамбринуса» знал его фамилию, для них он всегда оставался Сашкой из «Гамбринуса», как о том предусмотрительно и написано было в объявлении. К тому же, большинство из них, скорее всего, не читали «Известия», тем более за утренним кофе, а похороны ведь были назначены на час дня. В основном тут «голосовая почта» сработала: кто-то еще вечером узнал о смерти Саши, сказал другому, тот передал третьему, третий – четвертому, и волной пошла по городу грустная новость, которая всегда почему-то распространяется быстрее веселой. И множество людей пришли к больнице «в 1 час дня по сов. времени», когда июньское солнце еще и не поднялось над акациями Госпитальной улицы, потому как большевики несколько раз затевали декретные игры с часовыми стрелками, в результате чего оказалось, что солнце тоже может «спешить или опаздывать».

Тогда и много позже еще сохранялись кое-какие традиции ушедшей размеренной жизни, и гроб с телом усопшего везли на катафалке, провожающие его в последний путь степенно шли сзади, все это именовалось «похоронной процессией», и никому на улицах не мешало, ибо транспорта тогда было негусто. И на этот раз все происходило так же, но от Еврейской больницы похоронная процессия двинулась не в сторону кладбища, а на Преображенскую улицу к «Гамбринусу». Конечно, если бы сразу пойти на кладбище, то дойти туда можно было раза в три

быстрее. Но какая могла быть спешка в этом святом и печальном действе, когда люди прощались не только с Сашей-музыкантом, они прощались с молодостью, былым весельем и радостью, которые он дарил им своей скрипкой… Единственным знакомым мне человеком, который видел похороны Сашки, был профессор Одесского университета ботаник Георгий Иосифович Потапенко, который вспоминал, как шел он по своим студенческим делам в университет и на Преображенской угол Дерибасовской увидел толпу. Не чинно выстроенную процессию, а именно толпу, какая бывает, когда случается беда. И кто-то из толпы сказал ему, что хоронят Сашку, ничего больше не пояснив, поскольку считал, что Сашка один в Одессе и должен быть всем известен.

Провожавшие Сашку уже не знали, куда подевались последний хозяин «Гамбринуса» Герасим Тобаш и буфетчица Вера Кушнарева, заведение было закрыто, дверь, не оставляя никаких надежд, крест-накрест заколочена досками, а за ней в беспросветной темноте подвала еще стояли бочки, бочонки, старенькое пианино, и стены дышали давнишними пивными ароматами.

О похоронах Сашки-музыканта со многими подробностями написал в повести «Время больших ожиданий» Паустовский. Но яркие краски одесского лета плохо ложатся на грусть, беду, нищету и разруху, и он перенес время действия с лета на зиму: «Переваливаясь, брели старухи в теплых платках… За женщинами шли сизые от холода товарищи Сашки-музыканта <…> Музыканты вытащили из-под подбитых ветром пальто инструменты…». Теперь, читая об этом, веришь, что именно так все тогда и происходило, поскольку, как считал Эрнест Хемингуэй и соглашался с ним Паустовский, «правда литературы достоверней правды житейской».

Вдова Саши мадам Голда Старинская до появления повести Паустовского не дожила, но все, что было, видела, помнила и много лет спустя частенько вздыхала: «Чтобы в Одессе кого-нибудь еще так хоронили, как нашего Сашу, а?». При этом одни пожимали плечами, другие что-то бормотали, зато третьи молча кивали, наливали и не чокались.

И еще в середине 60-х годов прошлого столетия были живы те, которые в молодые годы знали Сашу, дружили с ним, слушали, привечали. Последний его аккомпаниатор времен

«Гамбринуса» милейший Константин Николаевич Вересковский. Знаменитый куплетист Лев Маркович Зингерталь. Борис Рейф, дирижировавший когда-то в трактире на Тираспольской улице созданным им женским духовым оркестром, что выглядело экзотически даже в Одессе, где, как известно, все возможно. Племянница жены. Приятель сына скрипач Роман Бельский. Сосед по дому на Садиковской. Ученик Саши Оскар Лихтештадт, который, сменив скрипку на аккордеон, виртуозно играл на нем в излюбленном морским народом ресторане «Волна» на Екатерининской угол Ланжероновской. Репортер «Одесских новостей». Наборщик из типографии «Одесского листка». Павел Николаевич Ростоцкий, официант ресторана «Неаполь» на Спиридоновской угол Нежинской, куда, отыграв в «Гамбринусе», Сашка захаживал по дороге домой, популярно перечислил мне его репертуар: «Сашка играл всяких песен – русских, украинских, греческих, еврейских, бессарабских, матросских и уркаганских, по-теперешнему жлобских». Эммануил Иосифович Соминский, редактор сатирической газеты «Перо в спину», которая в 1919 году печаталась с озорным подзаголовком «Газет выходит… боком редактору, издателю и всем прочим лицам». Театральный администратор Альфред Осипович Сутин. Его коллега Игорь Владимирович Нежный. Шпрехшталмейстер, сиречь ведущий программу в цирке Михаил Владимирович Никольский. Старейший одесский юрист Илья Вениаминович Шерешевский. Эстрадный артист. Виолончелист. Скрипач. Пианист. Баянист. Врач и самодеятельный художник Николай Зиновьевич Юхневич, который нарисовал когда-то карандашный портрет Сашки. Альбом с этим рисунком потом затерялся, но Сашку Николай Зиновьевич навсегда запомнил: «Когда я теперь прохожу мимо дома, где был «Гамбринус», передо мной встает моя молодость и Сашка над морем голов со скрипкой, которая брала за душу». Трубач оркестра полка Миши Япончика Абрам Кодымер, которому, в отличие от командира, чудом удалось унести ноги после устроенной там провокации. Сотрудник губернского уголовного розыска. И некий гражданин с криминальным прошлым, авторитетно сообщивший, что «между музыкантами Сашка был все равно что Соня Золотая Ручка между нашими».

Большинство из них были уже не у дел, но старые музыканты иногда приходили к мастерской по ремонту музыкальных инструментов на Преображенской, 27. Для них это был своего рода клуб, где разговоры на сиюминутные темы перемежались давними воспоминаниями. Счастливчик ударник «из молодых» с радостью объявлял, что «в Молдавии таки можно купить сносный барабан», а старый флейтист доверительно сообщал, что «в мое время к ресторану «Лондонской» близко нельзя было подойти без галстука, я уже не говорю за пиджак». Здесь восхищались последней симфонией Шостаковича. Воскрешали из небытия давно забытые заведения, будь то респектабельный ресторан Я. Сегала – «все блюда исключительно на свежем коровьем масле» – или простецкая столовая «Белая скатерка» на Греческой площади. Вспоминали ушедших коллег: «Как это так, что я не знал Петю Алегораки, когда он был женат на мою сестру и играл в погребе мадам Цегельницкой, а после в трактире «Лондончик» на Ришельевской угол Малой Арнаутской, где его сменил Лазарь Саксонский, который стал потом большим человеком в музыке, и его сын-пианист Володя пошел в папины способности!». Негодовали по поводу того, что доморощенный, но обласканный властями историк, презрев твердую память старожилов, заявил в своей книжонке, что неподалеку от Дерибасовской «был описанный А. Куприным «Гамбринус» с румынским оркестром…». Восторгались повестью Паустовского: «Это же просто чудеса, как там написано за Одессу, за Сашу».

Старики охотно делились воспоминаниями о Саше-скрипаче, которые не были выглажены частыми повторениями, поскольку раньше никто их об этом не спрашивал. И я не спросил бы, не прочитай о Саше у Паустовского, причем не в одной его книге, а в трех, одна за другой выходивших три года подряд. Весной 1957 года Паустовский написал большой, на двадцать две страницы, очерк «Поток жизни», который с подзаголовком «Заметки о прозе Куприна» был напечатан в качестве вступительной статьи в 1 томе шеститомного собрания его сочинений осенью того же года. И начинался этот очерк воспоминанием о похоронах героя рассказа «Гамбринус» Сашки-скрипача. Потом Паустовский включил его в 5-й том собрания своих сочинений, который

«Сашка-музыкант». Скульптура А. Князика

вышел летом 1958 года, когда близилась к завершению его работа над повестью «Время больших ожиданий». И одна из ее глав начиналась все тем же воспоминанием о похоронах Саши-скрипача, которое Паустовский в нескольких местах чуточку изменил: что-то исключил, что-то добавил, что-то уточнил. Так, колченогие лошади перестали хромать, но стали «худыми», Куприн в «Гамбринусе» пил уже не пиво, а водку, фразу «Эти похороны были как бы концовкой купринского рассказа» заменили более соответствующие мемуарному жанру «Мне посчастливилось. Я видел подлинную концовку рассказа «Гамбринус» – похороны Сашки-музыканта. Эту концовку дописала вместо Куприна сама жизнь».

А через много лет жизнь написала уже не концовку, а послесловие к этому рассказу, потому что, как сказано в ветхозаветной книге «Екклезиаст», «всему свое время, и время всякой вещи под небом». 1 апреля 2001 года, в день знаменитой одесской «Юморины», в уникальном Саду скульптур Литературного музея открыли памятник герою рассказа Куприна работы скульптора Александра Князика. Сашка-музыкант, сидя на бочонке, играет на скрипке, а на голове его залихватски сдвинутая на макушку корона, поскольку для очень многих он был «королем скрипки».

Поздравляем Александра Юльевича Розенбойма (литературный псевдоним – Ростислав Александров) с 75-летием и наградой одесского городского головы – знаком «Трудовая слава».

Евгений Голубенко

Очерки ВОХРы

1977 год.

Объявление:

Воинская часть № 123456789 принимает на постоянную работу стрелков ВОХР. Иногородним предоставляется общежитие. График работы – сутки через трое…

Среди ленинградских гнилых болот, между Девяткино и Ржевкой, скрывается небольшой поселок Медвежий Стан. Вернее, скрывался, потому что на фотографиях, снятых со спутника и общедоступных для рассматривания в программе Google планета Земля, прекрасно видно во всех деталях каждое уцелевшее строение. Этот бывший военный объект аннулирован, и любой желающий может посмотреть аэрофотосъемку рассекреченных артиллерийских складов. В отличном разрешении видны даже вольеры собачьего питомника. Склады (по слухам) построены еще Петром Первым. Длинные закопанные в землю постройки, обнесенные земляными валами, предохраняющими от детонации. Суровая простота функциональной архитектуры. Вокруг лес.

Обслуживала работу складов рота солдат, а охранял отряд ВОХР по системе сутки через трое. Отряд сто пятьдесят человек.

ВОХР – военизированная охрана из гражданских лиц. Через каждые три дня нормальные свободные люди на сутки превращаются в зависимых солдат, а называют рядовой состав стрелками. Каждая из четырех смен имеет своего круглосуточного начальника, а над ними всеми царит начальник караула. Начальник караула работает ежедневно, а в ночь выходит по графику дежурств в очередь с офицерами воинской части.

На охраняемую территорию имеют доступ только офицеры с солдатами срочной службы. Целыми днями они переставляют с места на место ящики со снарядами. Иногда грузят их в вагоны. Иногда разгружают. Барахла этого скопилось так много, что и возле складов на открытом воздухе стоят накрытые брезентом штабеля. Можно приоткрыть завесу военной тайны и шепотом сообщить непосвященным: оружие и боеприпасы к нему никогда не хранятся вместе, на одной территории.

* * *

На сторожевой вышке, невысокой, метров шести, глубоким сном спит стрелок ВОХР.

* * *

Остановка на шоссе среди леса. Миша вышел из автобуса, идет по бетонной дорожке. Впереди за деревьями кирпичная башня вроде станционных водонапорных. За башней небольшой поселок: несколько каменных домов и двухэтажный деревянный барак зеленого цвета с вывесками: «Штаб отряда ВОХР» и «Общежитие».

Фактура – как в старых советских фильмах про войну. Суровая мрачная разруха без излишеств. Кабинет парторга. Запах ваксы и клопов. А может, дезинфекции? За столом сидит Карп Иванович – местный «Карацупа». В зубах – «Беломор», в ногах – старая черная дворняжка Волчек.

Миша:

– Художник, не прошел по конкурсу, в армии не служил.

Карп Иванович:

– Причину назовите.

– Травматология, в мирное время к службе не годен, бегать не могу.

– Нам это неважно, главное, чтобы не по психиатрии комиссовали. Здесь оружие на руки выдают. Какая статья? Ага, вот ваш билет военный. Статья 14-б, ясно. Далее, устав караульной службы выучить наизусть, подписка о неразглашении военной тайны.

Будете писать письма – имейте в виду: у нас выборочные проверки, перлюстрация, чтобы не писали чего не следует. Бывает, и адрес обратный не могут правильно запомнить, пишут и Волчий Стан, и Медвежье Стан, и даже Медвежий Стон. Почтальон наша принесет – она привыкла, ее и Лисье Логово на конверте не смутит. Теперь идите на склад. Получите обмундирование: шинель дается на три года, сапоги на год. Работать будете в третьем карауле, там людей не хватает. Начальник караула из ваших, из художников. Фамилия Авдеев. Может, и знакомый ваш.

Знаки различия вохровские, как у Красной Армии до введения погон, это усиливает впечатление попадания в ретро. В петлицах кубари на зеленом фоне. Форма черная.

Большую часть барака занимает общежитие. Запущенное. Межкомнатные перегородки тонкие, фанерные, обои засаленные, слышимость стопроцентная. Но, с другой стороны, никто не цепляется к жильцам, если нужда заставит забить в стенку лишний гвоздь. Эту постройку невозможно ухудшить. Туалет без кабинок, общий.

* * *

Сторожевая вышка невысокая, потому что местность ровная. Днем видимость хорошая на большом расстоянии. Вышка деревянная, на четырех опорах и с балконом по периметру. Надоест сидеть сиднем – можно прогуливаться. Окна застеклены, и чтобы зимой не запотевали, на подоконниках стоят самодельные обогреватели из асбестовых трубок. Стрелки в сильные морозы их часто ломают, стараясь примоститься на источник драгоценного тепла своим задом.

Сплошная масса голых колючих ветвей издали кажется чем-то нежно-пушистым. Так же и молодая изумрудно-зеленая трава. Хочется кататься-валяться по бархатному склону, а на деле острые штурпаки и колючки. Стрелок спит, как волк в лесу, короткими урывками, поминутно испуганно озираясь. И снов видит множество.

* * *

Раннее утро. Возле общежития построение смены караула. Стрелки почти все женщины. Больше двух третей. Мужчин мало и похожи они на банду Махно (вернее, на ее кинематографическую версию). Большинство из них художники. Несколько вольных слушателей академии художеств лохмато-бородатых. Их антагонисты, фанаты монументальной школы училища им. Мухиной, не поступившие, но сохранившие надежду преодолеть большой конкурс в будущем, тоже накапливаются здесь из года в год. Превращаются в сторожей-монументалистов. Но есть и несколько философов. Будущих, если удастся поступить в университет. Встречаются и прозаические технари. Кто-то не прошел конкурс на стационар и учится заочно, пошел на ВОХРу ради прописки с общежитием. Есть много людей из Средней Азии. Этим таскаться из такой далечины на каждую сессию просто не по карману. Они оседают на ВОХРе, обзаводятся семьями. Со временем даже прикупают избушки в соседней деревне.

Шинели подогнаны у всех по-разному. Есть и клеша до пяток, есть и укороченные, слегка прикрывающие зад. В эту основную массу стрелков-лимитчиков вписывается и элита: человек

восемь кочегаров и столько же собаководов. Они работают по той же схеме сутки через трое – выходят по два человека в смену.

Перекличка. Погрузка в автобус пенсионного возраста. Дорога через лес. Первая группа вышла совсем недалеко от общежития. Их караулку (небольшой одноэтажный домик) видно за прозрачными деревьями. Вторую группу высадили в двадцати минутах езды от первой. Тоже домик небольшой у дороги. Охраняемая территория – замкнутый круг (вернее, сложная кривая), периметр девять километров. На каждый караул получается около трех километров ответственности. И людей в каждом приблизительно одинаково. Склады военные внутри леса – их не видно. Не доезжая метров ста до последней караулки, на подъеме автобус застрял в глубокой грязи. Девушки в черном вышли из автобуса, обняли его, прижались грудью, уперлись плечами и, раскачав, вытолкнули на сухое место.

Последняя караулка разделена внутри на неравные части. Меньшую занимают собаководы, и питомник служебных собак находится тут же, рядом. Каждое караульное здание окружено колючей проволокой. Все охраняемые территории имеют свои слабые места, изъяны, поэтому писать подробнее значит разглашать военную тайну.

Один дизайнер сказал, что нет ничего красивее самолета-истребителя, потому что в нем нет ни одной детали, сделанной для красоты, дизайн охраняемой территории тоже абсолютно утилитарен. В лесу вырублена просека. От деревьев она отделена с обеих сторон колючей проволокой. Столбы линии электропередач для ночного освещения, деревянные мостки-трапы проложены от вышки к вышке, чтобы не утопать в грязи болота. Лаконичность и графическая простота – особенно зимой. К началу лета контрольная полоса буйно покрывается северными цветами. Раньше всего из грунта вылезает нечто желтое, пушистое, на коротком стебле. На болотистых низинах у реки расцветают дикие каллы и ирисы. Лиловый иван-чай и множество всяких трав, в которых прекрасно разбирались русские писатели-помещики. Водяные крысы возятся у берега. Иногда можно спугнуть зайца в высокой траве. Забредают и лоси. Осенью сухостой перепахивают, и контрольная полоса до первого снега сочно-черно-

го цвета. Деревянная дорожка на полметра выше почвы. Но это только до начала снегопадов. Постепенно она превращается в глубокую траншею среди снежного поля.

* * *

Стрелки для удобства сна на всех постах оторвали сиденья от середины деревянного пола и придвинули их к стенкам. Эти сидушки сделаны, как у барной стойки: высокие, такие, что ноги до пола не достают, и были прибиты гвоздями – незачем спиной к стенкам прислоняться. Начинающему стрелку в первые несколько смен мерещится, что стоит на секунду отвернуться, а нарушитель уже проник на территорию. Он вертит головой туда-сюда, изнуряет себя страхами. Потом это проходит. В семидесятые годы боеприпасы никому нафиг были не нужны. Бояться приходилось только сумасшедшего. Рассказывали про одного обиженного начальством, уволенного по статье, который якобы пытался проникнуть внутрь территории. Стрелок на посту на самом деле охраняет себя и свое оружие, за его сохранность больше всего боится. Но люди бывалые и к этому страху относились иронически. Кому нужен громоздкий тяжелый карабин? В преступном мире ценился пистолет, поэтому, выходя на проверку глубокой ночью, только дежурный по части офицер имел небеспочвенную причину для страха. Хотя так же очевидно, что добыть пистолет в городе, отобрав у пьяного милиционера, легче, чем у трезвого осторожного военнослужащего среди леса.

* * *

Миша сидит на вышке. Справа и слева строго по законам перспективы, удаляясь, уменьшаются столбики с колючей проволокой. Хорошо видны вышки: предыдущая и последующая – это его сектор наблюдения. Минуя вышку предыдущую, появилась черная точка. Она медленно растет. Уже виден человечек, уже видно, что это женщина-проверяющий. Миша вышел на балкончик. Встречает:

– Здравствуйте.

Проверяющая подошла к вышке:

– Что еще за здравствуйте? Что вы должны говорить по уставу?

– По уставу я должен сказать: «Стой, кто идет!».

– Так в чем же дело?

– Но я же вижу, кто идет, я вас знаю. Вы меня не узнаете? Вчера вечером в общежитии мы чай вместе пили, вы к Жоре приходили, не помните?

– Приходила, не приходила, вы на работе и я на работе, даже если мама ваша будет идти, нужно по уставу!

– Понял! Стой, кто идет!

– Дежурная по караулу Петрова.

Миша снял трубку телефона:

– Пост номер шесть, дежурная по караулу Петрова.

– Пропусти, – ответили в трубке.

– Проходите.

– Сейчас собак поведут, лучше не высовывайся, особенно Марта коварная – может цапнуть.

Проверяющая прикинула, успеет ли до следующей вышки раньше собак, и быстро пошла дальше.

Чтобы примириться, усвоить какие-нибудь правила, нужно найти им разумное объяснение. Спрашивать, «кто идет», когда и так прекрасно видно, кто идет, – это чисто ритуальное действие, и как только слово найдено, становится легко произносить тексты из устава караульной службы. Потому что стрелок ВОХР в момент проверки является служителем культа «сторожения». И все участники действа обязаны подыгрывать друг другу.

Собак было много. Штуки четыре были на сворках, а еще столько же суетились вокруг. Вел их высокий парень босиком. У вышки он остановился:

– У вас нет сигареты? Не бойтесь, выходите, они не тронут. У Марты течка, я ее не взял, а эти не кусаются.

– Вам не холодно, вроде не лето на дворе, а вы без обуви?

– Нет, мне жарко, я же бегом, можно было бы и быстрее бежать, но собаки устают. Всех расставлю – вот тогда вдвоем мы с Эпосом и побежим наперегонки.

Возле него вертелась собачка небольшая и единственная среди всех не овчарка – дворняжка рыжая.

– А это что у вас за «волкодав» некондиционный?

– Овчарка у нас сбежала больше года назад. А эта, наоборот, приблудная, ей у нас понравилось, не хочет уходить. Питание регулярное: каша овсяная и кости полагаются, все качественное, я сам с ними ем. Так мы ее под тем же именем и держим теперь. Мы с Эпосом друзья.

* * *

Работа сутки через трое очень привлекательно звучит для уха, но на практике для нормального организма изнурительно отвратительная. Никакие трое суток отдыха не компенсируют бессонной ночи. Даже летом. Даже в удивительные белые северные ночи с соловьиным пением. А тем более ночи на сорокаградусном сыром морозе. Сырой мороз порождает в воздухе микроскопические блестки. При полном безветрии они плавно кружатся вокруг. К концу третьего дня только начинаешь перестраиваться, приходить в себя – уже надо опять идти на смену.

* * *

Комната в общежитии. Миша пришел со смены. Лицо опухшее от бессонной ночи, глаза воспаленные. Двое жильцов пьют чай. На одной из кроватей лицом к стенке спит человек. Миша, кивая на спящего:

– У нас пополнение?

– Да, еще вчера днем подселили, коллега твой, тоже художник. Нужно разбудить его, он просил к чаю его поднять.

Миша сел на кровать, снял сапоги и, не раздеваясь, залез под одеяло, от света укрылся с головой, попытался уснуть.

В дверь постучали. Это пришел сосед, собаковод Шахматов, любитель бегать босиком. В руке он держит большую белую кость:

– Я вот не могу решить, хочу посоветоваться, ребята, стоит эту кость варить или нет? Один раз я ее уже варил, как вы думаете, осталось в ней еще что-нибудь питательное или нет?

Жилец Жора повертел кость в руке:

– Зачем ее варить, отдай так собакам.

– Так я же не собакам – себе сварить хотел.

Жора открыл дверцу шкафа, вынул кастрюльку, принюхался:

– У нас есть макароны, я их есть не могу, крыса их вчера на стол вывалила… Ела, не ела, но я брезгую после нее.

Шахматов обрадовался:

– Я съем, это бывает, это ничего, крысы в общежитие полезли, потому что бульдозером мусорную кучу разворотили.

Новичок проснулся и прислушивается к разговору:

– Нужно сделать крысоловку и в нее двести двадцать вольт на наживку, мы в армии так делали…

– Бесполезно, их тут миллион, в собачьем питомнике они из одной посуды с собаками едят, я тоже с ними ем – еда хорошая, очень калорийная, – Шахматов с макаронами присел к столу.

* * *

Если внутри вышки положить карабин прикладом на один подоконник, а ствол пристроить на перпендикулярный, сверху бросить шинель – получается удобное сиденье с большим обзором. И гарантия, что если уснешь крепко, проверяющий не выдернет из-под тебя оружие, не разбудив. Стрелок крепко спит, а периметр бесшумно перебегает стадо диких свиней: худых, на длинных ногах, поджарых, как собаки. После такого визита в колючей проволоке рваные отверстия. Мише в глаза светит солнце. Оно только-только поднялось над лесом. И в не совсем проснувшейся его голове смешался солнечный свет с недавним происшествием. Реальным. Миша бредет по лесу возле поселка

и на опушке видит, как метрах в пятидесяти от него на земле что-то нестерпимо ярко сверкает. Он подошел к этому зачарованному месту и понял, что перед ним гора битых зеркал. Несанкционированная свалка отходов с зеркальной фабрики. Такая прозаическая причина блеска. Осколки лежат давно, уже слегка присыпаны другим мусором, и все равно, когда он встал на зеркала посреди кучи, волшебно прекрасное чувство перевернутого мира охватило его. Под ногами было небо. Миша окончательно проснулся.

* * *

Общежитие. В комнате Миша и Саша Авдеев, начальник караула. Миша чистит картошку:

– Это сюрприз для меня, не думал, что когда-нибудь после защиты встретимся. Я, правда, и про себя не думал, что здесь окажусь, под Питером среди гнилого болота и в вохровской робе.

Саша:

– Ну а куда мне деваться? Домой ехать и всем рассказывать, что я в академию не поступил, – стыдно. А здесь таких, как я, мало. Отслуживших в армии, я имею в виду. Бабье в основном. Ты же тоже не служил, комиссовался. Поэтому у меня преимущество перед тобой большое – на вышку не послали сидеть. Мой опыт здесь в цене. Я в армии старшиной был. Мне и повезло к тому же. Место случайно освободилось. Бывший начальник нашел дико престижную работу в городе: приемщиком багажа пошел на Витебский вокзал. Теперь вами, сопляками, я командую. Зачем нужна щука, не знаешь? Чтобы карась не спал! Ха-ха-ха. А ты же никуда поступать не собирался вроде? Зачем в Питер рванул?

– Мне все равно где торчать. У меня жилья нет нигде. Я могу только с пропиской работу искать или ехать по распределению в село. Преподавать рисование в средней школе. А это место уже несколько поколений выпускников Мухи и академии передают по наследству. Можно на каждой вышке мемориальную доску с именами нынешних мэтров прицепить. А ты почему в колхоз не поехал? Мог бы сейчас детям в школе рисование и черчение преподавать.

– У меня пятерочный диплом, я себе вольное распределение взял. Именно рассчитывал слету, пока кровь играет, в академию поступить. А для школы я негодящий, когда вижу в классе голые коленки восьмиклассниц – у меня язык к небу прилипает, слова не могу сказать. А ты представляешь, какие восьмиклассницы в селе? Вскормленные на деревенском сале?

– Ты же вроде как женат был?

– Да, жена у меня есть, но я ей не нужен. Я ей не подхожу. Слишком сильно она меня возбуждает, очень быстро все происходит. Она только разогреется, а я уже готов, для меня все кончилось. Люблю ее. Не успею потрогать ее, прикоснуться и… увы. Интересно, что с другими все нормально. С теми, что нравятся не очень. Долго могу быть, а с ней – ну никак. Один запах сводит с ума.

Дверь без стука отворилась и в комнату вошла черная собака, следом за ней без всякого «Здрасте», молча, зашел Карп Иванович, парторг. Пошарил рукой на шкафу, нашел пачку «Беломора», вытащил пару штук и так же без эмоций удалился.

Миша:

– Немая сцена – те же и Карп Иванович.

Саша:

– Как призрак этих мест… Чекист бывший. И к имуществу отношение коммунистическое – частную собственность не понимает. В авиации есть должность стрелок-радист, мы здесь стрелки-художники, а Карп Иванович получается стрелок-стрелок.

Миша:

– С натяжкой, конечно, потому что папиросы не стреляет, а без спросу берет.

Саша:

– На посту спишь, небось, как сурок?

Миша:

– Если повезет заснуть, то отчего же. Иногда ждешь смену и мечтаешь – мне бы только до лежака дойти. А когда сменился, пробежался, взбодрился, лег – и ни в одном глазу. Ворочаешься, и мысль в голове одна только: ну что за напасть – час отдыха остался, а я не сплю! Минут за десять до подъема вырубишься в глубокий сон – уже будят, вставайте, ребята. А я не понимаю со сна, где нахожусь. Заметил, что тут контингент резко делится

пополам: одни спят, как свалятся и где придется, а у других бессонница – круглые сутки на ногах и ни в одном глазу.

– Представляю, как я тебя, салагу, на посту спящим застукаю. Затвор вытащу.

– Не боишься, что я тебя шлепну с перепуга?

– Ладно, не злись, шутка это. У нас в роте капитана застрелили. Первая пуля в лоб, а вторая в воздух. Свидетелей нет. Кто докажет, что часовой первый раз не в воздух выстрелил?

– И чем все это кончилось?

– Солдату отпуск дали.

* * *

На посту крепким утренним сном спит стрелок. Он улегся, раскинулся на балконе, чтобы спине дать отдохнуть. За колючей проволокой, за наружным ограждением, бродит грибник. Он хотел бы пролезть на охраняемую территорию – там грибов больше, но боится заснувшего стрелка. Видит его, зовет, пытается привлечь к себе внимание, но стрелок не слышит.

* * *

Развод караула. Перед общагой построение. Перекличка. Начальник отряда просит слова:

– На повестке дня два вопроса. Первый: у нас ЧП. Поступило заявление от девушки-стрелка Ким Ен Дя из третьего караула об изнасиловании ее группой солдат из роты обслуживания складов. Дело было так: трое солдат предложили ей выпить с ними, она согласилась, а затем они по очереди были с ней. Судя по заявлению, факт изнасилования обнаружился ею только наутро. Лиц своих насильников она не запомнила. Очевидно, что ей, женщине корейской национальности, лица европейские все кажутся одинаковыми. Совершенно непонятно, на что она рассчитывала, уединяясь с военнослужащими для распития. Это всем присутствующим информация к размышлению. Второе: на сегодня у нас запланировано учение по тушению пожара. Сейчас наш пожарник покажет, как обращаться с огнетушителем.

Под забором навалили большую кучу бумаги и подожгли ее. Пожарник ловко перевернул огнетушитель, потянул за ручку. Вместо напора пены из огнетушителя потекла какая-то вонючая дрянь. Он ударил огнетушителем об землю – ничего не получается. Огонь не на шутку разгорелся. Смеяться перестали, испугались и начали тушить. Растоптали – разбросали.

Одновременно с разводом караула комендант общежития по доносу вахтера ломится в комнату молодого длинноволосого блондина – Сергея. Обыск на предмет неуставных отношений между разнополыми стрелками. В комнате живет не только подозреваемый в аморалке, еще трое, но соседи на суточной смене, и он уединился со своей девушкой. Комендант решила захватить их «тепленькими» спозаранку. Парень мечется по комнате, ищет, куда спрятать любимую. Сует ее в шкаф (хотел на улицу в окно выпустить, но там сидит засада на перехвате). Сергей демонстративно распахивает дверцу шкафа перед носом коменданта, истерически кричит: «Нате, ищите! Позорьтесь! Ройтесь в вещах! Я ее в шкафу прячу!». Быстро ерошит вещи – так, что ничего не разобрать, и резко захлопывает укрытие. Разглядеть прикрытую тряпками и свернувшуюся в клубок девушку облава не успела.

* * *

Караульное помещение. Девушки собираются готовить обед. Поскольку в течение суток стрелки отрезаны от внешней жизни, им приходится заботиться о еде заранее. Еще на предыдущей смене составляют список нужных продуктов и распределяют на всех поровну. Мужчин не напрягают покупкой мяса или чего-то, в чем они не очень разбираются. Хлеб, чай, сахар, картошка – обычный набор мужской повинности в общий котел. Зато в лесу есть грибы. Но по уставу стрелок не имеет права находиться внутри охраняемой территории. Начальник смены Валера снаряжает Мишу нелегально, втихаря, разжиться грибами:

– Далеко не заходи, держись возле колючей проволоки. С карабином не таскайся, спрячь в кустах. Самое главное: если попадешься, вали все на меня. Говори, что с моего разрешения пасешь-

ся. В таком случае я отделаюсь выговором. Если сдуру станешь меня выгораживать, скажешь, что полез самовольно, – меня уволить могут за отсутствие контроля над подчиненными.

Миша и попался. Там грибок, там два… Увлекся и забрел на склады. Солдаты его приняли за диверсанта. Обрадовались добыче, потому что если бы это матерый «враг» оказался, им бы отпуск дали за ретивость. Выглядел грибник действительно многообещающе: в дождевике до пят и с огромным столовым ножом в руках.

* * *

Два стрелка отстояли смену и бегут рысью в караулку. И останавливаются озадаченные. На их пути стоит старый лось. Туша в полтонны весом. С виду спокойный, но что у него на уме? Если погонится – убегать некуда. По контрольной вспашке даже идти трудно. Пока они в раздумьях, время их законного короткого отдыха уменьшается неумолимо. Стрелки открывают по лосю беглый огонь на поражение. Но зверю хоть бы хны. Он ехидно ухмыляется, и Миша просыпается, постепенно понимает, что это приснилось ему. Приснилось от давешних разговоров про лосиную неприкосновенность. Охраняемая территория одновременно является и зоной заповедника, стрелять живность запрещено.

По деревянным дорожкам-трапам с серьезно деловитым лицом идет караульная кошка. Иногда надолго присаживается и смотрит в траву. Неподвижно. Иногда прыгает. Но на большом расстоянии понять, успешна ли ее нелицензированная охота на мышей-полевок заповедника, невозможно.

* * *

Караульное помещение, день. Комната отдыха. В комнате длинноволосый блондин Сережа, начальник смены Валера и начальник караула Саша Авдеев. На столе стоит пятилитровая бутыль, на самом дне немного голубой жидкости. Их гость шофер Виролайнен расхваливает ее:

– Я могу поклясться здоровьем тещи – это чистейший денатурат!

– Денатурат – это спирт с добавкой красителя, – возражает начальник смены Валера, – слово «чистейший» в данном случае это абсурд.

– Но я отвечаю! Мы уже неделю его пьем, и еще никто не умер, – злится Виролайнен.

– Со мной учился один сельский хлопец, Мыкола, – начал Саша, – однажды он приезжает после праздников на занятия и всем хвастается, что привез из дома бутылку самогона. Жил он в общаге, и ребята решили подшутить, выпить его пойло без него. Порылись в вещах, нашли бутылку. Надо сказать, что мысль эта их посетила уже в разгар пьянки. Сколько было выпито до этого – не знаю. Откупорили его бутылку, запах не понравился, но жадность штука сильная – выпили. Зашел к ним гость, ребята и его решили угостить, он понюхал – ацетон. Они ругать его, дескать, харчами перебираешь, а он уперся – ацетон! Провели следственный эксперимент – подожгли. Горит, но совсем иначе, чем спирт. Тошнило их ужасно. Клялись, что если не умрут – бросают пить. Один выживший даже надпись для себя памятную сделал на стене: «Если выпью каплю алкоголя – то я подлец».

– А куда же самогонка подевалась? – заинтересовался Виролайнен.

– Он самогон с другими выпил, в другой компании, а ацетон привез, чтобы кисточки мыть, – закончил рассказ Саша.

– Ладно, я разливаю, тут все равно по чуть-чуть осталось, – Виролайнен разлил жидкость, и все, кроме Валеры, ее выпили.

– Я у тебя, Виромайнен, как у бывшего ветеринара хотел бы спросить… – вкрадчиво произнес Валера.

– Я не Виромайнен, я тебе сто раз говорил.

– Ну, нашему русскому уху так привычнее, майна-вира, вира-майна, но я хотел у тебя уточнить как профессионала, если ты собираешься вводить вакцину свинье или корове, то как ты рассчитываешь количество препарата?

Виролайнен без запинки, как на зачете, ответил:

– На живой вес надо считать, взвесить животное и по показаниям отмерить дозу.

– Вот! – торжественно объявил Валера. – Теперь объясни мне, почему я, человек сорока девяти килограммов веса, всю жизнь

обязан по нашим национальным обычаям пить наравне с восьмидесятикилограммовыми мужиками?

– Тут есть человеческий фактор, отклонение от зоологии, – задумался бывший ветеринар, – вспомни Редькина, сморчок сморчком, а выпить мог ведро.

Валера:

– Сейчас он за разбойное нападение сидит: на Петроградской стороне выхватил сумочку у женщины, а убежать не смог – прокуренные легкие и алкоголь в крови. А она спортсменкой оказалась, догнала, избила и сдала ментам. Да, про Редькина ты прав. В прошлый Новый год, – продолжал Валера, – мне на смену выпало утром первого января. Саша Редькин в моем подчинении тогда еще работал. Пришел на смену он в драбадан пьяный. Удивительно, что вообще о работе вспомнил. Поставил я его на седьмой – от глаз начальства подальше. До пятого поста он полз, как Маресьев, по снегу, а девушки помогали – несли его карабин. А после пятого Редькин отключился. Они посадили его на лопату для чистки снега и довезли до поста.

Но на вышку затащить сил не было – бросили спать на снегу. Часа через два он отошел, оклемался…

Сережа:

– Я тоже его помню, он с причудами был странными. На посту, чтобы не скучать, выковыривал пули из патронов. Порох высыпал на подоконник и делал маленький феерверк, а пулю потом забивал обратно в гильзу.

Саша:

– Но если таким патроном выстрелить – можно покалечиться. Он что, был идиот?

Валера:

– Не он единственный, сюда из-за нехватки людей и шизофреники попадают, и полуслепые. В прошлом году Юру собаковода обстрелял сосед по общежитию, в темноте принял за нарушителя, пурга была, метель. Есть такие люди: чуть что – передергивают затвор.

Сережа:

– Был еще один чудик, любил журналы читать типа «Техника молодежи» или «Наука и жизнь». Прочитал где-то, что если приложить ухо к земле, то звук шагов можно услышать за километр. Спустился с вышки вниз. Лежит, слушает. Дежурный по части к нему подошел, что вы делаете, спрашивает. Тот вскочил с перепуга:

– Вас жду, товарищ подполковник!

В комнате-сушилке уединился Миша с гостями. Пришли солдаты из части. Прослышали про художников среди ВОХРы и хотят наколоть татуировки. И Валера, и Саша от них отбоярились, а Миша по малодушию согласился нарисовать, при условии, что колоть будут себе сами. Человек из Таджикистана настойчиво требует нарисовать ему на спине «кладбу». И Миша, и товарищ солдата не понимают, о чем речь. Рисуй ему «кладбу» – и все. Догадались, в конце концов, что хочет кладбище. И тут встал вопрос какое: русское, еврейское, мусульманское? Тот понятия не имел, что бывают разные «кладбы», другие, чем в его ауле. С русскоговорящим было проще – тигр на животе, такая у него мечта. Надул живот, по рисунку наколол обычной швейной иголкой, окуная в тушь. Колол не точно по линии, а как придется. Получилась

сморщенная кошка. Тушь они украли в «красном уголке». А Миша дал маху. Принес солдатам из кухни кружку, чтобы помочь с распитием одеколона. С горла его не пьют, слишком маленькое отверстие. Пришлось кружку выбрасывать на помойку – запах остался, ничем не истребимый. Зато опыт визуального наблюдения за удивительным мгновенным покраснением носов остался на память о событии. Явление, зеркально противоположное сильному обморожению. Там нос отдельно от всего лица становится мертвенно-белоснежным.

* * *

На улице холодно, а на вышке обогреватели, и ожила муха. Иногда внутри стенок что-то шуршит и скребется – может, мыши. В каком бы настроении не заступил на пост, к концу четвертого часа оно изменится без всякой понятной уму причины.

* * *

Саша Авдеев вышел на проверку. Как тать крадется. Глубокая ночь. Самый сон. Между ближними от караулки вышками, как лиса в зоопарке, туда-сюда мечется студент-философ Гриша. Он никогда не спит на посту. Такой у него дар или проклятье. Неизвестно. Также ему никогда и не холодно почему-то. Но усидеть на месте ему трудно. Предпочитает ходить – это по уставу не возбраняется.

Миша на своем посту дремлет урывками. Из караула позвонили, чтоб не спал, что проверяющий идет. Если поймали спящего подчиненного – то у начальства неприятности. Глаза лезут на лоб от напряжения. От всматривания во тьму. Идет или не идет? Может, померещилось? Что это черное? Миша заснул на мгновение, испугался, вскочил, смотрит на дорогу – так и есть, идет, уже явно видно фигурку. И заснул стоя, и упал на колени, и проснулся. Подбородком об подоконник ударился. А Саша уже совсем рядом, уставную отметку пятидесятиметровую прошел, уже к вышке подбирается.

– Стой, кто идет! – орет Миша во тьму.

– Дежурный по караулу Авдеев!

Миша звонит в караул.

– Пропусти, – командует начальник смены.

– Ну что, боец, разбудил я тебя, крепко ты кемаришь!

– Я не сплю, хотел поближе подпустить…

– Рассказывай, все равно поймаю.

Саша зашагал к следующему посту. Отошел недалеко и тихонько повернул обратно, крадучись. Миша еще не спал, молча вышел на балкон вышки. Саша рассмеялся и пошел обратно.

* * *

Комната в общежитии, приспособленная под мастерскую скульптора. Чугунные чаны с глиной, деревянные щиты, основа для рельефа, мешки с алебастром. Начальство воинской части решило сэкономить – не нанимать в худфонде мастеров за немалые деньги, а поручить своим стрелкам, скульпторам-недоучкам, изготовить мемориальный комплекс на территории части. В награду за усердие – освобождение от караульной службы. Три человека под руководством вольного слушателя академии художеств ваяют рельефную сцену из героического прошлого воинской части. Противотанковый расчет сражается с превосходящими силами врага. Увы, по качеству исполнения это далеко не Пергамский алтарь. И военный антураж второй мировой: портянки, кирза, гимнастерки и покореженная техника не сильно вдохновляют авторов, воспитанных в любви к античной красоте человеческого тела, пускай иногда для древнегреческого смеха и с лошадиной примесью. Короче, не романтическая битва красиво задрапированных греческих богов между собой. Любой начинающий с минимальной подготовкой художник проходит через постижение гармонии по античным образцам. Носы рисует греческие, уши и глаза. А мода современная в живописи и скульптуре его окружает совсем другая: импрессионистическая по форме, а соцреалистическая по содержанию. Помимо тоски в армейской специфике заказа есть обязаловка точного воспроизведения амуниции, знаков различия, строения оружия. Если схалтуришь, вылепишь затвор винтовки приблизительно или шнурки армейских боти-

нок не проработаешь тщательно – обязательно вояки придерутся, «поставят на вид» и заставят переделывать. Даже пуговицы пересчитывают, не ленятся.

Лысый с длинной бородой скульптор, проживший на ВОХРе уже двоих детей, получивший комнату в семейном общежитии, окончательно оставил надежду на учебу в академии. Он здесь даже карьеру сделал, дослужившись до начальника одного из караулов. Но тяга к любимому занятию никуда не делась, тлеет в нем, как залежи торфа под землей. Федя лепит колесо пушки и рассказывает товарищам: боброобразному крепышу и мужчине субтильному, немолодому:

– Шел мимо Муринской церкви на днях. Вижу, двери настежь, и мужики в спецовках что-то таскают туда-сюда. Зашел. Зрелище мне предстало охренительное. Церковь восемнадцатого века, русский классицизм. Все подкупольное пространство занимают пятнадцатиметровые глиняные модели двух революционных бойцов. В едином порыве устремленных на врага. Ружья, штыки – все как положено. Сочетание с интерьером дико выразительное… Я знал, что скульптора взяли церковь в аренду, но заглянуть внутрь раньше не случалось… Был бы моложе лет на десять – пошел бы к ним глину месить.

Немолодой субтильный перемешивает, готовит глину для Феди:

– Мне тридцать, а ощущение, что жизнь уже прошла. Я, как и ты, женился рано и все время как белка в колесе, как заводной Буратино: на работу – с работы, на работу – с работы. Слесарем на автобазе. И вот однажды что-то во мне щелкнуло: «Неужели жизнь так и пробежит?». Я всех бросил и поехал поступать в академию художеств. Не поступил, конечно. Но отступать не намерен, буду готовиться, буду землю носом рыть. Обратно в Гомель не поеду.

Боброобразный:

– А семья что?

– Я их очень люблю. Семья не пропадет. Жена и трое детей у меня. Двенадцать лет, десять лет и восемь – одни девочки. Государство их не бросит. Государство позаботится. Восемь лет, двенадцать и десять лет. Позаботится государство – я уверен.

Крепыш посмотрел на одержимого, как на больного:

– Не стоит на поступлении зацикливаться. Я давно наблюдаю за вечными абитуриентами. Это состояние, ожидание нового этапа в жизни, только откладывает решение проблем. Им кажется, как только они поступят в вуз, все их беды окажутся позади. На деле все только тогда и начнется. И чем больше было попыток (я наблюдал пять неудачных поступлений своего товарища), тем тяжелее учиться потом, и часто сильное разочарование вызывает депрессию, приводит человека к пьянству и побегу. Двоих отчаянно поступавших много лет подряд я запомнил как бросивших учебу через год.

* * *

Караульное помещение. Кухня. Девушки готовят обед. Отдыхающая смена распивает чаи. Сережа, длинноволосый блондин, возбужденно рассказывает:

– Ночь. Горное ущелье, вышла полная луна. Я еду верхом на лошади по узкой тропинке. И вдруг какая-то тень метнулась ко мне. Лошадь захрипела, встала на дыбы, я хватаю автомат – и очередью, очередью…

– Это было привидение? Призрак погибшего в этих местах бойца? – спросил ехидно Миша.

– Да нет же! Это снежный барс был. Я убил снежного барса. В тех диких пограничных местах они еще встречаются.

– Он, наверное, очень голодный был, если на солдата с автоматом бросился, – заметил Миша. – А может, он солдата не заметил, хотел лошадью полакомиться.

Миша улыбнулся и вышел из помещения во двор…

* * *

На столе начальника зазвонил телефон. Валера снял трубку:

– Понял, да, все понял, действуем согласно уставу… – положил трубку. – Боевая тревога. Позвонили из части, кто-то видел, как на техничку опустился парашютист.

Саша:

– Они на свадьбе перепились и дурака валяют! Сегодня же дочку командира замуж выдают!

Валера:

– Пьяные, не пьяные – мы должны действовать по уставу. Объявлена тревога, сейчас солдат пошлют прочесывать лес. Отдыхающей смене повезло, они, опять же по уставу, должны караулку охранять, а на вышках смены не будет до отбоя. Валера открыл свой начальнический письменный стол и, как некоторые женщины, чуть выдается у них свободная минута – принимаются за вязание, достал свое рукоделье: начатую камею из слоистой раковины рапаны, резец с победитовым наконечником – и продолжил работу над гарнитуром из трех предметов. Грубую обработку он сделал дома при помощи стоматологической бормашинки, а тут, на работе, ему оставалось только довести до товарного вида. Такой набор, серьги и кулон, неплохо продавался с рук, через знакомых, или, на худой конец, через комиссионный магазин, что для мастера выходило не так выгодно. Еще Валера мечтал попасть в хорошую бригаду реставраторов-краснодеревщиков, но даже для начала переговоров с ними нужно было иметь свой набор резцов по дереву из ста пятидесяти предметов.

* * *

Миша на дальнем посту, возле реки, вышку заволокло туманом. Бороться со сном невозможно – глазу сосредоточить внимание не на чем. Заснул крепким сном. Сон. Он в школе. Участвует в художественной самодеятельности. На сцене так называемый монтаж. Каждый из учеников должен прочитать свой отрывок общей темы. Звучит: «То, что отцы не достроили, – мы достроим! То, что отцы не допели, – мы допоем!». Девочка в белой блузке подхватывает: «Свое бессмертие вам Родина вручила! И не забыты ваши имена!». Мишина очередь. Его отрывок пора читать. А он забыл свой текст. И Миша отчаянно выкрикивает: «Шел я лесом, видел чудо, три колхозника сидят. Зубы черные гнилые – лошадиный хуй едят!». В зрительном зале мертвая тишина. Ветераны с «иконостасами» орденов на груди внимательно смотрят на чтеца. Тогда Миша продолжил: «По болоту ходять утки, серенькие

крякают, мою милую ебут, только серьги брякают!». Миша посмотрел на испуганное лицо училки, и чтобы спасти положение, выпалил: «Людям маленького роста хуй сосать легко и просто!». И тут зал взорвался аплодисментами, овациями, от которых Миша на мгновение проснулся и тут же опять уснул. Ему снится, что он не выучил урок, и сейчас вот-вот вызовут к доске. Звенит спасительный звонок с урока. Это зуммер телефона. Миша проснулся, схватил трубку.

Валера из караулки:

– Объявлена боевая тревога, пьяному в части померещились диверсанты на парашютах, чушь собачья, но смены сейчас не жди, ее теперь не будет до отбоя тревоги.

Прошел час, два часа, прошло еще шесть часов, а отбоя не объявляли.

Миша давно и крепко спал. Снится ему красивый воздушный шар. Шар опускается на голые ветки леса. Со страшным треском шар лопается. Миша просыпается. Вдоль колючей проволоки, ломая кусты, идет цепь солдат – они прочесывают лес.

Глаза закрываются и видят костер. Опять треск веток. Уже в костре. Испуганный солдатами лось мечется возле колючей проволоки, ломает грудью и копытами мелкий подлесок. Лось пробирается вдоль колючей проволоки, тычется испуганно в преграду и в конце концов рвет заграждение грудью, ранясь до крови.

Следующий сон. Миша сидит за столом, опустив голову, на столе стакан водки. Голос за его спиной бубнит:

– Пока ты не выпьешь все до капли, не встанешь из-за стола, будешь здесь ночевать.

* * *

Караульное помещение. Ночь. Саша Авдеев собирается на проверку постов. Заряжает пистолет, засовывает в кобуру. Вышел на улицу. Где-то далеко, за лесом, орет громкая музыка, гулянка в военном городке в самом разгаре.

* * *

Первый сон стрелка Восьмеркиной.

Восьмеркина едет в автобусе. Зима. Стекла замерзли. Девушка спрашивает пассажиров:

– Какая сейчас остановка?

– Девяткино, – отвечают люди, – сейчас за поворотом у реки начинается Девяткино.

– Но этого не может быть! – пугается девушка. – Я Восьмеркина! Мне нужно в Восьмеркино! Зачем мне Девяткино?

– Нет здесь никакого Восьмеркино, и не было никогда.

Второй сон Восьмеркиной.

Комната в секретной части. За столом сидит особист Фонтанкин, перед ним на коленях стоит Восьмеркина. Фонтанкин:

– Шестеркина, нам стало известно, что вы поступили на работу с тайным заданием изучить расположение сладов, составить чертеж охраняемой территории с точным указанием всех грибных мест. Также нам известно, что вы очень любите сладкое и за коробку конфет готовы Родину продать…

– Это грубая ложь, меня оболгали! – голосит девушка. – Сладкое любит собака знакомых Пират! А моя фамилия не Шестеркина, и я учиться приехала заочно на кулинара! Я уже научилась варить патроны! И стреляю я в нашем карауле лучше всех! Прошлой осенью я пристрелила троих грибников!

– И тем не менее, я напоминаю вам, Шестеркина, что сама ваша фамилия обязывает к доверительным отношениям между нами… Известной степени интимной близости. А вы ищете расположения художника-рецидивиста!

Третий сон Восьмеркиной.

Она в белоснежном подвенечном платье. Он, жених Сергей, в генеральском мундире и фуражке на длинных волосах. Вокруг паника, беспокойство – невеста босиком, ей нечего обуть – у нее нет туфель. Подружки говорят, что это не страшно, это дело поправимое, если поверх платья надеть ей подсумок с патронами. Жених ведет невесту в свой дом. Снаружи выглядит как двухэтажный особняк, а изнутри это комната в общаге. Они стучат в дверь, но им не открывают – сожители жениха заперлись и не хотят их впустить.

* * *

Саша идет на проверку. Вдали темный силуэт вышки, глаза слепит свет прожектора. Это пост Восьмеркиной. А на следующем посту спит Миша, и дальше по периметру спит стрелок.

На мгновение Миша проснулся, испуганно вглядывается в темноту. Ничего не видно. Глаза закрылись, опять сон: бежит большая черная собака, поднимается на вышку – это злая Марта, лапой трогает двери – хочет открыть. Миша дергает затвор – затвор заклинило. Марта говорит ему человеческим голосом: «У тебя не будет сигаретки?». От страха он опять просыпается. Из караулки звонят, предупреждают, что идет проверяющий. Миша решил не садиться. Вышел на балкон и прогуливается. Так есть шанс не уснуть, не пропустить дежурного. Садится на последнюю, верхнюю ступеньку лесенки. Прохладный воздух освежает, прогоняет на минуту сон. Смотрит вдаль и незаметно для себя опять отключается.

* * *

Авдеев приближается к посту, на котором, обняв карабин, спит Восьмеркина. Саша тихо поднимается по ступенькам вышки, берется рукой за дверь.

Полупроснувшаяся Восьмеркина стреляет в Авдеева, подстреленный, он летит со ступенек вниз. И это, опять же, очередной сон Миши – или, может, сон Восьмеркиной?

В части за лесом начался фейерверк, рвутся петарды.

Рисунки автора

Игорь Божко

Судебное дело

Петрович (бывший школьный учитель биологии) жил со своей женой в обычной пятиэтажке, в однокомнатной квартире, в которой он и жена его были законно прописаны. Но год назад жена умерла. Петрович с полгода погоревал, а потом, постепенно смирясь с судьбой, стал доживать свой пенсионный век в скудном кефирном одиночестве. Жил тихо, почитывал местную «вечерку», играл в домино с дворовыми обывателями, пока откуда не возьмись появился какой-то родственник покойной жены и заявил, что по закону он имеет право на причитающуюся ему долю наследства, то есть на часть жилплощади. Петрович от такой неожиданной наглости оторопел и возмутился. Чертовщина какая-то! Он здесь прописан, живет в этой квартире более сорока лет и ни с кем делиться своей комнатой не намерен. Что значит – по закону он должен отдать часть жилплощади какому-то прощелыге, которого вообще впервые видит в своей жизни? Но родственник покойной жены заявил, что он очень хорошо знает теперешние законы и отступаться от своей доли наследства не будет. Принялся объяснять старику, что его квартиру можно полюбовно разменять на две коммуналки, что он, мол, как раз и подыскивает такие адреса, и если Петрович не пойдет по этому разумному пути, то он подаст на него в суд и дело выиграет.

– И тогда вы, папаша, будете локти кусать, но будет поздно!

Петрович не верил ушам своим. Даже слегка приболел от этой дурацкой неожиданности. Но потом соседи по двору посоветовали ему обратиться к нотариусу. Потому что иди знай, что там эти новые законники насочиняли. Чего доброго, красномордый мо-

лодчик еще и вправду выдворит старика из собственной квартиры, а потом ходи доказывай, кто тут прав, а кто виноват.

– Вы, уважаемый, живете еще по старым советским законам, – заявил нотариус, выслушав рассказ незадачливого пенсионера. – А законы у нас постоянно меняются. Это еще в СССР можно было вот так просто без всякой волокиты проживать на освободившихся метрах. А сейчас мой вам совет: поскольку у вас нет на руках дарственной на часть жилплощади от вашей покойной супруги (а она перед смертью обязана была оформить на вас дарственную), то вам следует, пока не поздно, подать на вашу покойную супругу в суд и востребовать от нее данный документ. Вот так вот.

Петрович от удивления открыл рот и застыл, переваривая услышанное от нотариуса.

– Как это подать на покойную в суд? – шепотом спросил он.

Будто бы не слыша вопроса, нотариус продолжил:

– Когда у вас будет на руках дарственная, то вы сможете проживать на обеих частях жилплощади совершенно спокойно.

– На каких это обеих? – Петровича даже затрясло от неожиданной казуистики. – У нас всегда с женой вся наша территория была общей! И кухня, и туалет с ванной, и балкон, и коридор в придачу! Мы никогда не делили, что это, мол, твоя половина, а это моя!

– Все верно. Но это пока ваша супруга была жива, и вы были связаны супружеским долгом. А сейчас получается так, что вы проживаете на территории вашей покойной супруги и на своей собственной одновременно, – терпеливо пояснил нотариус.

– Бред какой-то! И при чем здесь супружеский долг? – пенсионер начал думать, что нотариус просто сумасшедший.

Но тот, не меняя тона своего голоса, продолжал пояснять дальше.

– А супружеский долг при том, что раньше, при жизни вашей покойной супруги, вы могли его исполнять, когда вам вздумается и где вздумается, а сейчас в силу различных метафизических вещественных положений с покойной вашей супругой вы уже не можете исполнять свой супружеский долг! Хоть с этим вы согласны?! – нотариус также стал слегка нервничать и слегка повысил голос. – Ну, хорошо! Это, так сказать, вопрос второй степени.

Сейчас вам нужно пройти обычную судебную процедуру как можно раньше, пока лицо, претендующее на наследство, не подало на вас в суд. Тогда уже будет поздно.

– Я в страшном сне никогда не предполагал, что буду на мою покойную жену подавать в суд! – сквозь набегающие слезы изрек Петрович, встал и направился к двери.

– Я еще раз объясняю, что нужно добиться от нее согласия на дарственную вам своей части жилплощади! Иначе пойдете жить в коммуналку где-нибудь у черта на куличках. Я просто из сострадания к вам пытаюсь втолковать, как надо действовать. А вы, уважаемый, ведете себя, как утюг, извините меня за такое сравнение, и еще, по-видимому, считаете меня сумасшедшим. Не так ли?

Петрович остановился, достал широкий носовой платок и утер глаза. Потом высморкался туда же, шумно, без всякого стеснения.

– Да как же она даст мне эту дурацкую дарственную, если она уже год как лежит в могиле и чисто физически не сможет даже пальцем пошевелить? Как вы этого не можете понять?!

– Это уже не ваша забота, каким методом она даст вам дарственную, – невозмутимо ответил нотариус. – Вот вам адрес хорошего адвоката. Он возьмет с вас недорого, и я думаю, что все станет на свои места. Идите и действуйте.

Нотариус встал, подошел к поникшему посетителю, положил ему руку на плечо, по-отечески слегка похлопал и вручил визитку хорошего адвоката.

Петрович думал, что его дело начнется громким «Встать, суд идет!» – но вместо этого после долгого ожидания в обшарпанном коридоре районного суда среди многочисленных сидящих и стоящих с какими-то папками в руках истцов и ответчиков наконец-то появился его адвокат и повел пенсионера в самый конец коридора. Открыл своим ключом зашарпанную дверь, сказал: «Входите и ждите. И присмотрите тут за мебелью, чтобы никто не брал ничего», – пропустил Петровича в помещение и оставил его там. Комната оказалась какой-то захламленной подсобкой, половину которой занимали сломанные столы и стулья. Пристроившись на вроде бы стойком стуле, пенсионер присел, положа руки на колени, и стал думать про нелепость своего положения. «Дожил

старый дурак. На покойную в суд. Ни черта я не понимаю в этих новых временах. В этих дурацких законах. Прости ты меня, дорогая Валентина». Где-то возле окна в паутину попала, судя по звуку, большая базарная муха, и однообразное ее жужжанье клонило в сон. Истец мыслями ушел в диалог с покойной. Вспомнился отпуск на Рижском взморье…

– Встать, суд идет! – крикнул прямо над ухом Петровича чей-то хамовитый голос. Петрович вскочил, но вблизи никого не было. Муха все так же рвалась на свободу, но звук ее уже был не тот. Не было уже того напора в борьбе за свою жизнь. «Уснул. Никогда раньше не спал днем, а тут на тебе».

В следующий раз Петрович очнулся, когда дверь растворилась, и в комнату вошло несколько человек. Они молча стали рассаживаться по скрипучим стульям за не менее скрипучими столами. Адвокат истца, шурша какими-то бумагами, пристроился со своим подопечным рядом.

– Ну вот, все участники процесса присутствуют, – произнесла молодая хорошо уже беременная женщина, по-видимому, секретарь суда. – Истец имеется в наличии, а ответчица находится здесь же в виртуально-метафизическом положении, которую, как всегда для облегчения общения, представляет всем нам известная Нина Федоровна.

Женщина, похожая на уборщицу, оказалась тоже беременной, привстала со своего места и с поклоном сказала:

– С праздничком всех вас.

«С каким это еще праздничком?» – недоумевая, подумал Петрович.

Судьей оказалась дородная в пышном теле дама с бородавкой на правой щеке, из которой росли длинные завивающиеся волосы.

– Слушается дело об истребовании дарственной на жилплощадь от ныне покойной супруги истца Судейкиной Валентины Петровны истцу Судейкину Валентину Петровичу, – ровной монотонной скороговоркой зачитала судья и вдруг остановилась. – Подождите, я что-то не пойму, кто из них находится в виртуально-метафизическом положении? – недовольно подняв брови, она строго глянула на Валентина Петровича.

– Покойная – это Судейкина Валентина Петровна, – пояснил адвокат истца.

– А где она сейчас?

– В могиле, ваша честь. На каком кладбище лежит ответчица? – обратился адвокат к истцу.

– На Северном кладбище, в самом конце от лесопосадки, – перепуганно разъяснил Петрович.

Судья пристально посмотрела в глаза истцу и тихо, но почему-то довольно зло произнесла:

– Здесь шуточки шутить не надо! Это вам не в бане с голыми девицами шуточки шутить!

Петрович вскочил, хотел было что-то произнести, но из его рта вышел какой-то мышиный писк, а из носа потекла вода. В помещении возникла долгая и плотная тишина.

– Ваша честь, – тихо вмешался адвокат, – я прошу прощения, но то, о чем вы говорите, – это из параллельного процесса. Там Судьин, а это Судейкин. Я еще раз извиняюсь.

– А так это уже Судейкин у нас пошел? – судья даже слегка улыбнулась.

– Садитесь, – позволила она Петровичу. – Что это вы вскочили? Резвый вы наш. Судьин, Судовский, Судяйкин, теперь вот Судейкин – сам черт ногу сломает.

Петрович сел, но в голове у него образовался какой-то шум, состоящий из отдельных слов судьи, адвоката и еще каких-то других голосов. Он даже перестал понимать, где он находится. И почему он здесь. Адвокат стал что-то говорить, а бедный пенсионер никак не мог вникнуть в речь своего защитника.

За эти несколько досудебных дней Петровичу уже и самому было интересно, каким это образом покойная выдаст ему дарственную. Перед этим адвокат убедительно заверил, что дело это плевое: «Никуда она не денется. Выдаст дарственную как миленькая».

– …вот здесь у нас имеются фотографии супруги из семейного альбома, ваша честь. А вот здесь она на верблюде у пирамиды Хеопса. А это супруги на Рижском взморье, – пояснял детали семейной жизни Петровича служитель Фемиды.

У Петровича в животе что-то заворочалось и вдруг довольно громко стало разговаривать междометиями:

– Ой! Ах! Ой!

– Перестаньте паясничать, – строго сказала судья.

– …так вот я думаю, что истец имеет все права на получение данного документа, – закончил свою речь адвокат.

Но тут заговорил до того молчавший чернявый человек в очках с толстыми стеклами для очень близоруких глаз.

– Я не согласен со своим уважаемым коллегой. Во-первых, нарисованная им счастливая семейная идиллия не была уж столь безоблачной. Я думаю, что факт супружеской измены уважаемым истцом Судейкиным Валентином Петровичем к уважаемой Судейкиной Валентине Петровне, ныне покойной, установлен всецело и неоспоримо.

Чернявенький показал на беременную Нину Федоровну. Та скорбно подняла брови вверх, а потом с неопределенной ухмылкой склонила голову набок.

Петрович хотел было возразить судье, что беременная женщина не является его покойной супругой, и привстал, но опытный адвокат осадил его.

Петрович снова потерял нить всего происходящего, и только отдельные фрагменты предложений долетали до его сознания: супружеский долг, измена, действия эротического характера, беременность и детородность истца.

– …ваша честь! Мой коллега специально задает провокационные вопросы, совершенно не имея никаких доказательств. Истец уже давно в силу своих физических возможностей не может, извините за выражение, забрюхатить даже кошку.

– Да вы только посмотрите на его, так сказать, общий вид! Мог ли такой измочаленный жизнью человек посягнуть на телесные достоинства кого-то другого, кроме как на достоинства своей покойной супруги, которую он любил всем сердцем, всей душой романтика, который никогда не помышлял о пошлых эротических связях? У меня все, ваша честь!

– Да он и сейчас о сексе думает! – изрек чернявенький препротивнейшим голосом.

Петрович с лютой ненавистью посмотрел в его сторону. Ему до зуда в ладонях захотелось подойти к тому и влепить пощечину.

– А кто это такой?! – неожиданно взвизгнул он каким-то клоунским фальцетом.

– Сядьте! Это адвокат вашей покойной супруги! – пояснил Петровичу его адвокат.

– Вы помните, какой размер груди был у вашей супруги? – тихо спросил адвокат супруги.

– Подождите с размером, – вмешалась судья. – Скажите положа руку на сердце, – ласково обратилась она к истцу. – Вы изменяли своей супруге? Хотя бы раз в жизни?

Петрович вспомнил один сорокалетней давности романчик и даже вначале растерялся, и хотел было признаться в безобидной интрижке, но рот его сам уверенно произнес:

– То, что было в Крыму, не было изменой! А к этой вашей Нине Федоровне я не имею никакого отношения! Кто ее забрюхатил, спрашивайте у него! – и разгневанный истец гневно показал пальцем на чернявого.

Судья ласково, но строго посмотрела в глаза Петровича и произнесла:

– Подлец.

В комнате стало тихо.

– Ладно, будем завершать, – вздохнув, сказала судья и обратилась к защитнику: – Учитывая мнение покойной, суд вынес положительное решение. Можете взять дарственную.

Тут она вышла из-за стола, слегка расставив ноги. Адвокат истца шустро подскочил к ней, стал на одно колено, сунул руку под юбку, вернее, под судейскую мантию и стал производить своей ладонью странные непристойные (как показалось бедному пенсионеру) движения внизу судейского тела.

– Во благо всех присутствующих, – тонким голосом произнесла секретарь, глядя в потолок комнаты.

Через минуту-полторы непонятных действий адвокат вытащил из-под судейской мантии лист бумаги, на котором вверху крупными буквами было написано: «Дарственная».

– Передайте секретарю, пусть поставит печать и зарегистрирует документ, – сказала судья. – Все, дело закрыто.

Судья хлопнула по столу ладонью и все потянулись к выходу.

Когда все вышли, адвокат истца закрыл дверь на ключ. Положил руку на плечо пенсионера и сказал:

– Ну вот. А вы боялись. Я же говорил, что ваша супруга даст вам этот документ без всяких там осложнений.

– Идемте со мной, – обратилась секретарь к находящемуся в прострации пенсионеру.

В небольшом кабинете она поставила печать и зарегистрировала бумагу.

– Даже не сомневайтесь, – заверила Петровича секретарь. – Дарственная ваша подлинная, так что идите и ничего не бойтесь.

Петрович спрятал бумагу в карман, но не уходил, а стал как-то странно топтаться на одном месте, а потом все-таки решился и тихо спросил:

– Скажите, а как эта моя, то есть доверенность моей покойной жены, появилась у судьи ну из-под там… из под мантии?

– А откуда ей, по-вашему, надо было появиться? – вопросом на вопрос ответила секретарь. – Откуда дети рождаются, оттуда и доверенность появилась. А что вас не устраивает? – секретарь вдруг рассердилась. – Идите уже, гражданин Судейкин. Без вас тут голова кругом идет. Хотя постойте… прежде чем уйти – улыбнитесь, пожалуйста, – попросила секретарь. – Мне в моем положении надо, чтоб чаще улыбались, – она положила руки на свой живот и посмотрела на Петровича с добротой и нежностью.

Пенсионер помимо своей воли изобразил на лице что-то похожее на прокисший салат оливье и тут же издал через носовую ноздрю малинового тембра звук ля, по которому можно было взять и настраивать скрипку.

Эвелина Шац

Путешествие в Таганрог, или В поисках героя

Были и есть люди, объединяющие культуры разных стран. Жуковский и Гнедич открыли русскому читателю Гомера; Толстой, Достоевский, Чехов открыли миру Россию – не сами, их переводы на многие языки мира. А Набоков писал и по-русски, и по-английски. Одинаково свободно. Подобную попытку предпринял Иосиф Бродский. Но это все уже в прошлом. Но и сегодня есть поэт, прозаик, искусствовед, художник Эвелина Шац, которая заняла значимое место и в итальянской, и в русской культуре.

Эвелина Шац родилась в Одессе в 1938 году. В 1957-м поступила в Московский университет на отделение истории искусства. А в 1960 году, выйдя замуж за итальянца, уехала в Милан. За эти 54 года она написала сотни статей по-итальянски и по-русски, консультировала театр «Ла Скала», дружила с Юрием Любимовым, и Лилей Брик, с Юрием Нагибиным и Сергеем Параджановым. И все это выливалось в прозу, в стихи, в книги на итальянском и на русском.

Роман, который мы предлагаем читателю, посвящен замечательному московскому драматургу и поэту Виктору Коркия.

Евгений Голубовский

Виктору Коркия посвящается этот метароман в эпоху необарокко

Гермес Марана мечтал о литературе,
целиком состоящей из апокрифов,
ложных посылов, подделок и подлогов,
мешанины и путаницы.

Итало Кальвино

Фрагментарна память,
фрагментарны мысли и чувства,
сама жизнь человека – всего лишь
незавершенный фрагмент его души,
блуждающей в Вечности
Виктор Коркия

Предупреждаю: любая краткость
подразумевает неточность в деталях.
А может быть, наоборот?
Полагает средоточие деталей? Вам решать.
Эвелина Шац

Фрагмент № 0

Держи мой одуванчик – я уехал в Таганрог

Фрагмент № 1

Нет, не желтая роза из старого стихотворения, а… одуванчик! Среди макулатуры, дорожных чемоданов и сундуков. Отъезд. Из ниоткуда в никуда. Желтый золотой светильник надежды в *ниоткуде*, он серебрится, в *никуде*, прекрасный Taraxacum, неисцелимо затихая в сером мире дождя. Да-да, какой-нибудь новый стишок. О любимых китайцах, что питаются и лечатся одуванчиками. Впрочем, и наши первые поселенцы в Америке тоже. Вот только не знаю, ели ли одуванчики мои предки в Филадельфии. Я в Одессе – ела. Хотя нет, сначала это было в Уфе. С голоду. Вот там я и сказала впервые *Подержи мой одуванчик, я уехала в Москву.*

Фрагмент № 2

На углу торгуют вином из одуванчиков, сказал, пробегая мимо, один поэт. Он бежал и пел: *Меня сочтут обманщиком, Да только я не лгу? Вином из одуванчиков торгуют на углу.* Я побежала за ним.

Нет, я не пела. А он отнюдь не был обманщиком. Но очередь была слишком длинная.

Где это случилось? Да в Таганроге!

Фрагмент № 3

Из письма Аленки, которая напоминает, что рассказ стоит вот уже два года

«А в Таганроге нынче ле-е-е-то! А на заборах виснут ви-и-и-шни!
Мужчины все с горящим взгля-я-дом и в длинных шелковых носках.
Они читают Бодрийяра, едят всегда ножом и вилкой,
уместно виртуозно шутят и носят женщин на руках.

Увелитка! Это я проездом из Таганрога на дачу

А в чеховской библиотеке сидит (один!) самый кипящий,
изгрыз на нервной почве ручку и перепачкал формуляр.
Все пишет Эваэваэва в аду любви неразделенной,
ему не помогает водка, массаж и даже Бодрийяр.

Не мучайте мужчину, леди! Ломаться ледям не пристало!
Год тянете свою резину, не покидаете Милан.
За это время на дрезине добраться из Мытищ уж можно
до Таганрога. Берегитесь! Так и сойдет на нет РОМАН!

Ты ответственна перед мировым сообществом за доставку себя в Москву через Таганрог осенью. Аленка»

Фрагмент № 4

22 декабря 200…

Наконец-то написана первая строчка*:*

Он хотел завернуть огонь в бумагу…Сгорела я. И уехала в Таганрог.

Или так.

Я прочла в Интернете:

Китайская голая хохлатая собачка продается в Таганроге.

Я поехала в Таганрог

Воображаемое гораздо важнее осуществления, говорит *революционист* Жиль Делёз. Но я действительно оказалась в поезде Москва – Таганрог. Действительно? Что значит действительность? Известно, что когда Гегелю сказали, что некоторые его построения не соответствуют действительности, он холодно заметил: «Тем хуже для действительности». Почти как одессит. Вот классическая аутистическая установка. Но об этом дальше.

В действительности все было не так.

А как?

Все осталось позади. И что же это значит?

То, что все, что произошло, сопровождает тебя дальше по жизни, а значит, суть будущего, а настоящего – заноза. Но для этого Прошлому надо дать случиться. Ибо ничего не происходит естественно, но случается.

Фрагмент № 4 или 5

В действительности роман случился, начиная с этого стихотворения, которое так и называется *БОЖИЙ ОДУВАНЧИК*

Да будут вечно на пути
Мыльные пузыри!
Кто он? Как Чехов или
Дон Кихот Оксаны,
Он из Таганрога
Божий одуванчик.
Разбил мне сердце,
Выбил зубы, вынул душу
И говорит:
Смотри, не простудись.

Фрагмент № 5

Письмо Эвелины Аленке

«Я, как и Бродский, училась у Борхеса и Набокова не писать, а читать. Я любила.

Любила отчаянно, боялась конца. А все было давно уже кончено. Я ведь там, в Таганроге, встречаю другого, помнишь? Вот и тянула. Не могла же я написать этот рассказ, когда у меня в жизни сама история не находит конца. И я не готова к следующей. Пошел тринадцатый год. И история моя давно стала воображаемой. Но разве не все в жизни воображаемо? Абстрактное полотно тоже изображает реалии, реалии подсознания, реалии воображения».

Фрагмент № 6

Ах, вернисаж, Ах, Таганрог! И лучше выдумать не мог… Ля-ля, ля-ля! Траля, ля-ля… пропела в ответ Аленка.

Фрагмент № 7

…А пока заметки для *Таганрога* начали абсурдно вываливаться из папок с файлами, как старухи из окна в рассказе Хармса.

Держи мой одуванчик. Я поехал в Таганрог!

Фрагмент № 8

Сначала я хотела поплыть на пароходе из Одессы.

Пассажирские рейсы до Керчи начинались в мае. Но от Керчи до Таганрога до начала сезона шли лишь редкие грузовые суда. Они выпадали из Керченской бухты, как из раскачавшейся старой люльки. Скорее это были простенькие пароходики, и они нехотя тащились в Таганрог. Время здесь давно остановилось.[*] По Азову, только по Азову, плавали до сих пор ветхие плоскодонные баржи, которые описывает в 1920 г. Осип Мандельштам в *Возвращении*.

Да, так сначала я хотела поплыть на пароходе из Одессы…

Но передумала и вернулась в Москву, а оттуда поездом – в Таганрог.

Расписание поездов с Курского вокзала:

---

* Кажется, это из Улицкой.

16.51 Москва – Адлер
21.30 Москва – Кисловодск
Где-то пересадка.
Итак.
Он хотел завернуть огонь в бумагу... Сгорела я. И уехала в Таганрог.
К несовпадениям следует привыкать, не обижаясь на судьбу.

Фрагмент № 9

Вам никогда не казалось, что все вокзалы пахнут одинаково? Но чем? Нечто противоположное запаху Гранд-отеля. Пока я подыскиваю слова, могу заметить одно. Это запах расставания. Кто сказал, что от себя не убежишь? Вранье. Вот из ЖЖ молодого человека. «Запросто можно выбыть. Глухо пить водку с корешами по купе. Закусывать классической холодной поездной курицей. (Я ее поглощала в шесть лет в самолете Таганрог – Москва). Потешаться над знакомыми до зубовной боли анекдотами. И рассеяно слушать замызганные попутческие истории под звяканье ложечки в подстаканнике. Смирно смотреть, как зажигаются вдали огни и... вечер норовит догнать поезд. Тщательно расстилать простынку на полке и до опупения драить зубы перед сном. А самое клевое – быть при этом абсолютно при кайфе. Ибо путь из точки А в точку Б может быть до конца прикольным. Странные ощущения, когда просыпаешься на подъезде к такому месту как Таганрог, а потом выдвигаешься на перрон пердового вокзала и прям сразу хочется прописать СМС всем знакомым «бля, я в Таганроге». Пердь несусветная».

Почти как у Чехова: «Был я в Таганроге – тоска смертная». (*1896 г. 23 августа – 1 день в Таганроге.*)

Фрагмент № 10

Чего это ради она двинулась в Таганрог? Хотела посмотреть на родину героя Коркия?

Послушалась Осла?

Я понял: Таганрог есть Пуп Земли

И дальше там же:

Но ты, Сократ, ты должен мне помочь.
Мне нужно поселиться в Таганроге

Где-то же должен быть рай, в конце концов? Ведь говорит же Михайлик, что он везде и нигде. И потом, мы уже говорили, ничего не происходит естественно, но случается. А случается, потому что фатум, что гнетет нас, есть лень нашего духа.

Не поленилась и поехала.

А пока я ехала в поезде и думала. Колеса стучали, как в литературе, где ходят поезда. Помните мой рассказ *Поезда моей жизни*? Под стук колес я набросала схему повествования или, вернее, анатомии любви.

Может быть, только затем я и ехала в Таганрог.

Фрагмент № 11

Планету земля охватывают два миллиона кишмя кишащих железнодорожных километров. В России же железные дороги составляют почти полмиллиона километров. Водные пути сообщения составляют 85 тыс. км. Может быть, я выбрала железную дорогу из-за значительности километража?

Но скорее другое.

В журнале «Современник» Пушкин писал: «Я просил князя Козловского дать мне статьи о теории паровых машин, теперь, когда Герстнер заканчивает свою чугунную дорогу между столицей и Царским Селом, всем нам «нужно понять и усвоить великое изобретение, которому принадлежит будущее».

Я часто нахожусь под влиянием Пушкина.

И моего ученого Героя тоже.

Фрагмент № 12

Что больше могла я сделать для него, чем встретить его?

Фрагмент № 13

У самого синего моря*

он не принадлежал никому, он не принадлежал мне, ни тогда в Костроме, ни-когда в Милане, ни тем более в Москве, когда плохо уже помнилась Кострома, где дрожь проникала в конечности и в зубы – они стучали джазовым стаккато о предметы металлической столовой утвари – или когда – еще хуже – помнилось, как кружилась голова в Обоянске, и обои были подвижны и текучи, и весь окружающий меня китч – интерьер из советского кино – хороводил в голове и вокруг королевской льняной постели, такой не было даже в замках Висконти и Дурини, ни в охотничьих усадьбах Босси Пуччи и Сфорца – она стояла, как плот в открытом море морей, а голова между ног творила вензеля и арабески в моей неутолимой плоти, и птичий крик рвался из окна, он отрывался от моего тела и, отстраняясь, лежал отчужденно и одиноко под балдахином, как вещь, а ***он*** записывал мои стихи… как мы смеялись по утрам всему на свете, о-о, как умно мы смеялись, всему на свете, ***он*** погладил мне платье – хорошо бы сохранить его для последнего в мире путешествия – а пока в этих киноинтерьерах, как всегда, что-то ломалось, рвались трубы краны провода – тогда он натаскал бесконечное количество ведер воды – я могла уплыть по этой воде в будущее, в Милан к другому – нет! нет! уже поздно! – я могла плыть себе и плыть – кто меня остановит – до самого синего моря

Фрагмент № 14

Прошло время. Помню ли я еще своего Героя?

Его неумение любить было простым недостатком культуры, его нежелание – женоненавистничеством, мизантропия соответствовала его недовольству миром, когда это не было глубоким не-интересом к нему. Мир его пугал, но еще более – его несоответствие ему.

Вот почему хотел он завернуть огонь в бумагу…

---

* Всегда встречается разбитое корыто.

Вырос ***он*** в городе, который перечеркнул свою историю, став внеисторическим, лишенный физиологии, он будто бы приснился сам себе, безотносительно, в желаемой посредственности. Вот эта безотносительность делала этот город щемяще нечеловеческим, превращая жителей в прохожих пришельцев. Из книг моих, а их было семь, число таинств, герой их вышел не таким, каким вошел в сознание. Посредственность ему больше не давалась. А мне не давалось обновление сюжета. Шли и шли новые стихи или старые на новом витке. Я не линейно развивалась, а объемно разветвлялась. Темы все те же. А взгляд – другой. В каждой книге все то же, и все иначе или по-другому увиденное.

Я любила ***его*** за непредсказуемость нашего общего будущего. Когда ***он*** стал разводиться со мной, сначала неожиданно, а потом как бюрократическая заевшая пластинка, превращая в застывший знак советской метафизики очередное настоящее, я разочарованно сникла. Но не желала сдаваться превращению биографии в сюжет. Будущее стало предсказуемым. Его не было. Все повторялось. Я продолжала жить неповторимостью. Логика искусственного порядка моего друга чуть не убила меня, превращая в образ живую женскую плоть. ***Он*** обезбожил мир, и хаос мой лишил и цели, и надежды, и счастья, все застыло в неодушевленной перспективе. ***Его*** молодецкое *здесь и сейчас* – Карнеги&сон – творческим актом стихоплетения я возвращала/обращала лицом к вечному. Там – смиренное недеяние.

Фрагмент № 15

Но может быть, Любовники, больные ностальгией, обладают таинственным счастьем?

Фрагмент № 16

Каждая моя книга-поэма – кристаллографическая фигура – тело единой бесконечной строфы, стремящейся к максимальной рассказности вкратце, где поэтическое слово – своего рода иероглиф, барочный знак лаконичности. И именно читатель, редкий

читатель превращает его (слово) – в плоть. Стихи же – предметы *свернутой* – Дэвид Бом – реальности, вневременной протореальности, возникающие в результате озарения: голографические натюрморты *в пейзаже* развернутого мира, на поверхности мироздания (плод работы познания).

Что, непонятно? Вот так и представляется, наверное, пример *барочного знака лаконичности*. И что же проза поэта? Другая. Он и в прозе не прозаик. Все срывается на стихи.

Фрагмент № 17

Хаос – зерно мира, творящая пустота Пригожина, из которой растет космос.

Чтобы выжить, ***он*** придумал себе маленький мир еще одного Вини-Пуха. Анонимность попытка неуязвимости. Страх перед настоящим. Беспреградное скольжение в неодушевленное завтра.

Ты роскошь отсутствия смыслов
Глухомань
Весь века абсурд – в тебе
А любовь моя стала трактатом
о веке, абсурде, семье
Баньян

Так на пороге фраз остаются обломки крушения невысказанного.

Странное имя дерева – баньян.

Фрагмент № 18

А при чем здесь Обоянь? Так я там родилась. И после целой жизни отсутствия встретила ***его*** именно там, в городке неподалеку от Таганрога. Сам-то ***он*** из Кимров или Мытищ, или даже из Обоянска.

Во-первых, не Обоянск, а Обоянь. Затем, когда я прочла историю города, то мне расхотелось там родиться.

Судите сами.

Где-то в 17 веке упоминается река Баянь. Так называлась местность (*татаро-монг. bajan богатый*); в более позднем документе – Обоянь: появилась русская приставка О-, означающая *вокруг, около*. Значит, река, текущая по богатой местности. Вот и все богатство с той поры. Построили город. Вся история – история названия. Он был даже Обоянском одно время. Кроме герба, ничего интересного.

В золотом щите черный хорек. В вольной части – герб Курской губернии. Щит венчает серебряная корона, вокруг золотые колосья, соединенные Александровской лентой.

Интересен хорек… Он черный-черный, чернее обычного лесного (черного) хорька. Напоминает альбиноса (степной хорек) в картине Леонардо «Дама с горностаем». Он тоже длинный и не очень пушистый. И вовсе не горностай, а хорек. Почему *с горностаем*, никто не знает. И я ничего не знаю про горностаев. Кроме того, что они белые и ласковые. Это уже история.

Но тогда где я, по-вашему, родилась?

Как я говорила, должен же где-то существовать парадиз. Мое спасение в оптимизме. Оптимизм как форма сопротивления.

Фрагмент № 19

Интересно, что у Коркия Таганрог – остров. Остров, затерянный среди эпох, революций, войн. Это сказал Коркия или Паустовский? Или я сама? Я люблю острова. Несмотря на *poena insularis* (наказание островом). Странно, что на острова ссылают. Впрочем – это место одиночества *per eccellenza*. Но и парадизы обычно размещаются на островах. Остров нашей мечты – это рай. Остров-сад. Здесь таится бессмертие, не движется время. Остров-Крым. Остров Понца.

А вот Хлебников, помните?

Вообще, будетляне должны основать остров и оттуда диктовать условия. Мы будем соединяться с материком посредством аэропланов, как птицы. Станем прилетать весной и выводить разные идеи, а осенью улетать к себе.

Ах, эти мои неповторимые поэты!

Фрагмент № 20

Обоянь как остров. Обоянь как Обломовка. ***Он*** – Обломов. Я – Штольц. Мы сумасшедше любим друг друга.

Он трагически боится потерять уникальность своей личности, слиться с *другим*. ***Он*** не из Парижа, и даже не из Милана. ***Он*** из Обоянска. Кстати, я тоже. Хотела быть. Его мучает мистический ужас – потерять себя в толпе. Пусть в толпе Эв. Про толпу Эв очень здорово написала Аленка.

> Жила-была Эва. Она родилась в Одессе, поэтому ее было так много внутри, что когда она выходила из себя, образовывалась целая толпа. Все вышедшие Эвы тут же принимались читать стихи и беседовать друг с другом об искусстве. У Эвы был рыцарь. Он не умел выходить из себя толпой и очень терялся, пытаясь одновременно ухаживать за каждой Эвой в отдельности. При этом терялся рыцарь настолько самозабвенно, что порой вся толпа вынуждена была его долго искать.

Мир, как всегда, требует от человека быть не полноценной личностью, а только частью ее – мужем, любовником, деятелем и, наконец, героем. И Штольцу, то есть мне, тут возразить непросто.

Мой герой живет в своей архаической идиллии, пока мир гудит освоением техносферы, и некоторые Эвы множатся, как современные галактики. ***Он*** постепенно погружается в вечность моих поэм, где настоящее и прошлое спуталось, размешалось, а будущее ***его*** не волнует. Подлинный смысл ***его*** жизни – не гнаться за Штольцем (то есть за мной, неутомимой, за толпой меня) в попытке стать современным, приобщиться к окружающему пейзажу постмодерна. Избегая движения времени, он живет в своем, независимо сотворенном времени. Он заблудился в своих интенциях – подавить, сдержать время, окаменеть в безотносительном бытии собственного интерьера. Достигая тем самым того самого эроса, другим концом которого является неизбежный сладко пьющий живую кровь Танатос, о котором ***он*** ничего не знает. И знать не собирается. Уроки психологии оказываются в том самом будущем, которое его не должно касаться.

Обломов:

Слава – Эрос – Танатос-упырь
тщеславие
слава и состязания – цирк
ах, какой я не чемпион

Штольц:

ах, какой я не чемпион
настоящая слава –
разделенная любовь
а значит бег с препятствиями
но я предстаю сегодня
облысевшим двугорбым
верблюдом-поэтом
вот и все лавры
niente gloria

Обломов:

разделенная любовь –
единственная слава
но…

Так кто же из нас все-таки поэт?

Фрагмент № 21

Всем Эвам найду псевдонимы. Мужчинам станет легче общаться с каждой в отдельности.

А я?

Даже за час до смерти не поздно начать новую жизнь.

Фрагмент № 22

Смерть наступала часто. Я каждый раз начинала сначала, обтекая мраморную поверхность моего любимого. ***Он*** не хотел быть даже любимым. ***Он*** – просто человек. Однако хотел себя довести до совершенства трупа. ***Он*** действовал с умом в этом направлении. Но упал и сломал ногу. Addio совершенство? Парадоксально, ***он*** оказывается мертвым среди живых. Неким постулатом самости.

Его завершенность, законченность, одинокая самодостаточность – это совершенство, когда о совершенстве может идти речь, трупа.

В этом этическое и эстетическая привлекательность ***его***. Трагический парадокс? О него разбивались волны бушующего огня моей неразрешенной, а потому навязчивой любви. ***Он*** не совмещался с миром, а значит, и со мной. Я жила в мире, ***он*** жил на границе, где не было ни жизни, ни смерти. Может быть, настоящим мечтателем был ***он***, мое мраморное изваяние, мой памятник при жизни, без которого я и жить уже не могла? В то время как ***его*** единственная мечта – Обоянск. Но сейчас я еду уже не к нему.

Время для него было как нефть для мировых предпринимателей – неисчерпаемо. Оно было заключено в стеклянную, а порой в резиновую скорлупу одиночества. Редкие бессодержательные связи в мире, который ***его*** не знал или не понимал. Может быть, вообще никто никого не понимает, и мир просто распадается? В центре распада ***он*** стоял как обелиск железобетонной свободы. Тяжкое она бремя. Но ***он*** не старался от него избавиться. Вся ***его*** энергия заключалась именно в свернутости структур, способных перерасти границы жизнеподобия.

Фрагмент № 23

И если сад – символ соборности, он – сам себе собор. Я там молилась. Я поливала его своей надеждой, хлещущей чувственной влагой, постоянной болью истощения надежд, в конце концов, кровью. Этот сад – вместилище моего мазохизма. ***Его*** (героя) садизм был не что иное, как природное варварство. Ничего персонального.

Фрагмент № 24

Дом – это судьба. Я ехала за наследством. Получать завещанный дом.

Фрагмент № 25

Тетин домик со старорежимной мебелью был настоящей сокровищницей: старые книги, пыльные подшивки журнала «Нива»,

литературные приложения к этому некогда славному журналу и другие бесценные вещи. Ни в одной библиотеке невозможно было подступиться к такому разнообразию. В бедной голове, впрочем, как и сейчас, образовалась чудовищная мешанина из Джейн Остин и Жорж Санд, Гашека и Ирасека, Вернера и Марлит, бульварных романов начала века, русской классики, трудов по истории и так далее.

Все это у самого синего моря.

Фрагмент № 26

Он совершал преступление против экономики, разорвав отношения с заведенным порядком вещей. Афазия Обломова и аутизм Бартлеби. Человек в футляре вылупился из футляра и поднял бунт, подобно Бартлеби, что сидит сложа руки в уоллстритской конторе, повторяя: *Я предпочел бы* НЕ (Я предпочел бы этого не делать). Как в тех вестернах – одинокий изгой – десперадо. На этот раз история не требует трагической развязки. Никому ни до кого нет дела. Бунт оказывается бесплодным. ***Он*** уже! *человек без качеств*. Но вспомните, что имел в виду Музил.

Я любила ***его*** за жестокую стойкость. Вот она – ослепительная ясность пафоса. На алтарь фаллоса отказа я возложила венок всех своих талантов. Я восхищалась им.

О, Бартлеби
молчания фигура
он истины не ищет
он обновления не ждет
бежит он встречного движенья
в нем немость тихая
молчание на дне зрачков
А было ли о чем молчать?
я пленку попробую не заряжать
футлярности портрета пока не делать
искусство – оно первично
жизнь – вторична
но жизнь ***его*** – не жизнь
так значит ли, что
и она – искусство?

Фрагмент № 27

Иду мимо МХАТа. Вижу вывеску, очень приятную, будто антикварную,

«Чай, кофе и другие колониальные товары». Конечно, захожу. Покупаю крохотные пакетики с драгоценным чаем разных сортов, белые и зеленые чаи, желтый, красный, синий или фиолетовый – улуны (оолонги). Черный я не люблю. Трачу безумные для меня деньги. Думаю о собственной шизоидности, но успокаиваюсь тем, что вывеска может быть настоящая *чеховская*, перекочевавшая во времени с юга на север. Ведь юный Антон подрабатывал у отца именно в лавке под такой вывеской. В Таганроге.

Фрагмент № 28

Где-то я вычитала, что весь XX век может быть назван шизоидной эпохой. Кажется, все сколько бы ни было фундаментальные открытия в науке и философии, все важнейшие художественные направления носят шизоидный характер: это и философия, и квантовая механика, и теория относительности, и психоанализ, и кино, и структурная лингвистика вместе с семиотикой и математической логикой, и многое другое, шизоидный характер присущ экспрессионизму, символизму, новому роману, постструктурализму, постмодернизму. Почти все великие художественные произведения XX в. аутистичны: *Доктор Фаустус* Манна, *Улисс* Джойса, *В поисках утраченного времени* Пруста, *Человек без качеств* Музиля, Кафка, Пессоа, Набоков, Платонов… То же самое в музыке: Бузони и Кульбин, Шёнберг и Варез, Булез и Штокгаузен, Ноно и Мадерна, Берио и Кастильони… XX век в воронке аутистического мышления. А существует ли она, реальность, как таковая?

Постмодернизм что и аутистическое мышление – отказ от целостного восприятия мира.

Интересно, что китайцы аутистичны, но не шизоидны. Надо об этом подумать.

Фрагмент № 29

Попытки медикаментозными методами и наказаниями из каких-то идеологических и прочих соображений искорежить склад личности бессмысленны и вредны. Человеку следует давать возможность выбора или поручать то, к чему он пригоден по своей сути.

Я не могла ему поручить любовь к себе.

Фрагмент № 30

В купе, напротив меня, – длинноногий молодой человек лет двадцати пяти, наверное, неправильно высокий. От этого голова кажется маленькой, лицо мальчишеское, а глаз смотрит пронзительно на грани извращения. Театральная элегантность и рафинированная фешенебельность делает его изгоем в этом далеком от мира поезде. Ну, да, разумеется, он едет на чеховский фестиваль. Понятно, человек театра. Глаз блестит восхищением. Я благодарно отвечаю, ненастойчиво, но заинтересованно. В этой оптической перестрелке приобретает свое достоинство неистребимое барокко. Смущенно ощущаю, как его присутствие отвлекает меня от постоянства чувств, посвященных Герою.

Продолжение следует

Милан

Сергей Четверухин

Достопримечательности

Варя Млинарич не была миллионершей. И семья ее не принадлежала к числу городской знати. Романтический союз стоматолога и городского чиновника сумел построить для дочери низкий фундамент самостоятельной жизни – однокомнатную квартиру на втором этаже блочного дома по проспекту Шевченко. И родственников из числа американской буржуазии Варя не имела. Ей вообще в жизни не хватало родных людей. Хотя круг общения ее был чрезвычайно широк. Каждый день к Варе Млинарич приходили незнакомые люди и просили у нее деньги. Эти люди не выглядели как вокзальные попрошайки, от которых тянет мазутом и прокисшим алкоголем. Некоторые просители благоухали дорогим парфюмом. Они были прилично одеты и производили впечатление начитанных знатоков чего-то, что в лекциях для дошкольников обобщается одним словом – Прекрасное. Короче, они были культурны. На двери, за которой Варя проводила значительную часть своего рабочего дня, тоже темнела древняя табличка из пластика со словом «культура». Городской комитет управления культурой, так называлось это учреждение.

Городской комитет управления культурой! Порой Варя сама вздрагивала от нелепости этого словосочетания. Что за анахронизм? Кульбит в каменный век! Каждый школьник знает, что культура больше не управляема. Ее можно только поддерживать, подставлять ей жилетку для влажных жалоб и утирать платком протекший нос. Зачем это надо и кому – загадка сфинкса. Но, как дождь, снег, роды, коррупция и многие явления в жизни, это существует без нашего ведома и – все.

Варя, будучи девушкой современной, часто задавалась вопросом, на что она тратит свои молодые годы. Каждый день, проведенный в комитете, казался ей слишком длинным, неуклюжим, непохожим на радостный вдох, о котором она что-то читала в стихах романтиков прошлого. Но, во-первых, после окончания филфака идти на работу в школу совсем не хотелось. Украинский язык она не любила и преподавать его не хотела. Во-вторых, повлиял папа. Папа Вари уже двадцать лет служил заместителем директора комитета по управлению культурой. Нет, они никогда не обсуждали вечерами на кухне династийную преемственность, но какой из отцов, насидев теплое местечко, не поделится насестом с любимой дочерью? И, наконец, в-третьих. Варя любила и надеялась. Любила она Одессу, свой родной город. Любила его в блеске архитектурных шедевров и шедевров кулинарных, любила ореол южной столицы, который всходил над городом каждый курортный сезон. И просто так, дворики, скамейки, платаны, чугунные оградки и лениво перелезающих через них кошек – любила. А еще она любила его язвы – руины и помойки, обветшалые фасады аристократичных особняков, чудом держащиеся на высоте балконы, неприглядности и нелепости, любила их, как прокаженного родственника, которого необходимо вылечить и выходить. Варя надеялась, что однажды ей представится случай что-нибудь сделать для Одессы. И она ни за что его не упустит. Но для этого надо каждый день погружать себя в унылую рабочую рутину и не терять бдительность. Надо быть настороже, чтобы разглядеть этот случай, когда он вдруг явится – суетно, неожиданно и внезапно.

День, когда Варе Млинарич показалось, что ее надеждам вот-вот суждено сбыться, она начала, как обычно с отказов. Ребята из самодеятельного театра эксцентрики пришли просить деньги. Сами они называли себя гордо: арт-группировка «Варенье».

– Почему «Варенье»? – строго сдвинула брови Варя, чтобы хоть немного сделать похожим на разговор короткий обмен репликами, исход которого был известен ей заранее.

– Потому что как театр мы вышли из музыкальной группы Jam, – Зорик, самый рьяный из посетителей, облокотился на стол. – Нам необходима финансовая помощь.

– Поймите, бюджеты у нас крошечные. Они распределены еще в конце прошлого года среди заслуженных коллективов. Ансамбль народного танца, трио бандуристов, фокусники. Ребята, увы… – Варя привычно развела руками. У нее действительно не было свободных денег. Вдобавок ей не понравился агрессивно облокотившийся на стол Зорик. «Пижон», – определила она его для себя. Из тех типов, что нарочно доводят девушку до того, что она от души начинает шипеть: «Ну ты и сволочь!». И все для того, чтобы затем встать в плейбойскую позу и самодовольно отчеканить: «Еще какая!».

– Как же так?! – возмутились молодые актеры-эксцентрики. – Сколько можно жить прошлым?! Городу нужны новые имена! Бренды! Новые «Маски-шоу» нужны Одессе! Помогите! Нам всего-то – арендовать съемочное оборудование, отснять несколько сценок, а там – найдутся меценаты, телевидение подтянется. Заживем!

– А откуда такая уверенность, что новые «Маски-шоу» – именно вы? – Млинарич провокационно прищурилась. – Каждый может кричать, что он – гений. Предъявите доказательства!

– Вот вам доказательства! – Зорик стукнул по столу ноутбуком. – Бюрократы неверующие!

Он быстро отыскал нужный ролик в ютьюбе. Перед Варей развернулось уличное представление сродни тому, что ежедневно происходит на Привозе или на Новом Базаре.

– Купите святую землю! Купите землю! – приставали к прохожим на экране странные персонажи в вычурных одеждах.

– Паломники мы! – голосила древняя старуха в лохмотьях, раскорячившись на полтротуара, закручивая вихри широким подолом. – Землицу привезли из Ерусалима!

– Любопытно! – сказала Варя, досмотрев минутное видео. – Но неоднозначно. Стеб, постмодерн, провокация, издевательство над согражданами, наконец… Не вчерашний ли это день в искусстве? Хочется чего-то нового…

– Чего изволите? – саркастически скривился Зорик.

– Искренности, например.

– Смешно ведь… – нерешительно вставила Рая, одна из двух девушек в коллективе.

– А катарсис где? Смешно уже мало. Надо, чтобы смешно, а потом – в слезы, и прозрение чтобы под конец, чтобы – очищение, понимаете?

– Не читайте нам учебник! – буркнул насупившийся Зорик. – Не хотите денег дать, так и скажите!

– Да не могу я, ребята… – Варя вздохнула. – А старуха у вас яркая. Ты играла? – она посмотрела на Раю.

– Он, – Рая кивнула на Зорика.

– Ты?! Старуху?! Гениально… почти. – Варя не сдержалась, на секунду окунув Зорика в масляный от нахлынувшей влюбленности взгляд. Тут же смутилась и решила слегка охладить молодого актера. – Простите, как вас зовут?

– Зорик. Я ведь уже представлялся.

– Хороший ты актер, Зорик. Но… Простите, ребята, денег не дам. Ну нет у меня для вас денег.

А ближе к вечеру Варя Млинарич приняла звонок из Москвы. Звонили из офиса одного телевизионного канала, входящего в государственный холдинг, и потому имевшего возможность вальяжно не задумываться о рейтингах. Звонкоголосая девушка, редактор программы о путешествиях, деловитой скороговоркой выложила Варе информацию о своей передаче и попросила содействовать в одесских съемках.

– Вообще-то, мы все про ваш город знаем. Дюк там, лестница, дом с одной стеной, Привоз, Аркадия, что у вас еще… – редакторша на секунду замолчала, переводя дыхание, и Варя воспользовалась паузой.

– Вам чего-нибудь особенного хочется, так ведь?

– Точно! Важно отойти от туристических проспектов, избежать банальностей, отвлечься от образа, известного всем. Изюм нам нужен. Понимаете?

– Понимаю. Как же без изюма? – Варе вдруг послышались в собственном голосе тягучие «московские» интонации, почти такие, как у девушки-редакторши. Она внутренне одернулась – негоже одесситке-филологу так стелиться перед иностранцами.

– Ну? Поможете? – девушка на том конце куда-то торопилась, как все москвички.

– Поможем, – пообещала Варя. – С изюмом у нас порядок. Новые клубы, дворик искусств на Пушкинской, баня на Молдаванке, в которой убили последнего криминального авторитета…

– Не то, не то все… Было, было, и это тоже было… – эхом отзывалась редакторша.

– …Пляж на Ланжероне, где пел юный Ободзинский, а его друзья шмонали карманы слушателей, Бутылочный Скрипач, Актриса, Америка Заметает…

– Стоп! – резкий окрик на том конце прервал убаюкивающий ритм. – Скрипач? Америка? Заметает? Что это? Новые памятники?

– Это не что, а кто, – Варя приободрилась. С детства ее любимым занятием было рассказывать многочисленным приезжим родственникам и просто туристам о том, что в Одессе есть, а нигде больше – нет. Она с рождения вместе с морским воздухом впитала, что живет в особенном городе, а все жители других городов земли втайне ей завидуют и мечтают стать одесситами. Пока этот горделивый зуд был главной компенсацией за унылые часы, проведенные молодой девушкой в скучных конторских стенах.

– Это наши, так сказать, городские сумасшедшие. Да вы не пугайтесь, они только так называются. Милые пожилые люди, абсолютно безобидные. Зато – колоритные. Я лично считаю, в этих чудаках – душа города. Читали мемуары Утесова? Он там описывает одного. С восторгом, между прочим. Вот, слушайте! – и Варя по памяти прочла абзац из книги Утесова «Моя Одесса»: «…Одесский городской голова – не голова. Городской сумасшедший Марьяшес – голова. Марьяшеса знают все. Он своеобразная гордость Одессы – высокий человек с надменно поднятой головой».

Потом Варя еще что-то говорила горячо и убедительно. Достоинство никто не отменял, но и впечатление произвести хотелось. Наконец редакторша перебила ее:

– Убедили. Годится. Снимаем ваших городских сумасшедших. Организуете их?

– Обязательно организуем, – Варя с трудом сдерживала радость. – Они управляемые, послушные, никто не откажется.

– Я в вас верю, Варвара! – голос редакторши в трубке зазвучал доверительно. – Вы не беспокойтесь, мы ваши услуги оплатим. По ставке администратора, допустим, – редакторша выдержала паузу,

и не услышав возражений, продолжила: – Съемочная группа прилетит послезавтра. Ведущий Федор Фирсов и два оператора. Остановятся в отеле «Фраполли» на Дерибасовской. На съемки у них выделены два полных световых дня. Я вас очень прошу, не подведите!

– Не подведу! – мысленно Варя вскинула руку в скаутском салюте.

Весь следующий день она разыскивала по городу обещанные москвичам достопримечательности. Четыре раза проехала на трамваях от Соборной площади до улицы Пантелеймоновской. Именно на этом маршруте чаще всего появлялась «Америка», забавная старушка, которая обстоятельно рассказывала пассажирам городского транспорта о том, что «Америка заметает следы…», призывала: «Люди, объединяйтесь!». Сколько раз еще студенткой Варя, прыгнув в трамвай, чтобы проехать пару остановок от института до кафе «Бублик», подвергалась атаке активной старушенции.

«Послушайте! Никогда не верьте Америке!» – грозила костлявым пальцем та, чьего имени никто не знал, потому что никто никогда и не спрашивал, как ее зовут. Варя зашла в трамвай в пятый раз, но снова не встретила никого, похожего на колоритную старуху.

По Екатерининской улице Варя бродила вверх и вниз, от площади до перекрестка с Большой Арнаутской, расспрашивая дворников, толстых усатых торговок семечками, людей со складными сидениями, что пополняли желающим телефонные счета, – когда в последний раз видели они Бутылочного Скрипача? Кто-то махал на девушку руками, кто-то пожимал плечами устало и корчил недоуменную гримасу. Одна тетка в ватнике и перчатках с отрезанными кончиками пальцев сказала, что в последний раз видела Скрипача два месяца назад, и было это на Ланжероне, и не играл уже он куском арматуры на пустой бутылке, а только прислушивался к чужому свисту и улыбался беззубо, но строго и торжественно, как прежде.

Стемнело, Одесса затихла, схлынули прохожие. Впервые улицы родного города показались Варе Млинарич неуютными

и пустыми. Вернувшись домой, она наспех проглотила тарелку куриного бульона и уселась с телефоном под зеленым абажуром настольной лампы. Уставшая и оглохшая, Варя принялась обзванивать знакомых. Вдруг выяснилось, что никто, совсем никто – от девчонок-однокурсниц до двоюродного дедушки соседки Фимы Якова Моисеевича Крейсера – давно уже не видел ни одного из тех чудаков, которых Варя отрекомендовала редакторше из Москвы душой города. Боря-Тряпочка, Яник-Сделай-Паровозик, Актриса, Пляжный Баянист, все они будто сговорились и разом эмигрировали из Одессы. Или отбыли в долгий гастрольный тур. Чаще всего в ответ на свой вопрос Варя слышала удивленное: «А что, они еще живы?». И лишь практичный Яков Моисеевич дал дельный совет: «Ты в больницы позвони. Там они свои головы лечат, скорее всего».

Обзванивать больницы показалось Варе делом совсем грустным и непристойным. Ведь не навещать же с подарками и фруктами она задумала тех, кого раньше редко замечала, привыкнув и считая их частью городского пейзажа, как скамейки, платаны или чугунные ограды. А сейчас, когда у нее возникло к ним дело, оказалось, что их больше нет или они неизвестно где. И никто о них ничего не знает.

Ночью Варя ворочалась, вздыхала и чувствовала, как в темноте глубокая морщина озабоченности кромсает ее чистый девичий лоб. Судьба своего обещания московской редакторше заботила ее – и судьба пропавших людей тоже. А что заботило больше, она думать боялась. Совсем некрасиво будет, если сотрудник одесского комитета по управлению культурой подведет московское телевидение. Что тогда скажут об одесситах в России? И так ругают за вздутые летом цены на жилье. А если все эти люди умерли? Жалко как! А если болеют? Еще жальче. Мучаются там по больницам, бедные, кто им поможет?

Проворочавшись до рассвета, Варя встала, включила компьютер, нашла в Интернете сайт арт-группировки «Варенье» и позвонила по указанному телефону.

– Варя? Какая Варя? – отозвался сонный голос Зорика.

– Из комитета… – начала было Варя, но Зорик перебил:

– А-а-а… Культура! С утра пораньше деньги завелись?

– Ну… Почти.

– С деньгами не бывает «почти». Если деньги есть – несите. А так – не морочьте голову артисту! Я принимаю после обеда на Преображенской, 14, квартира рядом с лестницей во дворе.

Очевидно, после телефонного разговора Зорик снова уснул, потому что когда Варя в половине второго позвонила в квартиру рядом с лестницей во дворе дома четырнадцать по улице Преображенской, дверь ей открыло лохматое опухшее существо. Угадать в нем одухотворенные черты знаменитого в будущем артиста можно было, лишь имея хорошую фантазию и доброе отношение к людям. Приветственно промычав на одной ноте, Зорик кивком позвал Варю вовнутрь и пошлепал босыми ногами в кухню. Кухня Зорика не выглядела богемной. Скорее, она напоминала чулан спившегося бухгалтера. По столу, усыпанному хлебными крошками, наперегонки носились крупные рыжие тараканы, весело щекоча друг друга усами. На стене, закрашенной снизу и до середины облупившейся зеленой краской, висел календарь на позапрошлый год и деревянные счеты.

– А счеты зачем? – Варя осторожно прикоснулась к шершавым костяшкам, давно потерявшим цвет.

– Память о бабушке, – голос Зорика спросонья не был грубым и осипшим, как у взрослых мужиков, а писклявым, как у капризного ребенка. Он отвернулся к раковине и долго сморкался в нее.

– Вот, – Варя осторожно положила на кухонный стол почтовый конверт с изображением ледокола «Красин».

– Бабка рассказывала, что когда она служила, дотации самодеятельным театрам иногда выдавали спиртом. Она билетершей в Русском театре того… – пояснил Зорик и покосился на конверт, размер которого отнюдь не внушал потребительских надежд.

– Это не дотация. Это гонорар за работу. От меня лично.

– Корпоратив? Вести или номера работать? Какая публика? Клерки? Насосы? Хомячки?

– Кто?

– Хомячки. Ну, начальство, типа, управляющие… Но не владельцы. Те – бобры. Кто ваш заказчик?

– Москвичи…

– Для москвичей – дороже.

– Сядь, – Варя справилась с растерянностью и постаралась вернуть начальственный тон. – Нет. Сначала налей мне чай, предложи печенье, а потом сядь. Слушай меня. Это – московское телевидение…

И она, почти не сбиваясь, рассказала Зорику о городских сумасшедших, съемками которых она завлекла в Одессу группу российского телевидения.

– Это нужно для города, понимаешь? Нужно Одессу чем-то славить в мире. Хотя бы в ближайшем зарубежье…

– Печенья нет, – Зорик достал из холодильника батон, отломил кусок и жестом предложил Варе. Она отрицательно помотала головой. – Поддержим традицию! Создадим городу новые достопримечательности.

– На вас вся надежда.

– Так кого играть?

– Придумай, – Варя пожала плечами. – Ты же талант. Кто мне говорил про будущих «Маски-шоу»? Доказывай.

Два часа спустя в квартире Зорика бушевал торнадо – помесь военного совета и оргии на руинах пивного ларька. Искали образ будущей городской достопримечательности. «Неужели они всегда так репетируют?!» – Варя в ужасе прикрывала глаза, чтобы не видеть, как парни и девушки раздеваются догола, бегают по квартире, не стесняясь друг друга, будто не замечая, что партнеры – другого пола. Кто-то примеривал больничный халат, комбинируя его с крагами и матросской бескозыркой. Стоп! Не кто-то, а Лазик этим занимался. В этот раз Варя была внимательной и быстро запомнила имена всех участников самодеятельной труппы. Лазик искал образ, отталкиваясь от костюма. Он перемерял на себя все, что нашел в кладовках и чуланах квартиры Зорика.

– Бабку при Хрущеве перевели из билетеров в костюмеры, – пояснил хозяин жилища.

– Хрущев-то тут при чем? – поинтересовалась Варя.

– Бывшего костюмера посадили. То ли за симпатии к Сталину, то ли за гомосексуализм.

Сочная девушка Рая искала образ при помощи всего, чем можно рисовать на человеческой коже. Косметика, овощи, карандаши, фрукты, краски, уголь, школьный мел – все шло в дело. «Женщина-клякса? Слоеный Коктейль? Радужный Вамп?» – Рая бормотала себе в тонкие еврейские усики определения приходящих в голову типажей, покручивая акварельной кисточкой набухший сосок.

– А если Гармошка-Шапокляк? – Склодовская, невысокая блондинка с тонкой шеей, требовавшая, чтобы все к ней обращались по фамилии, начала жонглировать пятью дамскими шляпками так, что все они летали из руки в руку по траектории разудалых гармошечных мехов.

– Это уже цирк, – возразил Зорик. – Нам нужно что-то простое, житейское, но необычное… Да?

– Глубокое и трогающее за душу, – уточнила Варя.

– Чтобы чуть выделялось, но вызывало доверие и чувство сопричастности.

– Катарсис посреди улицы в будний день, – резюмировал Валик, пятый участник арт-группировки. Он пока отрабатывал пластические этюды – ходил по комнате гусем, изображал танец, стоя на коленях, вставал на руки, делал колесо, только мелочь в карманах звенела.

– Старуха у вас была хороша… – Варя вспомнила видео, которое смотрела в своем кабинете.

– А что вообще делают городские сумасшедшие? Давайте оттолкнемся от внутренней мотивации, – Склодовская умничала, не переставая жонглировать.

– Деньги просят.

– В этом мы на них похожи.

– Но делают это неожиданными способами.

– Давайте наденем черные чулки на головы и выйдем на улицу. И тепло – и деньги сразу дадут.

– Не просят они деньги! – Зорик прервал ученый диспут. – Они… – он прищурился, задумавшись. – Они навязывают миру себя. Какое-то свое уникальное качество. Свое мнение. А миру это кажется забавным, наверное…

– Почему сразу «навязывают»? – Варя обиделась за «душу города».

– А как еще назвать, когда бабка в трамвае пристает к тебе со своей «Америкой»? Нет бы сказку прочитала или пересказала свежие новости…

– Вот! – Лазик щелкнул пальцами. – Это оно!

– Что?

– Старуха сказочница с новостями.

– Старуха со сказочными новостями?

– Сказка про новости со старухой?

– Ходячий CNN постпенсионного возраста.

– Неплохо…

– Отлично!

– Что скажешь, культура? – Зорик прищурился в сторону Млинарич.

– Мне нравится, – Варя решительно кивнула.

– Значит, делаем старуху, – резюмировал Зорик. – Я делаю. А вы пока отдыхайте, – он отвесил глубокий поклон своей артистической банде. Ответом было групповое подмигивание.

* * *

Московский рейс задержали на два часа. Это стало причиной десятиминутной сцены на стоянке в аэропорту. Залетные телевизионщики размахивали руками и громко голосили. Ругали авиакомпанию, погоду, таможенников и лично стюардессу Марину, по их мнению, перешедшую за последние три часа из разряда млекопитающих в парнокопытные. И только ведущий Федор нетрезво уточнял: «Я не согласен: она не коза! Она – стрекоза! Не спорьте со мной! Такого жужжания весь полет я никогда не слышал! Типажная девушка!». Но глаза его оставались грустны.

Как и положено, сначала поехали заселяться в гостиницу. Затем устроили обед в кабачке «Печескаго» в Городском саду. И только после того как гости города немного освоились и осовели от выпитого, Варя повела их обещанным экскурсионным маршрутом. Вела неторопливо, по дороге делая широкие жесты направо и налево, как в народных танцах. Показывала дома, арки, дворы, рассказывала вкратце, как Менделеев преподавал

в Ришельевском лицее, а Куприн – во-о-н там, за углом, – пил пиво с летчиком Уточкиным.

На живописную старуху наткнулись, когда пересекали Ланжероновскую. Она стояла, наклонившись, напротив магазина «Обжора» и чудила, сметая в узоры своими многочисленными цыганскими юбками семечную шелуху с мостовой. Седые космы закрывали половину ее лица, морщины, как рубцы, делали видимую сторону непроглядной для мимолетного взгляда. Но тот, кто сумел бы всмотреться в нее, сразу попадал под гипноз огромного стеклянного глаза, которым старуха водила по сторонам и казалось, что протез не просто смотрит в мир, а исследует его, улавливая самую суть.

– Тс-с-с! – Варя сделала знак, о котором они с Федором условились заранее. – Вон она. Бабка-Сказка. Снимайте осторожнее, чтобы не заметила. Она журналистов на дух не выносит. Говорит, что журналисты – проклятие для истории. Подходите к ней один и ни в коем случае не давайте деньги. Обидится смертельно! Возьмите! – она вытащила из петлицы своего пиджака бутон георгина и протянула Федору. – Отдайте цветок. Это ей нравится.

Телеведущий осторожно приблизился к старушке и протянул ей георгин. Та не сразу взяла подарок. Долго разглядывала ужасным стеклянным протезом высокого Федора, нависшего над ней. Наконец обведенный густой красной помадой рот ее зашевелился.

– Ты ведь один в семье, – голос старухи звучал глухо, но отчетливо. – И работал с детства. Школа, музыкальная школа, репетиторы, курсы, институт… Это все работа, любезный. Тебе некогда было бродить по веселым дорожкам. Так ты и не стал героем. Не спас принцессу. А ведь она всегда была рядом и хотела, чтобы ее спасли. И друга-помощника у тебя до сих пор нет. И волшебного оружия ты ни от кого не получил. Зачем бы его тебе дали, если ты принцессу спасать не собирался? А животное, с которым можно поговорить, ты когда-нибудь кормил с руки?

– Хм, позвольте… – смущенно откашлялся Федор. – Не обо мне речь. Я слышал, вы мастерица сказки рассказывать. Может, что-нибудь…

– А я и рассказываю, – перебила старуха, грозно сверкнув стеклянным глазом. – Про тебя. Считай, это – главная сказка. А ведь

если не расскажу, то так и прогорбатишься на своей работе до смерти и не узнаешь, кто ты есть на свете – Кащей, Ванька, Горбунок или Гриб-Лесовик на всякий случай.

– Бабушка! А можно не обо мне? Я себя каждый день в зеркале вижу! Честное слово – ничего о себе знать не хочу!

– Трусишка, – бабка затряслась в чахоточном смехе. – Глупый маленький трусишка. Это тебе первая новость. А вот и вторая: надо было просить у Маринки-стюардессы телефон. Она ведь на твою принцессу исключительно похожа. Ну ничего! Так всегда и бывало. В гости к Сказке приходили маленькие трусишки, а уходили…

Старуха не успела договорить. Внезапно раздался свист, визг и звон стекла, будто кто-то сбросил из окна десять хрустальных сервизов разом. Не успела Варя оглянуться, как со всех сторон вокруг них заметались странные существа, похожие на людей, попавших в карнавальное рабство. Было в них еще что-то неопределимое, но общее, отчего у Вари в голове возникло слово из голливудских триллеров – «Они».

Они появились внезапно, неизвестно откуда – то ли из арки соседнего двора, то ли из окна первого этажа дома напротив. Их было четверо или пятеро, сосчитать не удавалось, потому что они все время передвигались, кружась в танце, захватывая прохожих в свой стремительный водоворот. Один был длинный, будто на ходулях, в клетчатом пальто, от спины которого отрывались и уходили вверх два размашистых черных крыла. Долговязый работал ими, будто и вправду собирался взлететь, но получалось, что вместо этого он колотил массивными опахалами из плотной черной материи всех, кто имел неосторожность оказаться рядом. Под крыло попали оба оператора российского телеканала. Они принялись уворачиваться, забыв на время ловить картинку в видоискателях. А балерина умудрялась всякий раз проскакивать прямо под огромной черной лопастью. Невысокая, затянутая в белые одежды, в которых выходят на сцену Мариинского театра, с лицом, окунутым в белила, балерина прыгала на пуантах по булыжной мостовой, обтанцовывая прочие фигуры. Третьим, кого заметила Млинарич, был казак-матрос. То есть лицо его выглядело по-казацки – картофельный нос над огромными

свисающими ниже ключиц пегими усами. А одет он почему-то был в матросскую тельняшку, клеши и бескозырку. Брезентовая плащ-палатка довершала этот мурашечный образ, который затеял парный танец посреди улицы с пожарным – четвертым персонажем этого неожиданного карнавала. Пока Варя отвлекалась на балерину, ущипнувшую ее за лодыжку, пожарный с матросом растянули плащ-палатку, усадили на нее Бабку-Сказку и понеслись огромными прыжками в сторону Приморского бульвара, раскачивая в такт импровизированные носилки. Все представление заняло не больше минуты. Оцепеневшие зрители пытались шевелиться и заглядывать в глаза друг другу, чтобы там, возможно, прочитать ответ на свой немой вопрос: «Что, черт возьми, это было?!». Ведущий Федор, привыкнув комментировать в эфире любую ситуацию, прочищал горло и разминал ладони, готовясь изречь нечто осмысленное и авторитетное. Он развернулся к оператору, бросив натренированный годами взгляд туда, где должен был ловить каждое его движение объектив камеры, и не увидел ничего. Тишину, в которой происходила пантомима, разрушил истеричный вопль одного из операторов:

– Камеры! Камеры где? Ведическая сила!

* * *

Прибывшие милиционеры слушали потерпевших с лицами слишком серьезными, чтобы сомневаться в глумливости мыслей, скрывавшихся за их выражениями. Московские телевизионщики, перебивая друг друга, описали Бабку-Сказку, известную городскую сумасшедшую Одессы, казака-матроса, балерину и черного ангела в клетчатом пальто на ходулях. И только Варя Млинарич молчала, переживая нешуточную внутреннюю драму. Одна часть ее требовала немедленно рассказать все милиционерам. Другая материла последними словами Зорика и его «Варенье», но умоляла не сдавать артистов, дать им возможность как-то поправить ситуацию. Несколько раз Варя набирала телефон Зорика, но слышала в ответ, что абонент недоступен. Один раз она вздрогнула, густо покраснела и чуть не призналась во всем. Тогда старший лейтенант вполне официально заметил:

– Ничего не путаете, граждане? Бабка-Сказка? В Одессе не числится такая городская сумасшедшая. Актриса есть, Бутылочный Скрипач, Америка… А Бабки-Сказки нет.

– Да что вы знаете про Одессу! – в сердцах бросил ему Федор, который к тому времени уже уловил несколько сдерживаемых смешков и догадался, что сам вместе со съемочной группой стал забавным аттракционом для местных стражей порядка.

– Они ничего не найдут. Им это вообще не надо, – зашептал он, склонившись, на ухо Млинарич. – Есть тут у вас городское телевидение? Надо срочно объявить в эфире вознаграждение! Пусть так! Так лучше, чем никак! У нас в запасе чуть больше суток… Поймите, мы не можем потерять это оборудование, никак не можем, – Федор был бледен и решителен.

– Хорошо. – Сказала Варя, стараясь не обронить ни одного лишнего слова.

Она отвезла Федора на местное телевидение. Тот быстро договорился с коллегами. И уже через час объявление о вознаграждении бегущей строкой пошло в одесский телеэфир. А еще через час Варе позвонил Зорик.

– Только вот никаких сальто-мортале! – его голос звучал в трубке прерывисто. – Меня интересует лишь театроведческий подход. Это было зрелищно?

– Фугас тебе в задницу! – устало ответила Варя. – Вот это было бы зрелищно.

– Ага! Значит вам понравилось! Я на это рассчитывал! Не беспокойтесь ни о чем. Мы не мазурики. Поите-кормите москвичей в Аркадии. Рекомендую форшмак в «Даче» и борщи с фасолью в «Бернардацци». Пусть отдыхают. Завтра вечером у них все будет обратно, и они еще захотят долго вас благодарить. И, кстати… оцени нашу заботу. Ничего тебе не сказали, потому что не хотели делать соучастницей.

Почему-то слова Зорика не вызвали у Вари Млинарич ни удивления, ни сомнений.

На следующий вечер в ресторан гостиницы «Фраполли» двое рабочих в зеленых комбинезонах внесли огромную картонную

коробку. На боку ее красовалась надпись маркером: «Одесский марафет. Не кантовать! Загрызет».

– Для москвичей из четыреста первого номера, – сообщили рабочие консьержу. – Расписываться не надо.

Когда Федор и два его оператора распаковали коробку, там обнаружились обе пропавшие телекамеры, банка черничного варенья и записка. Синим карандашом по клетчатому листку бумаги было выведено:

«Мы нашли ваши камеры, как вы и просили по телевизору. Если вы не поцы, обещанное вознаграждение передайте, пожалуйста, в городскую клиническую больницу номер 1, палата 6 и палата 17.

P. S.: Да, чуть не забыл. Ваш сюжет на жестком диске камеры. Все как заказывали. Командировка удалась? Приезжайте к нам еще!»

Операторы бросились нажимать кнопки. И через минуту ведущий Федор уже мог наблюдать на встроенном в камеру мониторе живописнейшую старуху, рассказывающую враскачку что-то волшебное, витиеватое, почти былинное, а местами – и ужасное, с кровавым подкладом. В такие моменты правое веко старухи резко приподнималось, и в зрителя грозно уставлялся стеклянный глазной протез. Фонари Ланжероновской отражались в нем.

Неделю спустя после драматичного заезда московских телевизионщиков Варя Млинарич мелкой пилкой шлифовала ногти в своем рабочем кабинете в городском комитете по управлению культурой. Час назад у нее состоялся приятный разговор с редакторшей российского телевидения. Та восторженно благодарила за организацию съемок блестящего сюжета и обещала прислать в Одессу еще несколько съемочных групп.

– В вашем городе так много интересного! Артистичный у вас город! Вы звоните, как что-то новое появится.

– Непременно позвоню, – отвечала Варя, с удовольствием прислушиваясь к своему голосу в трубке. Спокойному, уверенному, без растянутых гласных.

В дверь постучали. Просунулся толстый седой охранник с поста внизу.

– Млинарич? Тут вам пакет передали.

– Кто?

– А я откуда знаю? Сказали: «Расписываться не нужно».

Варя вскрыла бумажный пакет размером с большую косметичку. Внутри была флешка, банка брусничного варенья и записка. Варя всмотрелась в строчки, выведенные синим карандашом по клетчатому листку бумаги:

«Культура, привет! Спасибо за дотацию вольным художникам! А говорила – не можешь… Верить надо в свои силы. Спасибо твоим московским друзьям, на их камеры мы за сутки сняли все, что хотели. И посылаем тебе, товарищ, флешку за порядковым номером 1. Жуй варенье, не обляпайся!»

Варя вставила флешку в компьютер и с улыбкой уставилась в экран, на котором забегали в комичных ситуациях знакомые актеры. «Будущие «Маски-шоу»? Вряд ли… – подумала Варя, показав язык экрану. – А вот поработаю-ка еще лет двадцать на этом месте и, глядишь, придут другие за деньгами и начнут доказывать, что они – будущая группа «Варенье».

Варя открыла присланную банку. Казенный кабинет наполнился волнующим запахом брусничного варенья.

Москва

Наиль Муратов

Качели

Итак, можно ли сойти с ума от разочарования? По-настоящему, без иносказаний. И что делать, если вдруг оказывается, что можно? Причем неважно, в ком разочаровываешься: в конечном счете во всем всегда виноват ты сам.

Бывают моменты, когда одиночество ощущаешь особенно остро. Например, ночью на скамейке возле безлюдной детской площадки, что совсем недалеко от дома Валерии. И пусть встреча с ней срывается не в первый раз – муж, случалось, и прежде неожиданно отменял выезд на рыбалку или на охоту, – но раньше это всегда вызывало досаду. Сегодня – облегчение. Внезапное отрезвление после десяти лет наивной веры в незыблемую правильность происходящего. Любила ли меня Валерия так, как я любил ее? Ответ на этот вопрос наконец-то перестал изводить меня своей неопределенностью, потому что потерял первоначальную значимость. Какая разница, если ты понимаешь, что остыл и что желанная еще вчера женщина сегодня вызывает только раздражение! И все же было нечто, заставлявшее меня нервничать. Любые отношения когда-нибудь подходят к концу, но если за ними скрываются десять потерянных лет, разочарование становится слишком болезненным. Настолько, что начинаешь ощущать, как твоя психика дает сбой, пытаясь убежать от самой себя.

Это ощущение не было абстрактным. Уже несколько минут я слышал на детской площадке голоса, хотя никого не видел. Судя по всему, мама разговаривала с сыном, но так тихо, что мне удавалось разобрать лишь отдельные слова. И вдруг мальчик спросил неожиданно звонко:

– Можно я покатаюсь на качелях?

– Да, мой хороший! – отчетливо ответил женский голос. Его мелодичное звучание не очень-то походило на хрипловатый тембр Валерии, сводивший меня с ума. И как оказалось, отнюдь не в переносном смысле. Интересно, почему я подумал о Валерии, в планы которой заводить детей пока не входило? Но мысль о какой другой женщине могла прийти в мою бедную голову?!

Разумеется, я не чувствовал себя сумасшедшим. Как легко доказать самому себе, что нервное расстройство может привести и не к таким еще фокусам! И когда качели начали сами по себе раскачиваться, у меня не возникло ни малейшего беспокойства. Не возникло даже тогда, когда совсем рядом вновь послышался женский голос:

– Можно я присяду рядом с вами?

Вокруг не было никого, и все же я подвинулся к краю скамейки. Какое странное, совершенно новое ощущение свободы: теряя разум, ты сохраняешь ясность мысли и способность к самоконтролю, но одновременно волен делать все, что заблагорассудится. Даже разговаривать с призраками. Правда, я не испытывал при этом и тени сомнения в том, что галлюцинация долго не продлится. Со мной все в порядке, Валерия, потому что меня больше не трогает твоя удушающая страсть! Тебе больше никогда не удастся делать со мной все что заблагорассудится!

Качели продолжали раскачиваться, но меня это не беспокоило, поскольку и кроны деревьев, обступивших детскую площадку, шевелились от легкого ветра. Голоса, звучавшие в моем сознании, умолкли. Мир вокруг возвращался к своему естественному состоянию, и к такому же состоянию приходил мир внутри меня. Я рассмеялся, и вдруг почувствовал такую едкую горечь, которой никогда не испытывал раньше. Завтра в офисе я вновь увижу Валерию. И послезавтра. И так из месяца в месяц, по пять дней каждую рабочую неделю. Отпустит ли она меня так легко? Или захочет продлить наше с ней перманентное безумие? Мой смешок вышел горьким, и тогда с противоположного края скамейки вновь прозвучал мелодичный голос:

– Простите, с вами все в порядке?

– Да, со мной все в порядке! – хотелось выкрикнуть в ответ. Что может быть более нормальным, чем разговор с химерой, порожденной собственным сознанием! Обыденное занятие для делового человека,

но, к несчастью, только в том случае, если у него серьезные проблемы с головой! И все же я ответил вежливо, хотя и не без иронии:

– Кажется, со мной все не в порядке.

– Если хотите, мы можем поговорить о ваших проблемах, – после некоторой паузы предложил голос.

– Боюсь, вы и есть моя главная проблема! – вздохнул я. Удивительно, но оказывается, что даже если ты теряешь разум, чувство юмора сохраняется.

– О, нет! – встревожился голос. – Не считайте меня навязчивой!

– А как мне следует к вам относиться? – криво усмехнулся я.

– Как к случайному собеседнику. Поверьте, исповедоваться лучше всего незнакомому человеку, с которым никогда больше не увидишься.

Сознание немедленно уцепилось за последние слова, пришедшие с другого края скамейки, а вернее – ниоткуда. Исповедаться, но кому? Если вдуматься, то самому себе, и, похоже, никак иначе эту проблему не решить. Итак, нужно высказаться, чтобы не сойти с ума окончательно. И тогда, возможно, я никогда больше тебя не услышу, плод моего воображения, сидящий на скамейке рядом со мной!

Смирившись с ее существованием – голос все-таки был женский! – я рассказал все с самого начала. Как мы познакомились с Валерией, когда она впервые появилась в нашем офисе. Фирму перекупил ее муж, и недолго думая назначил жену управлять новым приобретением, сам до такой мелочи не опустился. Но двадцатитрехлетней женщине нужна была опора в новом для нее деле, и с ее харизмой найти такую опору не составило труда. Сначала мы были просто коллегами, потом любовниками. Меня восхищало в ней все, но более всего – стремительность. Она проявлялась во всем – в принятии решений, в умении находить друзей, в вождении автомобиля и особенно в постели. Тогда мне было двадцать семь, и неуемная кинетическая энергия Валерии засосала меня, как щепку, в свою воронку. А затем последовало десять лет рабства, поскольку она никогда не принимала в расчет мои собственные устремления. Со временем стало очевидным, что единственная ее цель – самоутверждение, ради которого можно пожертвовать всем, и в частности, детьми.

– Вам она больше не нравится? – поинтересовался голос.

– Наверное. Трудно смириться с тем, что был всего лишь средством для достижения цели.

– Боюсь, она не отпустит вас так легко, – задумчиво сказал голос.

– Знаю. Но с этим ничего нельзя поделать.

– Ну, как сказать.

Думаю, если б мое наваждение приобрело зримый образ, на губах этой женщины заиграла бы улыбка. И кстати, почему женщина, а не мужчина? Есть ли в этом какая-то логика? Да, безусловно, ведь женщина с приятным голосом вызывает больше доверия, следовательно, ей легче исповедоваться. Тем более если она молодая мать. Как же все-таки просто и эффективно устроено человеческое подсознание – всему можно найти разумное объяснение!

Мы проговорили почти всю ночь. Обо всем на свете, но главным образом обо мне. Чем дольше длится связь, тем стремительнее нужно с ней рвать, иначе она никогда не отпустит тебя полностью. К этой нехитрой мысли мы в конце концов пришли, на ней и остановились. Несколько раз моя незримая собеседница покидала меня, откликаясь на просьбу сына посильнее раскачать качели. Потом я отправился домой, а они остались на детской площадке. Как я надеялся, навсегда.

На следующий день я порвал с Валерией. Наше объяснение оказалось неожиданно легким, возможно, потому, что теперь я был не очень-то ей и нужен. С руководством фирмой она справлялась, а мужского внимания такой эффектной женщине и без меня хватало.

Голоса в моей голове больше не возникали.

Спустя неделю Валерия настояла на том, чтобы встретиться поздним вечером и обсудить ряд, как она сказала, неотложных дел. Рандеву назначила в малоприметном ресторанчике, в который мы с ней иногда захаживали и раньше. Как выяснилось, единственным намеченным ею на этот вечер делом было предложить мне вместе напиться.

– Тебе хорошо, дом в пяти минутах ходьбы! – с улыбкой сказал я. – А мне что с машиной делать?

– Оставишь свой драндулет здесь же на стоянке, – уверенно предложила она. – А переночевать можешь у меня. Муж уехал.

– Нельзя дважды войти в одну реку! – возразил я. – Ничего путного из этого не получится.

– Хорошо, как знаешь! – легко согласилась она.

Внимательный, немного насмешливый взгляд. И такая же легкая насмешливость в голосе:

– Я думала, тебе это нужно больше, чем мне.

Разумеется, за такой фразой могло последовать только одно – монолог уязвленной женщины. Может быть, и не самой уязвленной, но все же… В общем, она не собиралась держать в руководстве фирмы неблагодарных людей, которые были всем ей обязаны. И, кстати, на сегодняшнюю ночь у нее есть прекрасная мне замена. Самое удивительное, что я ждал чего-то такого. Тогда, на детской площадке, мой внутренний голос уверил меня, что именно этим все и кончится. И не ошибся, к сожалению. Оказывается, мое подсознание не так уж плохо разбирается в женской психологии. Жаль, что здравые его рассуждения не доходят до сознания, теряясь где-то по пути.

– Ладно, без работы не останусь! – сказал я Валерии и направился к выходу. Далеко, правда, не уехал, вновь остановился у детской площадки. Качели не раскачивались, голосов слышно не было. С чего бы им звучать, если со мной все в полном порядке! Вернее, почти в полном, поскольку работу я потерял. Но и это не беда: специалисты моего профиля на дороге не валяются. Не пропаду!

– Вы опять здесь? – прозвучал удивленный голос.

– Как и вы! – от неожиданности несколько язвительно выпалил я. – Вот уж не чаял услышать!

Голос обиженно умолк. Несколько минут тишины, нарушаемой лишь шелестом листьев и проезжающих по смежной улице автомобилей. Да был ли вообще голос? Я уже не мог этого утверждать. К счастью или несчастью, но любопытство присуще мужчинам не меньше, чем женщинам. Именно оно заставило меня произнести вслух:

– Не обижайтесь! Просто я не рассчитывал услышать вас снова.

Голос немедленно отозвался:

– А я думала, вы ради этого приехали.

А ведь он был прав, этот мой чертов внутренний репродуктор, – как иначе объяснить, почему я вновь приперся на эту скамейку!

– В прошлый раз у нас был очень откровенный разговор! – продолжил голос. – Честно говоря, я надеялась, что когда-нибудь увижу вас вновь.

«Спасибо, свиделись!» – подумал я. Итак, крыша начинает съезжать снова. А мне-то, наивному, казалось, что все это осталось в прошлом… Тут я сообразил, что голос проговорился.

– Вы сказали «увижу вас вновь». Вы что, меня видите? – быстро спросил я.

– Конечно. Вы сидите… такой одинокий.

– А вот я вас только слышу. Но не вижу.

– Да? – удивился голос. – Почему же вы тогда со мной разговариваете?

Мне понравилось полное отсутствие логики в ее вопросе, и я ответил сердечно:

– Но слышать-то я вас слышу! Потому и разговариваю.

– Да ведь вы беседуете с пустым местом! – с ужасом воскликнул голос.

– Ну, не совсем! – миролюбиво отозвался я. – Может, это и самонадеянно, но я, знаете ли, никогда не относился к себе как к пустому месту.

– То есть вы думаете, что разговариваете с собой? – почему-то эта мысль голос развеселила, и он мелодично рассмеялся. Вернее, она.

– Ну да, а с кем же еще?

– Со мной, – уверенно ответил голос.

– Ну, хорошо, с вами! – согласился я. – А вы, собственно, кто?

– Я – мама Алеши! – без раздумий сообщил голос.

– Замечательно. Только я его что-то сегодня не вижу.

– Но вы же его и в прошлый раз не видели! – уличил меня голос в неточности.

– Да, не видел. Зато слышал. А сегодня – нет.

– Это потому что он приболел и остался дома, – пояснил голос со вздохом. – У него температура из-за горловой инфекции.

– Врача вызывали? – машинально поинтересовался я.

– Зачем? – удивился голос. – Я сама врач.

В общем, моя паранойя становилась все забавнее. Смущало лишь одно: все без исключения сумасшедшие, насколько мне известно, считают себя абсолютно нормальными людьми.

Я же отчетливо сознавал, что схожу с ума, и в силу этого являлся, по-видимому, уникальным случаем в практике отечественной психиатрии. Ослабший мой разум расщепился сразу на несколько личностей, причем одна из них была женщиной, а еще одна – ее сыном. Если покопаться, то найдутся, наверное, и другие – не менее колоритные личины. Но самым невероятным было то, что мое психическое заболевание не угнетало сознание, а наоборот, приводило его в устойчиво приподнятое состояние. По крайней мере беседы с моей женской ипостасью доставляли подлинное наслаждение. А та часть меня, что была мальчиком, нам никогда не мешала. Почти никогда, если быть точным.

– Послушайте, мне до сих пор неизвестно ваше имя! – заметил я. – Не особенно удобно обращаться к даме «мама Алеши».

– Ну… – голос надолго задумался. – Вы можете называть меня Анной.

– Замечательно! – воскликнул я. – Вы что, не знаете собственного имени?

– Вообще-то, я не совсем уверена! – признался голос.

Никогда не думал, что безумие может быть настолько комичным! Я расхохотался:

– И вы еще будете уверять меня, что существуете на самом деле?!

– Разумеется, я существую! – рассердился голос.

– Но при этом не знаете, как вас зовут! Может быть, хоть фамилию вспомните. Или адрес, – потешался я.

– Нет! – твердо сказал голос. – Не вспомню, но на то, поверьте, есть свои причины.

– И самая серьезная из них та, что вы существуете исключительно в моем сознании.

– Думайте как хотите! – обиделся голос. – Не собираюсь с вами по этому поводу пререкаться!

– Мне тоже не хотелось бы! – сделал я попытку к примирению. Какой смысл загонять самого себя в угол!

– Послушайте, если бы я существовала только в вашем сознании, – неожиданно хитро спросил голос, – то откуда у меня взялся бы Алеша?!

Этим он, вернее, она, меня просто сразила наповал. На такую несусветную глупость я даже не стал отвечать, и голос расценил это как победу.

– Ну, теперь вы будете со мной считаться? – торжествующе спросил он.

– Знаете, я и раньше с вами считался! – едко ответил я. – Может, даже больше, чем следовало.

– Вы раздражены, и совершенно напрасно! – голос изменил тактику, изображая участие. – Я же вам не враг.

– Я сам себе враг! – самокритично заметил я. – В таких случаях других врагов уже не надо.

Думаю, моему женскому эго понравилось то, как прозвучали мои слова. Естественно, и реакция его оказалась такой же, как у любой реальной женщины:

– Вы – хороший человек! Только во всем разуверившийся.

– Откуда вам знать, хороший я или плохой! – буркнул я.

– Но мы же с вами столько разговаривали! – воскликнул голос. – И я это сразу почувствовала. Поверьте, я неплохо разбираюсь в людях.

«В отличие от меня!» – подумал я. Но, с другой стороны, Анна тоже часть меня, а в людях разбирается. Неизвестно, правда, насколько ей можно верить. Или, точнее, насколько можно верить самому себе. Хотя если ты сошел с ума, то не должен доверять в первую очередь именно себе. А если не сошел? Тогда не должен слышать никаких потусторонних голосов! Тут я почувствовал, что окончательно запутался. Единственным разумным решением – если только в больной голове может родиться разумное решение! – было продолжать общаться с Анной как с самой обычной женщиной. В результате мы просидели на детской площадке почти до утра и расстались довольные друг другом.

Следующий вечер я провел дома и никаких голосов не услышал: они являлись, похоже, только в определенном месте. Это радовало, поскольку появлялась возможность контролировать собственное безумие. Оказывается, чтобы оставаться нормальным, нужно всего лишь воздерживаться от посещения детской площадки. Не исключено, что такая схема в психиатрии является революционной.

Еще неделю я старался держаться подальше от рокового места, а затем не выдержал, явился. Только-только стемнело, и на детской площадке еще оставались наиболее рьяные мамаши со своими чадами. Заметив, что я устраиваюсь возле них на скамейке, они почти сразу ретировались домой. С час я просидел

в полном одиночестве, не считая двух котов, попытавшихся устроить разборку прямо возле моей скамьи. Затем они неожиданно бросились врассыпную, и тут же послышался детский голос:

– Мама, дядя опять здесь!

– С вами все в порядке? – взволнованно спросила Анна. – Я так беспокоилась!

Мысль, что кто-то обо мне беспокоится, оказалась настолько приятной, что я даже не опечалился из-за того несомненного факта, что моя паранойя возобновилась. В общем, мы вновь проболтали полночи. Анна засобиралась домой только тогда, когда Алеша сообщил, что устал и хочет спать. Прощаясь, она спросила, буду ли я завтра.

– Почему бы и нет! – не колеблясь, ответил я.

Анна оказалась искренним собеседником. А ее голос, мелодичный, как флейта! Эх, если бы она была реальной женщиной, а не мнимой! Мы разговаривали с ней несколько ночей напролет, и домой я добирался только под утро. Не страшно, торопиться на работу уже не требовалось, можно и днем отоспаться!

Все чаще Анне удавалось ставить меня в тупик, причем настолько естественно, что она и сама этого не замечала. Иногда она употребляла медицинские термины, о которых я не имел никакого представления. На всякий случай я их записывал, а потом сравнивал разъяснения Анны с информацией в Интернете. К моему удивлению, существенных расхождений не было ни разу. Тогда я решился на эксперимент: выписав из медицинской энциклопедии симптомы, рассказал ей историю о заболевшем знакомом, которому якобы не могли поставить правильный диагноз.

– Странно! – сказала Анна. – Тут не может быть двух мнений.

Как вы догадываетесь, болезнь она назвала безошибочно. С тех пор я непроизвольно начал относиться к ней как к самой настоящей женщине. Ну разве только невидимой. Но это почему-то не смущало. Не смущало настолько, что однажды я пригласил ее в гости. Вообще-то, не без задней мысли. Если она была как-то привязана к детской площадке, то должна была отказаться. Но Анна легко согласилась, правда, сначала спросила у Алеши, не против ли он. К счастью, мальчика долго упрашивать не пришлось: думаю, детская площадка с ее песочницей и качелями изрядно ему надоела.

Когда мы подошли к машине – или все-таки подошел только я? – Алеша спросил, можно ли ему сесть на переднее сидение.

– Отчего нет? – весело ответил я. – Все равно гаишники тебя не увидят.

Не раздумывая долго, я открыл переднюю дверцу, и спустя мгновение Алеша поблагодарил меня уже из салона. Задняя дверца открылась сама и тут же захлопнулась: похоже, мои пассажиры заняли свои места. В дороге мы не разговаривали, в лифте тоже. Но когда вошли в квартиру, Анна восхищенно воскликнула:

– Как у вас красиво!

Вообще-то, интерьер прихожей – заслуга Валерии! На мой взгляд, слишком много зеркальных плоскостей, но это дело вкуса. Анне, по крайней мере, понравилось.

– Вы видите себя в зеркале? – поинтересовался я.

– Ну да! – уверенно ответила Анна.

Но я по-прежнему не видел ни ее, ни Алешу. И их отражений тоже. Не знаю, имело ли это какое-то значение, но легкое разочарование все равно возникло. Может, я просто насмотрелся фильмов о привидениях?

Чтобы занять Алешу, пришлось включить компьютер в гостиной. Пока он смотрел мультики, мы с Анной прекрасно провели время на кухне. В одном из подвесных шкафчиков у меня было устроено нечто вроде бара, в котором хранилась бутылка превосходного коньяка, и я разлил его по бокалам.

– Вы хотите меня споить? – со смехом спросила Анна.

– Было бы неплохо! – ответил я. – Но боюсь, это бесполезная затея.

– Да, – согласилась она. – Но приятно уже то, что вы пытаетесь. И, возможно, мне удастся хотя бы почувствовать запах коньяка.

Пить она не могла, но рюмку удержать сумела. Запах спиртного она, похоже, и вправду почувствовала, причем ей этого хватило, чтобы опьянеть. Анна, обычно сдержанная, вдруг оживилась и начала со мной откровенно кокетничать. Не могу сказать, что было неприятно. Один раз мне даже показалось, что у нее заплетается язык. Не знаю, чем бы все это кончилось, но наши возбужденные голоса привлекли внимание Алеши. Мальчик открыл дверь в кухню и поинтересовался у мамы, что ее так рассмешило.

После этого наша беседа перетекла в спокойное русло: мы начали обсуждать проблемы, связанные с воспитанием детей. Говорила в основном Анна, поскольку считала меня в этих вопросах недостаточно компетентным. Так оно, без сомнения, и было, но мне удалось прервать монолог Анны вполне невинным вопросом:

– Разве бесплотные создания могут иметь детей?

– Но я ведь самая обычная женщина! – ответила она. – Неужели вы до сих пор этого не поняли?

– Только я вас по-прежнему не вижу! – заметил я. – Не знаю, насколько это характерно для обычной женщины.

– На самом деле все очень просто… только сложно объяснить, – не очень уверенно сказала Анна.

После некоторых колебаний она все же решилась изложить свою версию происходящего. По ее мнению, они с Алешей являлись мне во сне. Но только не в моем сне, а в собственном. Анна подготовила довольно стройную теорию о телепатических способностях своего сына. Поскольку она много работала и не могла уделять ему достаточного внимания в течение дня, он сумел найти уникальный выход, научившись входить в контакт с ее подсознанием ночью. Именно ночь была их временем, и проводили они ее, как правило, на детской площадке. Алеша любил кататься на качелях, а его мать была счастлива, что находится рядом с сыном.

Пожалуй, теория эта все объясняла. Вернее, почти все. Мне было не совсем ясно, как Алеша ухитрился открыть дверцу машины, а Анна – удержать в воздухе бокал с коньяком, на что она небрежно заметила, что это типичный случай телекинеза. Ладно, допустим. Но оставалась еще одна загадка: по ее словам, они не могли самостоятельно добраться до моей квартиры, только приехать вместе со мной. Эти странности не имели объяснения, но все остальные доводы Анны показались мне убедительными. Теперь оставалось только разыскать ее в реальном воплощении – ничего другого я больше не хотел! Но Анна остудила мой пыл, объяснив, что это практически невозможно.

– Поймите, – с горечью сказала она, – я только часть себя же самой. Причем часть подсознательная. В сущности, я – сон. Реальная Анна – а я вовсе не уверена, что меня так зовут на самом деле! – просыпаясь, ничего не помнит. Вам эта женщина может

и не понравиться. Возможно, я – дурнушка, на которую вы в обычных обстоятельствах и не взглянули бы.

– Вы не можете быть дурнушкой! – перебил ее я. – Но даже если и так, это не имеет значения. Вы мне нравитесь в любом облике! Это так здорово – знать, каков человек внутри!

– Мы с вами ни в чем не можем быть уверены!

Мне показалось, что она сказала это сквозь слезы.

– Кое в чем можем! – возразил я. – Вы – замечательная мать и внутренне самая прекрасная женщина из всех, кто мне знаком. Поверьте, этого достаточно.

Теперь она всхлипнула по-настоящему. Невозможность обнять ее вызвала такое острое раздражение, что я чуть не швырнул свой наполовину пустой бокал в стенку. В общем, прекрасное настроение испарилось, что сразу почувствовала моя чуткая собеседница. И, естественно, засобиралась домой.

К несчастью, они не могли вернуться самостоятельно на детскую площадку, а возвращение по неизвестной мне причине было обязательным условием. Я же, выпив спиртного, не мог сесть за руль. Пришлось вызывать такси.

Машина приехала быстро. В целях конспирации мне пришлось сесть на заднее сидение, предварительно пропустив в салон Алешу и Анну. Путь был неблизкий, и, как часто бывает, когда едешь с детьми, в дороге случился конфуз вполне определенного толка.

– Извините, ради бога! – прошептала Анна. – Алеше нужно выйти. Ну, сами понимаете.

– Хорошо, – прошептал я в ответ. Надеюсь, водитель меня не услышал. Но когда я попросил его остановиться возле сквера, посмотрел косо. Судя по всему, его богатый опыт показывал, что с клиентом не все в порядке. Возможно, так оно и было.

– Простите! – сказала Анна, когда мальчик скрылся в ближайших кустах. Я даже отчетливо увидел место, где разошлись, пропуская его, ветви.

– Да ладно! Разве я сам никогда не был маленьким?

Добравшись до детской площадки, она торопливо со мной попрощалась: возможно, уже пришла пора просыпаться. Алеша вежливо сказал мне: «До свидания!». И еще поблагодарил за мультики. Анна, без сомнения, воспитывала его правильно.

После их ухода я некоторое время не двигался с места. И впервые, думая об Анне, думал и об Алеше. Возможно, будь мы вместе, получилась бы прекрасная семья. К несчастью, от этой мысли веяло такой откровенной безнадежностью, что захотелось окончательно напиться.

Из оцепенения меня вывел оклик водителя такси. Послушно сев в машину, я всю обратную дорогу провел в мысленном диалоге с самим собой. И с Валерией. Именно она отняла у меня будущее.

До дома добрались без приключений. Получив деньги, водитель вздохнул с облегчением: он не сомневался, что имеет дело с ненормальным. И, конечно, был прав: ну кто еще может мечтать о семье, в которой тебя окружают только призраки?

А на следующий день мне улыбнулась удача. Позвонил школьный товарищ и сообщил, что один из его многочисленных бизнес-партнеров проводит реорганизацию в дочерней фирме и ищет подходящего человека в руководство. Предварительно они остановились на моей кандидатуре.

Обсуждать подробности по телефону он отказался, и вечером я примчался к нему домой. Разговор получился не самым простым.

– То, что ты порвал со своей кралей, я уже знаю, – сообщил он. – Давно пора! Но ошиваться каждую ночь возле ее дома – это уже чересчур!

Похоже, меня кто-то засек на детской площадке. И, естественно, растрезвонил всем знакомым. Что ж, мир не без добрых людей! Пришлось выложить все начистоту, но, к сожалению, рассказ получился сбивчивым и неубедительным. Выслушав меня, друг нахмурился.

– Твое назначение на должность будет утверждаться недели через две-три. Есть время со всем разобраться. Давай-ка завтра в обед забреди в мой офис, посоветуемся кое с кем.

Кое-кто оказался психиатром. Из лучших, как гордо сообщил мне друг. Выслушал доктор мою историю внимательно, но делать выводы не стал. Сказал, что недостаточно данных. А возможно, просто не был со мной искренним. Мы расстались, недовольные друг другом, но, прощаясь, он сумел удивить меня, когда посоветовал не отказываться от визитов на детскую площадку. Дескать, иначе мы просто переведем процесс в иную, скрытую форму, и тогда ничего выяснить не удастся. Кто знает, может, этот парень и вправду был лучшим!

Ночью я рассказал Анне о беседе с психиатром, и она здорово встревожилась.

– Тебе ни с кем не нужно этим делиться! – предупредила тихо.

Постепенно она оттаяла, но попросила не соглашаться больше на такие небезопасные беседы. Пришлось пообещать, хотя особой угрозы со стороны психиатра я не видел. Пока мы разговаривали, Алеша катался, как обычно, на качелях. Потом мы вновь отправились ко мне. Отражения гостей в зеркале я не увидел и в этот раз, но расстраиваться не стал. Какая разница! Главное, что Анна и ее сын существуют не только в моем сознании.

Мне пришлось показать Алеше, как включать компьютер, а затем научить нехитрой игре в Тома и Джерри. Мальчик так увлекся, что мы с Анной смогли без помех закрыться на кухне. Была у меня мысль снова споить гостью, но осуществить эту замечательную идею не удалось – помешал телефонный звонок.

– Не спишь? – поинтересовался друг.

– Не сплю, – ответил я.

– Ты дома?

– Да.

Подумав, он решился на трудный вопрос:

– Не один?

– С гостями, – неохотно признался я.

– Чем они занимаются?

– Мальчик играет в компьютерную игру, а мы с Анной сидим на кухне.

– Отлично! Я хочу на это взглянуть!

Он отключился, но спустя минуту вызвал меня в Скайпе. Теперь мы могли видеть друг друга, что только ухудшало положение. Я попытался убедить его, что мои гости незаметны глазу, но безрезультатно. Он попросил навести камеру на тот угол комнаты, где ничего не подозревавший Алеша продолжал гонять по экрану монитора кота Тома и мышонка Джерри.

– Ну, увидел? – спросил я раздраженно спустя минуту.

– Да. Можешь отключаться, не буду тебе мешать, – друг поспешил оборвать связь. Очевидно, понял, что был излишне назойлив. Вернувшись к Анне, я изобразил ослепительную улыбку, но не думаю, что мне удалось ее обмануть.

Следующим утром они явились ко мне домой вдвоем – друг и психиатр. Оба выглядели хмурыми.

– Вот какое дело! – начал издалека друг. – Похоже, ты серьезно болен. Вчера мы вдвоем заехали на эту злополучную детскую площадку. Из машины не выходили, просто за тобой наблюдали. Ты сидел на скамейке и разговаривал сам с собой.

– С Анной! – поправил я.

– Хорошо, пусть с Анной! – быстро вмешался психиатр. – Мы не спорим. Скажите только, что делал мальчик?

– Катался на качелях.

– Все время? – удивился психиатр.

– Да, все время! Он любит кататься! – мне не удалось подавить раздражение. Итак, за мной следили! Кому после этого верить?

– Мне жаль, – сказал со вздохом мой друг. – Мы просидели там достаточно долго, но качели ни разу не шелохнулись. Ты можешь это объяснить?

– Вы просто не заметили! – упрямо ответил я.

– Хорошо, пусть так, – согласился он. – А что мальчик делал у тебя дома?

– Ты видел сам! – в этот момент я ненавидел их обоих.

– Да, видел. И, к счастью, все записал, – сказал он мягко, словно сожалея о своих словах. Затем протянул мне смартфон. На дисплее был отчетливо виден экран моего ноутбука, где по очереди гонялись друг за другом Том и Джерри. А еще было видно, что за клавиатурой сидел я.

Эти кадры так меня надломили, что я почти без сопротивления позволил этим двоим отвезти меня в частную клинику. И даже подписал какие-то бумаги – согласие на лечение. Позже врач объяснил, что мой случай не такой уж редкий. Причиной временного помешательства – он подчеркнул, что оно временное! – стал мучительный разрыв с любимой девушкой. Мозг, мол, начал искать ей замену и, конечно, нашел. Этой заменой стала некая вымышленная личность по имени Анна – полная противоположность Валерии. Мальчик тоже появился не случайно: мне не хватало нормальных семейных отношений. В общем, никаких парадоксов типа телепатии и телекинеза, поскольку и Анна, и Алеша существовали только в моем воображении.

На неделю меня определили в стационар. Клиника была частная, палата комфортная, время пролетело незаметно. Кололи каждое утро и каждый вечер, от этих инъекций постоянно хотелось спать. Затем стали давать таблетки. Они тоже угнетали, и здоровым я себя не чувствовал. Когда меня выписывали, возвращение в мир нормальных людей даже не казалось освобождением. Собственная квартира встретила меня отчуждено, будто, предав Анну, я потерял право здесь находиться. В тот же вечер я отправился на детскую площадку, но безрезультатно: доктор отлично справился со своей задачей. Меня и вправду вылечили, но, к сожалению, не сделали счастливее. Я любил Анну, а она существовала только в моем воображении. Проблема заключалась в том, что другие женщины меня не интересовали.

Еще несколько безрезультатных ночных визитов. Может быть, все дело в препарате, который я продолжал принимать? Но в глубине души я понимал, что никогда больше их не увижу. Ни Анну, ни Алешу! Их просто не существовало.

На работу меня взяли. В сущности, работа была тем единственным, на что хватало сил, потому что больше меня ничего не трогало. Вечерами я сидел у телевизора и просматривал фильмы, но утром не мог вспомнить, о чем они.

Такое полурастительное существование продолжалось вплоть до сегодняшнего утра. Надевая брюки, я умудрился сделать настолько неудачное движение, что защемил нерв. Теперь каждое движение левой ногой причиняет жуткую боль, и поэтому я не смог выйти на работу. Не самая приятная перспектива, потому что нет ничего хуже, чем оставаться наедине с самим собой. Почему я не промолчал тогда?! Почему сознался в своих видениях? Это и было предательством, которое я не мог себе простить. Если ты любишь, то должен беречь свою женщину, даже если ее не существует! Иначе ты обречен на одиночество.

Телефонный звонок. Секретарша сообщила, что сегодня вечером меня осмотрит врач. Лучший невропатолог из тех, кого она знает. Стало немного смешно: у лучшего психиатра я уже побывал, а пользы никакой. И вообще, лучшее – враг хорошего!

Она явилась спустя час – небольшого роста блондинка с умным насмешливым взглядом и решительными манерами. Такие

женщины мне не очень нравятся, поскольку они твердо убеждены, что видят любого мужчину насквозь. С ними невозможно чувствовать себя уверенно. «Лучший врач» всего за пару минут поставила мне диагноз – воспаление седалищного нерва. Потом заявила, что нужно сделать укол.

– Под лопатку? – спросил я.

– Нет, чуть ниже, – ответила она со смешком. – Вы что, боитесь за свой тыл?

– Не знаю, насколько уместно мужчине спускать штаны, когда у него в гостях дама, – заметил я.

– Дама не в гостях, а на работе! – уточнила она. – Так что решайтесь! Или вызывайте другого врача. Мужчину.

– Мне сказали, что вы лучшая! – парировал я. – И в любом случае сам себе я инъекцию не сделаю! Так что колите, правда за вами!

Она достала из сумочки одноразовый шприц и ампулу вольтарена. Еще оттуда выпали ключи от машины и помада.

– У вас есть спирт? – спросила блондинка.

– Только в виде крепких напитков. Водка подойдет?

Она кивнула, сосредоточившись на наборе раствора в шприц. Я попробовал сделать шаг, но так неловко, что ногу вновь пронзила острая боль.

– Стойте уже, я сама принесу! – несколько раздраженно произнесла врач и решительно направилась на кухню. Только я собрался последовать за ней, чтобы показать местоположение бара, как она уже вернулась с початой бутылкой водки. Подобной стремительностью не обладала даже Валерия!

Внезапно я понял, что в действительности произошло. От волнения пришлось сесть в кресло, а это было совсем не просто. Когда я окончательно в нем разместился, врач уже набрала лекарство в шприц. Подойдя ближе, сказала с насмешкой:

– Что же вы тянете? От судьбы все равно не уйдешь!

– Укол подождет! – голос мой стал хриплым, язык пересох. – В баре, кстати, есть еще и коньяк. Не хотите попробовать?

Не знаю, сколько мы смотрели друг другу в глаза, я – с интересом, граничащим с бестактностью, а она – с вызовом! Не исключено, что ей и раньше приходилось попадать в такую ситуацию, и она знала, как из нее выкручиваться, но сейчас это не имело значения. Сейчас вообще ничего не имело значения!

– Даже не думайте! – тихо предупредила она. – Вы – пациент, я – врач! И ничего больше!

– Конечно, – согласился я. – Но мне нужно кое-что выяснить. Нечто очень важное.

– Что именно вы хотите знать? – она прекрасно держала себя в руках, даже голос не повысила, не сомневаясь, что контролирует ситуацию. Мне нужно было с чего-то начинать, и вопрос сам слетел с языка:

– У вас есть сын?

Как и следовало ожидать, ее ответ оказался максимально неопределенным:

– Не думаю, что это представляет для вас интерес.

– Его зовут Алеша?

Она пристально на меня взглянула, но самообладания не потеряла. Сказала задумчиво:

– Похоже, вы основательно подготовились. Наводили справки?

– Конечно, нет! Правда несколько сложнее. И поверьте, нам придется ее выяснить.

– Нет! – твердо сказала она. – Мы сейчас попрощаемся, и, надеюсь, у вас хватит ума меня не преследовать.

– Задержитесь, прошу вас! – мягко попросил я. – Нам действительно нужно поговорить.

– Это исключено! – ровным голосом сообщила она. – В машине меня ждет сын. Я не могу оставить его там надолго.

– Вы можете привести мальчика сюда. Поверьте, Алеша не откажется!

– Не впутывайте в ваши интриги ребенка! – она разозлилась по-настоящему и потому стала подозрительной. – И откуда вы знаете его имя? Что, следили за нами?

– Нет, не следил, – устало ответил я. – Не имею такой привычки, Анна!

– Меня зовут Алина! – сухо поправила она. – Вы обознались. Похоже, этот спектакль предназначался другой женщине.

– Вряд ли. Просто я знаю вас как Анну.

– Что за бред! – досадливо воскликнула она. – Прощайте, мне пора!

– Вы не решите проблему так просто! – я улыбнулся. – Теперь я знаю, что вы есть на самом деле. Мне даже нет смысла вас удерживать. Так или иначе, но вам доведется все узнать.

– Нет! – быстро сказала она. – И не вздумайте выслеживать нас с Алешей! Я обращусь в полицию.

– Хорошо! – согласился я. – Идите, но сначала ответьте всего на один вопрос. Где вы нашли бутылку с водкой?

– На кухне, – ответила она, не задумываясь. – В одном из подвесных шкафчиков.

– Долго искали? – спросил я не без ехидства.

Алина задумалась. Она была не только умна, но и честна, и поэтому, пусть и неохотно, но все же призналась:

– Ну, хорошо, я нашла сразу. Вы можете это объяснить?

– Есть лишь одно объяснение: на самом деле вы просто знали, где у меня хранятся крепкие напитки.

– Исключается! – в этот раз в ее словах не было уверенности. – Я здесь никогда не была.

– Были, причем вместе с Алешей! И это легко проверить! – заметил я. – Достаточно его сюда привести.

Наверное, моя убежденность произвела впечатление. Внимательный взгляд Алины задержался на моем лице, затем она неожиданно согласилась:

– Хорошо! Я схожу за ним! И покончим с этим.

Думаю, ее замучило любопытство: все-таки она не смогла объяснить себе, почему так уверенно нашла эту злополучную бутылку. И из нескольких дверей без ошибки выбрала ту, что вела на кухню. В общем, спустя пару минут Алина вернулась с мальчиком лет шести. Алеша, выглядевший насупленным, на вопросы мамы упрямо не отвечал. Но зато спросил меня, можно ли ему включить компьютер. Я, понятно, разрешил.

– Дядя – хороший! – убежденно сообщил мальчик, затем уверенно прошел в гостиную, включил на ощупь сначала источник питания, а потом и системный блок. Спустя пару минут он уже гонял Тома и Джерри по экрану, забыв о нашем с Алиной существовании. Некоторое время она внимательно наблюдала за сыном, затем вопросительно на меня взглянула. Я только развел руками: все было очевидно. Мы прошли на кухню. Вернее, она прошла, а я доковылял. Достал бутылку из бара и разлил коньяк по бокалам.

– Я пить не буду! – предупредила Алина.

– И не требуется! – улыбнулся я. – Чтобы опьянеть, раньше вам хватало запаха.

Она подержала бокал в руке, нерешительно поболтала янтарную жидкость и пригубила. Зажмурилась на несколько секунд, потом взглянула на меня. Пожалуй, впервые в ее глазах можно было прочесть неподдельный интерес.

– Определенно мне знаком этот аромат, – сообщила она спокойно. – Это что-то доказывает?

– К сожалению, только косвенно. Но постепенно вы вспомните все. Если, конечно, сумеете правильно настроиться.

– Вы по-прежнему настаиваете, что я здесь была? – теперь она выглядела куда более мягкой, и это шло ей невероятно. Сидящая напротив женщина на глазах преображалась из стремительной Алины в прекрасную и спокойную Анну.

– Не просто здесь были, – ответил я. – Вы были здесь *счастливы*.

– А Алеша?

– Вы же сами видите. Он привык к этому дому.

– Хорошо, расскажите все с самого начала! – она улыбнулась мне ободряюще, но это была скорее улыбка доктора, предназначенная строптивому пациенту. – Похоже, мне действительно лучше знать все.

Пришлось рассказывать. Слушала она очень внимательно, время от времени задавая наводящие вопросы. А когда повествование подошло к концу, вздохнула и подвела итог:

– Не знаю, что и сказать. Как врач я должна была бы потребовать у вас справку о психическом здоровье, но вам ее никто не даст. Наоборот, вновь упекут в клинику. Зато как женщина я умираю от любопытства. Мне так хочется быть счастливой, что я готова безоговорочно вам верить. Вы – хороший человек, даже если вы сумасшедший. Или особенно если вы сумасшедший. Вы мне нравитесь, чего я не могу сказать ни об одном другом мужчине. Беда только в том, что мне никто не нужен, кроме Алеши. Нам с ним привычно так жить, и изменить это невозможно. Вот почему я не могу вас ничем обнадежить, иначе вам будет трудно перенести разочарование.

Словно нарочно в кухню вошел Алеша. Подошел к маме и устроился у нее на коленях, показывая, что не собирается оставлять нас одних.

– Нам пора! – тихо сказала Алина. – Прощайте!

Когда за ними закрылась дверь, показалось на мгновение, что захлопнулись врата в другое измерение. Оно жадно поглотило самых дорогих моему сердцу людей, и уже никогда не отпустит их обратно. От этой мысли стало так грустно, что, сделав очередное неловкое движение, я почти не ощутил боли.

Но предаваться скорби долго не получилось: зазвенел дверной звонок. В прихожую влетела запыхавшаяся Алина.

– Послушайте, я так и не сделала вам укол!

– Неважно, – ответил я. – Вы же прекрасно знаете, что я не буду обнажать при вас определенную часть тела.

– Предпочитаете страдать? – поинтересовалась она с иронией.

– Нет, конечно. Завтра утром вызову медсестру.

– Ладно, как знаете! – она вышла на лестничную клетку и спросила уже оттуда: – И вы даже не попросите у меня номер телефона?

– Не говорите глупостей! – крикнул я ей вслед. – Он есть у моей секретарши, следовательно, есть и у меня.

– И правда! – согласилась она. Затем вновь вошла в прихожую и взглянула на меня своим насмешливым взглядом.

– Почему вы вернулись? – спросил я нежно.

– Это все ваша Анна! Она не дала мне уехать! – ответила Алина.

Даже на каблуках она еле доставала мне до подбородка, поэтому ей пришлось встать на цыпочки, чтобы чмокнуть меня в щеку. Исполнив это провокационное действие, Алина сразу же скрылась за дверью. Судя по звонкому смеху, рассыпавшемуся по лестничной клетке, настроение у нее было превосходное. У меня, впрочем, тоже. Похоже, это моя судьба – любить именно таких женщин, ярких и стремительных.

Кто знает, может, я действительно сумасшедший?

Армин Кыомяги

Тишина

Анду сидел за своим обшарпанным письменным столом и занимался… Впрочем, ничем он не занимался. Желтоватый пучок света от настольной лампы падал на руки. Анду и так, и сяк вертел ими. Это были руки мужчины лет пятидесяти. Анду попытался вспомнить свой возраст. Кажется, что-то вроде пятидесяти двух-трех. Примерно так.

Вот уже несколько месяцев как он безвылазно сидит в своей комнате. Похоже, жена и дети начали к этому привыкать. Время от времени дети обращались к нему, в ответ Анду едва слышно бормотал что-то невнятное. Как правило, после этого продолжения не следовало. Изредка к Анду в комнату заходила жена и спрашивала, не хочет ли он есть. В последний раз это случилось примерно дней шесть тому назад. Анду не откликнулся, молча листал справочник пресноводных рыб и даже не повернулся к стоящей на пороге жене. Глянув на его обтянутую свитером спину, жена через пару секунд пожала плечами и удалилась…

Анду прислушался. В квартире, похоже, было все как всегда. Ни один звук не нарушал привычной тишины. Только за детьми и женой закрылась дверь, как утренняя суматоха улеглась. Жена отправилась на работу, парень в университет, а дочь на какие-то курсы. Оставшись в одиночестве, Анду встал и пошел поискать, чем бы заморить червячка. Иногда Анду мылся. Одежду почти не менял. Уже который день никто из домочадцев не пробовал выйти с ним на контакт. У Анду возникла мысль. Вернее, вопрос. Может, он уже и не нужен им?

А нуждается ли в них Анду? Ответить он не смог. И вообще, осознают они присутствие в доме Анду, когда смотрят по телику

свои пустые передачи и наперегонки, словно соревнуясь, перекидываются шаблонными комментариями? Или когда по средам утром, как малые дети, цапаются за право первым почитать свежий номер глянцевого журнала? Нет, должно быть, они все же уверены в существовании Анду. Ведь Анду всегда держит свою дверь приоткрытой. Ровно настолько, чтобы с дивана в гостиной была видна его спина в темно-зеленом свитере. Они знают, что Анду дома. Просто он вроде отшельника уединился в своей комнате. И сидит там много недель.

Анду осознавал, что ему больше не нравится дома. Ему не нравится его жена и ему не нравятся его дети. Они казались какими-то нелепыми. И вся их дерготня была какой-то пустой. Разговоры бессодержательными. Анду никак не мог понять, в чем смысл их существования. Хотелось убраться подальше. Хотелось тишины. Тишина – великое чувство. В тишине становится очевидным, что вся эта суета – от бессилия и не имеет никакого смысла. Ибо если б суета обладала настоящей силой, она давно бы задушила тишину. Но тишина никуда не девается. Разумеется, не все слышат ее. Анду мечтал о тишине. Причем не о временной, что наступала с уходом семейства и исчезала с ее возвращением, а о постоянной. Ему хотелось полностью погрузиться в тишину. Взять и уйти из дома Анду не мог. Не то чтобы испытывал трудности с выбором, куда идти. Нет. Просто он хотел уйти незаметно. Без шума и воплей вслед. Хотя он вовсе и не был уверен, что реакцией на его уход будут вопли, но тем не менее. На всякий случай. Он хотел тихо уйти в тишину.

Как-то вечером Анду листал книгу о восковых фигурах. На картинках – королевские династии, знаменитые актеры, политики и бог знает кто еще. Все очень достоверные, в натуральную величину. Анду пришло в голову найти такого мастера и заказать свою восковую фигуру. В сидячей позе. С чуть сутулой спиной. Именно так Анду представлял себя со стороны.

Его заказ выполнили и восковую фигуру доставили. Анду посадил ее на свой стул. Фигура с интересом уставилась на лежащий перед ней журнал для рыболовов. Анду стянул с себя засаленный свитер, покрытые пятнами штаны и одел фигуру. В одном нижнем белье он с порога комнаты взглянул на нее. Затем уселся

на диван и снова поглядел. Затем пошел на кухню и по пути искоса бросил взгляд в направлении своей комнаты. Анду остался доволен. Очень доволен.

В тот вечер входная дверь отворилась в обычное время, впустив в квартиру щебет жены и детей. Они были так заняты обсуждением пестрых дневных дел, что не заметили, как в щель закрывающейся за ними двери безмолвно скользнул чей-то силуэт. А через приоткрытую в комнату Анду дверь они привычно видели спину в темно-зеленом свитере, и их покой ничем не был нарушен.

Перевод с эстонского Веры Прохоровой

Таллинн

Ованес Азнаурян

Вероника

Вероника привыкла считать себя одинокой, но не делала из этого трагедии, просто свыклась с этой мыслью и только плакала иногда по вечерам, когда напивалась, но это случалось нечасто. Она считала себя сильной, но именно в эти минуты или часы алкогольного опьянения она жалела себя, проклинала свою одинокую судьбу, и поэтому плакала. Вероника была красивая, и вовсе нельзя было сказать, что ей тридцать лет… У нее были белокурые волосы, серо-голубые глаза, она была высокой, у нее были длинные стройные ноги, на нее оглядывались, когда она проплывала по улице, как хорошая белая яхта, ей уступали дорогу машины, но она была одинока. У нее время от времени бывали мужчины, она отдавалась им страстно и всецело, но они все потом куда-то исчезали и больше никогда не возвращались, и она привыкла думать, что ее жизнь всегда будет состоять из этих коротких встреч, случайных знакомств, что она не в состоянии задержать ни одного мужчины. А почему они уходили от нее, она не знала и не понимала (ведь все они говорили, что она лучшая из всех!).

У нее не было постоянной работы. И это можно было назвать настоящим невезением. Если у Вероники оказывался начальник-мужчина, то он первым делом предлагал ей переспать с ним; если была начальник-женщина, то всегда завидовала ее красоте, ее манере одеваться, ее свободным взглядам, умению оригинально мыслить, и в конечном итоге Вероника всегда оказывалась без работы… Очень часто бывало так, что деньги заканчивались, и она сидела без куска хлеба, но потом что-то появлялось, а значит, можно было б еще пожить немного и еще немного понадеяться на то, что скоро что-то попадется на-

стоящее… Когда у Вероники не бывало работы, и она оставалась дома, она думала о сексе, а потом мастурбировала, а потом плакала и думала о том, что ей хочется настоящего мужчину, потом напивалась…

Вероника снимала однокомнатную квартиру в не очень дорогой части города, и каждый раз, когда не бывало денег, чтоб заплатить за очередной месяц, она ехала к своей подруге одолжить денег. Так было и в тот день. Вероника приняла душ, оделась и вышла на залитую солнцем жаркую летнюю улицу. Она думала о том, что хорошо бы было, если б мужа подруги не оказалось дома, потому что при нем неудобно будет просить взаймы, к тому же с мужем этим однажды вышел неприятный инцидент, когда подруга уехала на две недели в Австрию по делам своей фирмы. Он пришел к ней, к Веронике, и предложил заняться сексом, за что обещал заплатить ей большие деньги; Вероника выгнала его и обещала обо всем рассказать подруге, но так ничего и не рассказала, может быть, пожалев ее…

Теперь она шла к своей подруге пешком – денег на автобус не было – и замечала, что прохожие мужчины останавливаются и смотрят на нее, и ей это нравилось и сердило одновременно, и она думала о том, что все эти мужчины любуются ею, но не знают, как она одинока и несчастна. Еще она думала, что если б она захотела, у нее было бы много любовников, но Вероника не хотела так. Она хотела найти любовь; она хотела, чтоб у нее была семья, она хотела иметь детей…

Подруга обрадовалась, увидев ее.

– Как хорошо, что ты пришла! – сказала она.– А я думала, что весь день буду скучать… Алика-то нет. Он уехал по делам – вечно у него дела в воскресенье!

– Валь, мне нужны деньги. За деньгами-то я и пришла… Мне завтра расплачиваться за квартиру. Ты сможешь одолжить мне денег? Я верну, ты же знаешь…

– Да, конечно, дурочка, и не надо смотреть на меня такими скорбными глазами! Деньги всегда можно достать…

Вероника не стала спорить, потому что знала, что у Вали никогда бы не было денег, если б не было Алика, потому что, в отличие от нее, Вероники, Валя никогда не могла работать, не умела…

Вероника дала себя потащить в комнату и села на диван перед журнальным столиком.

– Как у тебя дела?– спросила Валя. Она выглядела очень помолодевшей, веселой, довольной своей жизнью, и Вероника подумала, что Алик хорошо смотрит за своей женой.

– Сама видишь, – ответила Вероника. – Меня вытурили с работы, потому что я выплеснула свой холодный чай в лицо своей начальницы. Даже не заплатили за то, что я заработала в этот месяц… Поэтому мне теперь и приходится просить у тебя взаймы…

– Да перестань ты говорить о деньгах, давай поговорим о другом! – сказала Валя. Вероника же подумала, что обеспеченные, или просто богатые, всегда твердят, что не любят говорить о деньгах, а на самом деле они не любят говорить о чужих деньгах (если, конечно, их не больше, чем у них); о своих же деньгах они говорят всегда с большой охотой и гордостью. Валя продолжала: – У Алика новый очень выгодный контракт. Теперь наш доход вырос вдвое, правда, многое съедают налоги, но нам повезло с этим контрактом… – Валя включила телевизор и предложила выпить по бокальчику. Вероника не смела отказаться, думая, что это ее плата за то, что она просит денег взаймы. «Должна же я отработать те деньги, которые мне даст Валя! Вот она теперь и измывается надо мной, – подумала она. – Вернее, я скрашиваю ее одиночество. Чтоб ей не было скучно».

Валя принесла бутылку мартини, бутылку пшеничной водки, маслины, лед, лимон, который она тут же на глазах у Вероники разрезала пополам.

– Повеселимся? – в глазах Вали вспыхнули искорки и брызнули веселым бенгальским огнем на Веронику.

– Давай.

Сделали себе коктейль: мартини пополам с водкой, положили в бокалы по две маслины, выжали каждая свою половину лимона.

– Выпьем за удачу, – сказала Валя. Вероника не стала спорить, и они выпили.

По телевизору показывали розыгрыш какой-то лотереи. Люди что-то выигрывали, их поздравляли, играла какая-то глупая и ненужная музыка… Вероника и Валя опять выпили.

– У тебя так и не появился никто? – спросила подруга.

– Нет…

– А куда делся тот… Ну, который у тебя был три месяца назад? Забыла его имя.

– Не знаю, – ответила Вероника. – Уехал. У меня все или приезжие, или наши, но такие, которые скоро должны уехать. Такие вот дела…

– Но ты не расстраивайся, слышишь? У тебя все получится! – сказала Валя, но таким тоном, что Вероника поняла: Валя сама не верит своим словам…

Потом они опять выпили, потом по телевизору кто-то выиграл миллион долларов. Диктор так закричал, что Вероника чуть не уронила свой бокал:

– Выиграл номер 23252364…

– Везет некоторым, – сказала Вероника. – Мне бы миллион долларов! Я бы знала, на что потратить этот миллион…

Когда стемнело, Вероника собралась уходить. В голове уже основательно гудело от мартини, во рту был какой-то металлический привкус от лимона и маслин, и еще страшно хотелось есть. Взяв у Вали деньги, Вероника вышла на улицу. Было душно, дул сильный ветер, где-то очень далеко на черном небе сверкали молнии. Должна была взорваться гроза, и Вероника пошла быстрее. Если заплатить за квартиру, думала она, еще останется денег, чтоб жить еще полмесяца. За эти полмесяца нужно будет постараться что-то найти. Что-то совсем простое, если никому не нужно твое знание трех иностранных языков и диплом дизайнера-мастера… Да, что-нибудь очень простое. И Вероника вспомнила, что вчера на дверях какого-то магазина она прочла объявление: «Требуется продавщица 25-35 лет приятной наружности…». Вот-вот. Завтра пойду в этот магазин…

Гроза началась, когда до дома оставалось пройти всего лишь половину улицы и пересечь парк. Вероника сняла туфли и побежала. Ветер захлестал ей в лицо большими тяжелыми каплями дождя, а в небе все чаще заблестели молнии, и потом громыхал гром. Она бежала, сопротивляясь порыву ветра и задыхаясь от бега, и сердце, казалось, сейчас выскочит из груди, и она почувствовала, что начинает мерзнуть, хотя на дворе был месяц август… Вскоре одежда Вероники стала

совсем мокрой, и теперь ветер дул не в лицо, а бил в спину, словно подгонял куда-то, и Вероника побежала еще быстрее. И тут в зыбком желтом свете фонаря в парке она увидела какую-то бумажку под скамейкой. Она остановилась и нагнулась за бумажкой: какой-то лотерейный билет. Вероника подошла поближе к фонарю: господи, да это же из того розыгрыша, который она смотрела по телевизору у Вали! Это невозможно, но номер Веронике показался знакомым… Что прокричал диктор? «Номер 23252364…». А что дальше? Какая последняя цифра была?! На билетике, что Вероника нашла, было написано: #232523647. Да это же тот! Тот выигравший номер! Один миллион долларов! Вероника стояла под фонарем в парке у скамейки под проливным дождем в каком-то оцепенении, а потом заплакала, и ноги у нее стали подкашиваться, и ей пришлось опереться о скамейку. Она плакала громко, протяжно, не пытаясь сдерживать себя, а дождь поливал ее волосы, промывал лицо, растворяя соль слез, неудержимо катящихся с глаз… Когда она снова смогла ходить, она, уже не спеша, пошла в сторону дома. Дождь все еще шел – правда, немного поутих, как будто, но Веронике больше не было холодно. Этого не может быть, думала она, сжимая в руке счастливый лотерейный билет. Чтоб так повезло! А интересно, кто потерял билет? Кто этот «счастливый»? Ладно, не думай об этом. Подумай лучше… Господи, да это невозможно!

И Вероника стала мечтать. Она мечтала, когда еще шла по темному парку, она мечтала, когда вышла снова на улицу, она мечтала, когда заходила в темный подъезд своего дома, когда поднималась по крутым лестницам на 4 этаж, и впервые в жизни не посчитала количество ступенек…

Вероника мечтала о том, что завтра же с утра пойдет получать свой выигрыш и оттуда прямо поедет (на такси, на такси!) к Вале и вернет долг. О, как удивится она! Вероника теперь рассмеялась, представив себе лицо подруги, но она, Вероника, ничего объяснять ей не станет, а потом… Потом… Как-то трудно было решить, что она сделает с выигрышем потом, и ей вспомнились свои же собственные слова: «Мне бы миллион долларов! Я бы знала, на что потратить этот мил-

лион…». Но теперь она не знала… Но потом она закричала, закричала изо всех сил, громко, сильно, но в уме, бесшумно, и ее никто не мог услышать:

– Я уеду из этого города! Я уеду из этой страны! Далеко! К морю! И куплю дом! Большой белый дом на берегу моря! И там меня никто не достанет! И я буду свободна! И я встречу там своего мужа, и мы будем жить у меня дома! И у нас будут дети! И я буду петь для них, я буду играть для них на рояле! Я куплю маленький белый кабинетный рояль! Я куплю все книги, которые хочу купить, но не могу… Куплю все возможные записи «Роллингов» и «Битлов», куплю всего Гершвина и всю Эллу Фицджеральд! Всего Азнавура и всю Эдит Пиаф! Куплю машину и научусь водить! Я буду готовить вкусные завтраки для мужа и детей, и потом мы пойдем на пляж и будем плавать в море…

Когда она открывала дверь своим ключом, она подумала: «А что если это не тот билет! Ведь я не помню последней цифры. Диктор закричал: #23252364… И я не помню, не расслышала последней цифры…». Она включила свет в прихожей, снова прочла номер на своем билетике: 232523647.

Через час по телевизору по второй программе должны были показывать повтор розыгрыша лотереи «Счастливый случай» для тех, кто не успел посмотреть ее по первой программе в прямом эфире. Вероника решила посмотреть повтор, хотя теперь уже не сомневалась, что один миллион долларов выиграла именно она… Она, конечно, она!

Вероника разделась, приняла душ – все же она окоченела под дождем, – потом включила телевизор, принесла из кухни хлеб, сыр, вино, села на пол перед телевизором и стала ждать. И вот передача началась, и Вероника почувствовала, как волнение, появившееся где-то у живота, постепенно поднимается вверх и потом сдавливает горло, так что хлеб с сыром уже невозможно стало глотать без основательного глотка вина… А потом Вероника уже не могла ни есть, ни пить и только закурила сигарету, и зажала в руке помятый «счастливый» выигрышный билет. Вот уже наступило время, и Вероника приготовилась услышать слова, подтверждающие ее право на счастье под номером, совпадающим с номером билета…

Она отчетливо услышала взволнованный крик, вернее, возглас ведущего:

– И один миллион долларов выигрывает номер 232523646!!! Фантастика! Мы поздравляем счастливого обладателя билета #232523646!

Вероника оцепенела. Что говорил дальше ведущий, она уже не слышала. Она лишь опустила глаза на найденный ею в парке под проливным дождем билет. На нем было написано: #232523647… Ведущий вместо последней цифры «7», прокричал «6»…

Вероника встала с пола, стряхнула с себя хлебные крошки, выключила телевизор, пошла, легла на диван, потом выключила торшер… Стало очень тихо и очень темно. И гроза на улице уже прекратилась, и слышно было лишь, как далеко проезжают машины и шипят колесами по мокрому асфальту. Вероника лежала так минуты две, потом в темноте повернулась на живот, уткнулась лицом в подушку и заскулила. Жалостливо и долго, как потерявшийся щенок.

Ереван

Валерий Сухарев

Заблудший бес

* * *

Е. Ж.

я принес тебе как-то изрядно дикий букет сирени и ты его
назвала веником а я – букетом дикой сирени и волшебство
произошло и твои слова потерялись в нем с минуту и я был рад
что нам в тот счастливый день хватило и на вино и на шоколад

малые промельки пятилапые ты искала и находила не съев в нем
и гудел нефтяной по окрасу майский жук пусть и не над столом
но в душах наших или за окном где каштан раскланивался тебе
а я просто слышал шепоток крови твоей в моей странной судьбе

если б не ты я смог бы тогда многих услать в заречье где
даже жабы бульб не пускают камыш не бормочет и на стылой воде
что-то ненужное плавает вроде грезы принцессы без лебедя а его
как и ее там и не было никогда но сны уже верили в волшебство

и это не чары и не заемная удаль былых подруг моих
и твоих друзей
и не что там в жизни еще бывает и не заунывный гул голосов
пицциевых площадей
с цокотом лошадей это что-то сродни пространству в пространстве
и чайник кипел
и свистал и сковородка бурчала а ты еще обнимала подушку
вместо меня а я успел

тебя с утренней ленцой и теплом щеки но это читатель никогда
не узнает и хорошо
зачем ему раз эти строфы тебе а не анониму и как замечательно
воскресать нагишом
после совместных снов не друг о друге но о мало ли чем
и ты всегда что-то такое
мне sub rosa шептала и я расправлял нашу жизнь
не торопливой как ты просила рукой

* * *

осенью когда сзади бор у чужой реки
и дымится туман как тепло из форточки
и его привидения стоят как обелиски
понимаешь навзничь легши что близко

и что далеко тело трусливо стократ
ежится точно губка а там сто ватт
с того а этот – ты на траве лежишь и
слушаешь их голоса молчаливые крыты

сетками лодки что-то в воде плещется
падший мир не из спилберга но мерещится
даже с тройным крестом и хомовым кругом
как наступает за пядью пядь ахающая округа

эти лесные га ночные звуки и всплески воды
кто там дышит и ходит на коже твоей следы
и на сетчатке вот оставляя может там и твоя
поступь была я слушаю небо зрачками кроя

как полотно ножницы этот матовый твид без
ворсинки звезды и то не какой-то заблудший бес
но другое и не говори о нем никому только мне
елико я там лежу и ты в душе никого более нет

* * *

А. Б.

это были плохие картины и их формат
напоминал окна примитив почти лубок
глядел я на них и затылок чесал стократ
по диагонали глядел а потом поперек

кот ходил по балкону вибриссы гнул и
страдал от вида ласточек и голубей
а те бормотали свои извечные гули в ауле
и роняли белила и кот был что чичисбей

«это было в провинции в страшной глуши…»
я наблюдал глафир с кастрюлями наперевес
словно на коромысле играл рок-н-ролл от души
и стремился к тебе как к ангелу верткий бес

теперь расстояние как протянутая рука
со свойствами телескопа но не разглядеть
за давностью лет милого облика огонька
в притаенном окне только мелкая медь

прощальной фонетики звенит в ушах я сделал
шаг и не один но остался Одином в своей Валгалле
ходил наматывая круги и в итоге добрел до предела
одиночества что может финальнее быть? в финале –

летняя Лета угрюмый песок похоронные стоны Харона
схрон где нет клада диахрония времени легкий взмах
парео над бедром в мурашках и затоптанным пляжем оно
время трачено мошкарой и ракушки сохнут в руках

твой город крохотный словно пирожное безе меня съел
в каком-то кафе на площади где ты и нашла меня с бородой
седеющей быстрее чем желтела листва я что-то все же успел
тебе подарить а потом точно нежную тварь сам себя на убой

повел и тебя как свидетеля этого страха с собой прихватил
ты то пела то плакала а то меняла наряды словно весна
с осенью обручилась а мир как и был оставался дебил
но эта мука любви оставалась нашей и была эта мука ясна

нашим глазливым душам эфир переполнен случайными
темами
о непонятно каких материях что мы с тобой обсудить смогли б
но не успели в твоих краях падают груши а в моих взвывают
метели
и бессонные ночи растут что бурьян в огороде или атомный гриб

* * *

10 августа, 9:24

поредевшая за удушливое лето листва рыжеет и ржавеет
что судно шелушатся борта сурик стал коричневым а потом
никаким или миазмом бывшего цвета и уже осень на тонких ножках
крадется вдоль склонов где деревa еще бушуют под ветром

но все стоит жара как сумасшедший цельсий с идиотским блеском
в бессонных глазах и орлиным профилем можно купив мороженое
заплыть за волнорез и утопнуть разглядывая пучеглазым взором
мидии и водоросли и дули рапанов и нехорошую медузу и ноги

бурлящей эти воды девушки чья попа похожа на две подушки для
злых левреток с алчными глазами вдалеке полощется глиссер круги
наматывая все очень бессмысленно и громко прощальные крики
утопающих из владивостока взявших лишку заглушаемы криками
не мхатовских чаек которые всем осточертели дай хлеба дай хлеба

пятиалтынное солнышко гримасы делает люд плещется и радуется
безобразные дети кривыми ртами поедают валовой запас кукурузы
в отсутствие приватных удобств народ пополняет соленость моря
и гоношится листва без дождя и нечем дышать прощай август густой

как палитра плохого художника пишущего марины
или портреты
никому не известных придурков с хуже чем у пикассо лицами
и лишним
глазом на заднице здравствуй сентябрь с твоей вечерней
прохладой
и разговорами кошек на дорогих капотах чужих автомобилей

Тина Арсеньева

Стихи к Грузии

1. Кавказ

И небо скрылось, свившись как свиток…

Откровение, гл. 6

Когда наутро Ангел спросит выспренне:
«Что слышно на Земле?» – отвечу: «Выстрелы», –
Так доложу, застукана с поличным
В паршивом кафетерии столичном:
Вмените мне чириканье пичуги,
Неспешный кофе, – то, что не в кольчуге,
Не в гимнастерке, не в бронежилете
Крутой глотаю вар, как весть о лете,
И заскорузлой кровью на пилотке,
Увы, не присыхает кофе к глотке.

А все ведь знаешь сам, фельдъегерь огненный:
Синклит ваш над Балканами не обмер,
Ниже – ни даже! – над Обетованной
Землей, во чреве неба в мясо рваной, –
Вы честно, даже к избранным без скидки,
На небосклоне, как на долгом свитке,
Писали – ведь у вас пера несчетно –
Реестр немногих, кто подставил щеку:
Чтоб, льна не загасив, не стронув струга,
Свернуть сей манускрипт, и очень туго…

Тот день – не день, когда мы все в бессильи,
В заходах шестикрылой эскадрильи
Пытаясь вжаться кубиками смальты, –
Больней, чем с пулей в теле об асфальты,
Поймем в палящем неотступном свете:
Мы – одного Отца больные дети.
Так что ж ты жжешь меня зрачками, Вестник?
Пытаешь, как там мой грузинский сверстник?..
О горном ли селеньи, взятом с бою?
О той Тамар, что ввысь ушла с тобою?..

2. Центр циклона

Олегу Соколову

Кесарю – подати, Господу – жертва,
Городу – вольности, нрав и закон,
Дабы сумели железные жерла
Плюнуть в миндальные очи икон.

Правды не вылучить нам из навета,
Слушая свару в окрестных домах;
Тесно мы сбились вкруг пятнышка света
Лампы настольной в садовых потьмах.

Честно сбиваемся с мысли в толоке
Мнений, которым не сыщешь порук…
Нас обложили: не свары и склоки
Ныне – локальные войны вокруг.

Здесь еще пуль не роями, и кровля
Если щербатая, ветхость виной.
Память о том, что здесь ветхо и кровно,
Нам не отшибло взрывною волной.

Рдяный стакан, стихотворная нетля…
Войны по кругу раскинули сеть –
Словно вкруг горла прилажена петля,
Пьем, говорим и пытаемся петь.

Сонмы светил, как всегда, терпеливы
К язвам земли, нанесенным в бреду.
Где они, мирные наши оливы?..
Клонит нас в сон в Гефсиманском саду.

3. Порознь

Опять фитиль готовит канонир –
Как знать, во славу или в поношенье?
Чужие войны – расширяют мир;
Своя война – сужает до траншеи.

Чужая брань – и ты уже вдвоем,
Вся даль меж вами – взмах крыла зарницы;
Постигнешь, сколь вместилось в окоем
Имен и сколь обманчивы границы,

И как неодолим один предел,
Его же не перейдеши – служенью
Без лести предан древний винодел,
Приставленный к народному броженью.

В кровавом научении: курным –
Сиятельных, уделы неделимы! –
Каким многоголосием стальным
Гремят *роскошной Грузии долины*!

От громов стальногласных далеки,
Мы, имена твердя пред образами,
Бесславней к сердцу вскинутой руки
Властителя с блудливыми глазами,

Хваленую на торжище броню
Клянем, ропща, как нива под стрельбою, –
Но кто нас продал оптом, на корню?
И, в корне, в чем наш грех перед собою?..

4. Вне зоны

Крепкий из хребтов становых
Перешиблен плевом огня…
Нету здесь у нас боевых
Действий – и поймешь ли меня?..

С неба не снаряда – грозы
Жду; ненарушимы мосты;
Не людской – но кровью лозы
Сладко залипают персты…

Может, это сон наяву –
То, что брешь у мира в корме, –
Ведь с чего бы мне, на плаву,
Нагонять Юпитер во тьме?..

Но луна, висяща в ногах,
Попеняла, в гневе красна:
«На одних твой дом берегах
С очагом, где тлеет война».

Нынче мне – трезвоны тропы
В горькой сорняковой гульбе,
И междоусобной толпы
Горький стон набатный – тебе:

Он таков, что вечного льда
В силах стронуть панцирь с вершин!
Нам не в знак ли – ваша беда,
Если так похоже грешим…

5. Искус

О, мания!..
М. Ц.

То – преисподней мразь, на человеков сеть;
Безумной Грете в зад – твое перо:
«Абхазия, абхазь! Осетия, осеть!»? –
Семидесятый год, как… и – зеро.

Рот крепко мне зашей, сургуч прижми к тесьме
И не взыщи словесной панацеи:
Источник барышей – стенанья на письме,
Покуда псалмопевец не в прицеле.

Артиллеристы, кто вам дал приказ?..
В сумятице узнать не суждено.
Который год волнуется Кавказ,
И солоно грузинское вино;

В нем приворот для русской есть души,
Коль демоны сих мест ей так любезны, –
Не тот ли Зверь, исчадье здешней бездны,
Похмельно изрыгнул огонь в тиши?..

Седым вершинам бес вошел в ребро –
Сровнять могилы: кто высок и прав,
Не докопаться, и ревет: «Зеро!» –
Игрок, счета истории поправ.

6. Источник

Памяти Булата Окуджавы

Нас грезой любви не томил соловей,
Но тот из певцов и кутил,
Который в стремнину кавказских кровей
Смоленские звезды впустил.

Который знавал благородную цель,
Не жаловал в храмах менял,
Хоть, правда, с креста новогоднюю ель
Ничтоже сумняшеся снял;

Но спел он – как русский? грузин? армянин?.. –
Одним лишь помянь: человек, –
В тоске однозвучных почтовых равнин
Изгнаньями спаянный век.

Зарока не ведал певец от тюрьмы
И видел, как бьют по своим;
Попал в тот обвал, в коем выжили мы,
А думали – прочно стоим.

И детям теперь не сложней, чем юнцам –
Арбатским дворянам его…
Но, мертвых предав хоронить мертвецам,
Спроси-ка: живым каково?

Родным пепелищам отдашь ли поклон,
Приняв как подарок судьбы:
«Пал город великий, погиб Вавилон!» –
И, стало быть, спрос на гробы!..

Каким искушеньям арбатская честь
Подверглась в искомом раю?..
На холмах – усобицы кровная месть
И *дети Арбата* в строю.

Не слышно баллады в колодце двора,
Не видно и нужды в певцах.
Не мы ли отринули наше «вчера»
И слали проклятья в сердцах?..

Ольга Проніна

Спів журливий

* * *

Бурхливий світ, чого ти вартий,
Коли смерть лиха над чолом.
Поставиш все життя на карту,
А потім сльози ллєш струмком.

Здається все таким маленьким,
Коли людина по той бік
Цього життя встає навшпиньки,
Щоб зазирнути в смертний лик.

І серцем тягнеться до Бога,
Душею – в простір зоряний.
А тіло тут, наче небога,
Неначе пасинок сумний.

Чого ж ти плачеш, світ жахливий,
Чому ти стогнеш в каятті?
То пошук щастя неможливий
Стискає серце в самоті.

Але ж не плач, день новий прийде,
Всміхнеться сонце за вікном.
Неначе сніг брудний сум зійде,
І ти зігрієшься добром.

* * *

Ранковий промінь лагідний, сп'янілий
Торкнувся ніжно до мого кохання,
Почувши в небесах мій спів журливий,
Що з серця йшов із вечора до рання.

Той промінь зорь сріблястих мерехтіння
Зібрав в долоні і з'єднав з вітрами.
Приніс на землю зоряне насіння,
Щоби любов зростала поміж нами.

І дивовижний неба подарунок
В тремтливім серці таємно розквіта.
Але чому жаданий поцілунок
Твій – так опалив гіркотою вуста?

* * *

Я наодинці зі своїм чеканням.
Нікого поруч. Тільки тиша і ніч.
Та зоряного неба коливання.
Із самотністю своєю віч-на-віч.

І думки набігають, наче хвилі,
Одна на одну. Немов струна, тремтить
Сльоза на віях. Твої очі милі
Завжди зі мною. І кожна твоя мить

Мене хвилює. Я тебе чекаю.
Крізь віддаль. Крізь самотність. Крізь безсоння.
Окрім тебе нікого не шукаю.
Є тільки ти – єдина моя доня.

* * *

Краплинкою впаду я на твої долоні,
Солоною сльозою проллюся в майбуття.
Я питиму любов в солодкому полоні,
Не відчувая болю, журби та каяття.

Проміння золоті з зірок на землю ллються,
Чудова ніч кохання дарує забуття.
Із джерела любові твої ласки п'ються,
Даючи серцю радість й чарівні почуття.

Ми живемо тоді, коли кохаєм щиро,
Тому ж не пожалій мені пестощів жарких.
Єднання наших душ, піднявшися над миром,
Засвітиться, засяє в просторах зоряних.

Єдиний мій, тобою тепер я жити буду.
Твій подих хочу чути вночі насамперед.
Очей твоїх журбу, тягар гріхів та бруду –
Все змиє та очистить моїх цілунків мед.

* * *

Тебе я кожну мить чекаю.
Та згадую про те, як жили.
І тихо Господа благаю –
Діждатися, щоб стало сили.

А тиша навкруги такая,
Що чутно, як зірки шепочуть.
І не торкне сльоза сумная
Мої сухі безсонні очі.

Хоч ти далеко, я з тобою
У час нічний веду розмову,
І думки топчуться юрбою,
До тебе линуть знов і знову.

Навкруги тихо, і чекання
Наче завмерло у всесвіті.
Дитя моє, лише кохання
Дарує зміст усьому в світі.

Игорь Геращенко

Не книжные псалмы

* * *

Карине Шрагиной-Кац

Мы заблудились в чьих-то снах
среди чужих дорог.
Ни в километрах, ни в годах
не исчислим наш срок.

Нас не найти, не потерять
никто б уже не смог.
Нас повторить и воссоздать
не в силах даже Бог.

Мы – сгусток пламени свечей
в подсвечниках судьбы.
На страже страждущих ночей
стоим – ее рабы.

Где есть начало, там – конец
в *Законе Бытия*…
Где мать есть, должен быть отец.
Где ты, там есть и я…

Всё очень внятно, если знать
не книжные псалмы,
а то, что мы – и есть та *Знать Для
Нищенской Сумы.*

Чтоб стать счастливыми с тобой,
нам надо просто быть,
не воздымаясь над судьбой,
по морю мира плыть.

Модуль жизни

– Вы не видели здесь рыжего слона?
– Нет, у меня язва есть… желудка.
– А давайте выпьем-ка вина?
– Разве в том и ваша есть вина,
что слоны ведут себя так жутко?
– У меня есть рубль…
– Вот так раз!
Я ведь, милый мой, не пальцем делан.
– Знайте, что слоны пьют кофе смело.
– Тихий вечер нынче… Я – Эраст.
– Солнечное утро, правда ваша!
Я куплю себе автомобиль.
– Лучше самолетом возить каши,
как лекарство против язвы. Это – стиль!
– А куда слоны теперь летают?
– Крупные – налево, мелочь – прямо.
– Вижу по глазам – у вас есть мама!
– Вся семья поет у нас, играет…
– Бог меня послал…
– И не волнуйтесь!
– Как-то страшно мне и холодно…
– Обуйтесь!
Может, скушаете ложечку говна?
– ?..
– Ну, тогда поджарим рыжего слона!

* * *

Звуки,
суки,
на лету
разрывают пустоту!
Воет ведьма-пустота,
что теперь она «не та»,
что ее уж не боятся
под наркозом злых вибраций.
Как проклятье,
децибелы –
глуховатые пострелы –
ритмы-сваи сунут смело
тишине меж ножек белых…
Разорвалась
чистота,
зародилась
су-е-та!
Переломанный *брейк-данс*[*]
(что за *манс*?!)[**]
тишине лишь бросил шанс
на баланс.
Под иконами
лампады
трусят бедрами
ламбаду[***],
храм трясется от порога
под мозолями у Бога!
Звуки,
суки,
на лету
в тяж вогнали пустоту!

* Брейк-данс – танцевальный стиль.
** Манс – короткий рассказ, анекдот (евр.), выбрык (разг.).
*** Ламбада – латиноамериканский танец.

Майя Димерли

Музыка

Сергей Терентьев исполняет Моцарта

Рояль распахнут. Мириады мотыльков
Взметнулись ввысь, в заоблачные дали,
Где астры никогда не увядали
С рожденья до скончания веков.

И нас наполнил яблок ароматных
Медовый свет, счастливый и беспечный,
Где все парит, где невесомы плечи,
И нет к невежеству путей обратных.

Играет мальчик, песенку бормочет
И улыбается неведомо чему.
Он точно помнит то, что этой ночью
С заоблачных высот одна к нему

Спустилась Муза Музыки, его
Волос коснулась нежною рукою:
«Играй, мой мальчик. Знай, всегда с тобою
Лишь Музыка. Но больше ничего.

Так ты поймешь, откуда эта боль
Среди веселых, чистых, нежных нот.
Ты вписан в Книгу Вечности как тот,
Кто извлекал из каждой ноты соль».

Зима

И. Бараневич

Зима грунтует Брейгелю холсты
По доброй памяти,
Перемежая снежные пласты
Пластами наледи,
Мороз салфеткой кружевной прильнул к стеклу
И выронил из зябких рук иглу,
Которою колол больное сердце, –
Тогда казалось:
Больше не согреться,
Нас не касалась
Нежная Луна,
Всё суета! Во всем ее вина…
Слепец ведет слепца, а милый друг – подругу,
То в пропасть, то тропой причудливой по кругу,
Вослед идет мороз салфеткой кружевной,
Из зябких рук он выронил гобой,
Которым наполнял кристальный воздух,
Под эти звуки в небе зрели звезды,
И каждый знал, что значит – быть собой…
Закрой глаза. В промозглой Мастерской
Работает всю ночь и день-деньской,
Не покладая вечно зябких рук,
Твой самый лучший, самый лучший друг!
Лишь для того, что их полюбишь ты,
Зима грунтует Брейгелю холсты!

Різдво

Різдво, мов казка,
Наче сон солодкий,
В якому всі прокинулись,
Мов вперше…

Там лев в волові очі зазира
Та бачить в них
Самісіньку любов,
Там кіт та вовчик сірий –
Файні друзі,
Лисиця та курча
Зібрались разом,
Щоб пісню
Дітям малим заспівати…
І людство, і тварини,
Як насправді,
Одне і те ж
Живе душі створіння.
І тануть їх серця
Одне за одним
У теплім полум'ї
Різдвяної зорі…

* * *

Н.С. Мухидиновой, моей тете

Улыбчивый барашек
В саду читает сказки.
Из облака кудряшек
Глядят с восторгом глазки –
Из сказки звезды светят
Сквозь самый Млечный Путь…
Он даже не заметил,
Когда успел уснуть
И поднялся на Небо
По Млечному Пути.
Он раньше в Небе не был,
Но как тут не зайти?
Спит маленький дурашка,
Свой сон глядит до дна:
Созвездие Барашка

В созвездие Овна
Внезапно превратилось,
И он пропел тебе
Мой длинный стих красивым
Коротким словом: «Бе-е-е…»

Влада Ильинская

Перспектива потопа

бонни и клайд

ты сидишь в темноте и размеренно крутишь глобус.
я закуриваю сигарету, включаю свет.
это просто такая игра, чтоб развеять злобу…
говоришь: «доигрались, мы снова летим в европу.
ну, поехали зарабатывать на билет».
на часах половина восьмого, уже светает,
очень холодно в тоненьких курточках на ветру.
я стараюсь не думать вообще о горячем чае,
ты – забыть обо всех судимостях за плечами
и уверенно так расстегиваешь кобуру.
через пару часов в терминале мелькают в штатском
мы сжимаемся в точку и смешиваемся с толпой.
и пока мы все еще вертимся в этом танце,
никакие боги не вынудят нас расстаться,
никакие пули не вынудят нас расстаться…
я с тобой, мой любимый,
с тобой я,
с тобой,
с тобой…

30 шекелей

так, как ветер вздымает новые паруса,
так, как воздухом наполняется парашют, –

он стремился ворваться в сказочный райский сад,
забывая о том, что сначала положен суд.

а когда над каналом свешивалась луна,
ему снился тот, кто однажды его спасет…
убиенных своих нашептывал имена,
забывая о том, что за это представят счет.

только утро всегда приносило такую муть,
что простить себя никаких не хватало сил…
день за днем проходил он тот же порочный путь,
забывая, о чем недавно еще просил.

день за днем, постигая суть своего стыда,
он скитался по миру, прячась от пустоты…
правда, даже самые мудрые города
забывали о нем, не успев от шагов остыть.

а когда, наконец, случился тот самый суд,
и спаситель ему представил тот самый счет,
тридцать шекелей – знал он – точно его спасут,
тридцать шекелей – это мелочь, Искариот.

* * *

в сплошное полотно сливаются пути,
срывается состав с последнего маршрута.
не спрашивай меня, хочу ли я спастись…
пролистываю жизнь минута за минутой:
пытала тишиной, свистела соловьем,
то улыбаясь нам, то пробегая мимо,
мы грелись, как в мехах, в дыхании ее
и верили всерьез, что мы неуязвимы.
нам даже удалось не выжить из ума
под сапогами тех, кого пустили в душу…
но ветер остывал, и близилась зима,

и мы в своих домах не знали,
что снаружи сквозь горы и леса, поля и города,
сквозь суету витрин и тротуаров кротость –
по рельсам ледяным несутся поезда,
и черная звезда им освещает пропасть.

* * *

перспектива потопа – страшней самого потопа,
потому что, когда ты стоишь на краю обрыва,
вспоминается весь твой скупой бесполезный опыт:
от рождения и до сегодняшнего прилива.
перспектива потопа – страшней самого потопа,
потому что, когда ты спускаешься к океану,
из глубин его слышится древний манящий шепот,
приглашающий то ли в пекло, то ли в нирвану…
перспектива потопа – страшней самого потопа,
потому что, когда потоп набирает темпы,
ты ложишься спиной на поверхность его потока
и легко утопаешь в пучине его контемпа*…

* Контемп (англ. contemporary) – направление современного танца, сочетающее хореографические методики западного и восточного искусства движения.

«Море талантов» Одессы 2014

В этом году в рамках второго Корнейчуковского фестиваля состоялся уже третий одесский детский литературный конкурс «Море талантов», организованный Агентством регионального развития при поддержке Одесского областного совета. В нем приняло участие более 400 работ юных авторов Одесской области и регионов Украины. Лучшие произведения вошли в одноименный альманах. Сочиняя на заданные темы, ребята попробовали фантазировать, смотреть на мир через призму поэзии. И это у них получилось. По-своему взглянула на мир Валерия Зарицкая, увидев прекрасное в повседневном. Юлия Байда на примере одесского кота исследовала, что же главное для одессита. И пришла к выводу – родной город! Максим Толстиков сравнил Одессу с невестой, образно рассказав о ее наряде. Ксения Горева философски исследует переход из детства в юность, бесстрашно совершая полет во «время больших ожиданий». Анна Новицкая рисует импрессионистическую картину прожитого дня, составляя калейдоскоп чувств и эмоций настоящего, прошлого и будущего. Александр Шкурдзе зовет нас в романтическую страну, куда идет его поезд мечты. Ярослава Шатайло дарит лирику родного края. А Владимир Толстиков показывает Александру Сергеевичу Пушкину современную Одессу.

Во всех произведениях, отобранных в альманах, есть искра творчества, без чего не существует литература. Изучая мир, отражая его через грани своей души, мы создаем то, что интересно читать другим, открывая новые миры. Читая стихотворения, мы больше узнаем друг о друге и становимся лучше, чище, добрее. И конечно, большая заслуга в творческом росте, который, безусловно, заметен в третьем сборнике «Море талантов», наставников, преподавателей. Именно

они своим словом, советом помогают ребятам выбрать путь, научиться владеть словом и правильно выразить то, что хочется сказать миру.

Инна Ищук

Валерия Зарицкая, 9 лет, Одесский учебно-воспитательный комплекс № 292 «Дошкольное учебное заведение – специализированная школа I степени с углубленным изучением английского языка»

Всё, что так люблю…

Подари мне, мама, волшебные очки,
Чтобы видеть в небе звезды-маячки.
Спят мои подружки, и друзья все спят,
Только в небе звезды яркие горят…

Тишиной и лаской город весь укрыт,
А на лавке зайка кем-то позабыт,
Но придет хозяйка поутру за ним –
Будет зайка снова весел и любим.

Поутру Одесса снова зашумит –
На плите наш чайник громко засвистит.
Выпью чаю крепкого и пойду гулять,
И стихи про город снова сочинять…

В зоопарке

Сижу на скамеечке в парке,
Сегодня июль и так жарко…
И слон загрустил в зоопарке,
На улице пыльно и парко…
В ларьке я куплю холодной воды,
Не дам я слону грустить от жары.

В Одесу приходить осінь…

У місто приходить осінь –
Вітер холодний дме.
В Одесу приходить осінь –
Ранок віри не йме.

Вечір та присмак солі –
У моря я знов в полоні,
Де павутинка долі
Тріпоче в моїй долоні.

Знову клекоче море –
В скроню сонця цілунок.
У небі яскраві зорі –
Всесвіту подарунок.

Вдихаю повітря міста.
Одеса – чарівний світ!
Дарую тобі намисто
Любові й надії цвіт!

Юлия Байда, 12 лет, Одесский УВК «Гимназия № 7»

Одесский кот

Однажды жил в Одессе кот –
Огромный рыжий обормот.
Любил он вкусненько поесть,
У холодильника присесть.
Он кошкам говорил всегда:
«Для одессита всё – еда!»
Но как-то в мае на заре
Пел песни он в чужом дворе,
И кошка дивной красоты
Смогла с ума его свести.

Подумав, кот сказал тогда:
«Для одессита всё – жена!»
Решил кот подвиг совершить –
На лодке море переплыть.
Компа́с и карту взял с собой,
Исчез наш кот в дали морской.
Земля в бинокль не видна:
«Для одессита всё – вода!»
Ведь, если ты – одесский кот,
Ты – капитан, ты – мореход.
Пусть шторм бушует и ревет,
Но твой девиз: «Всегда вперед!».
Не страшен гром, девятый вал:
«Для одессита всё – штурвал!»
Огромный белый теплоход
В одесский порт заводит кот.
Два года, бороздя моря,
Мечтал вернуться он сюда,
По старому двору скучал:
«Для одессита всё – причал!»
А дома ждет кота жена
И вся пушистая родня.
Во двор родной герой идет,
Бульвар в цвету, душа поет!
Вернулся блудный сын домой,
В Одессу – главный город свой!

Мама болеет

Мама тихонько спит.
Время крадется кошкой.
Вечность в себе хранит,
Прыгает на окошко.
С мамой сижу, храня
Снов ее покрывала.
Сколько раз ты меня

Солнышком называла.
Руку твою возьму,
Сердце теплом согрею,
Тебя, родная, люблю,
Значит, помочь сумею.
Сегодня я вместе с тобой,
Стану светом в оконце,
Взорвусь сверхновой звездой,
Ярким пылающим солнцем!
Свет победит, спеша,
Ворвется любви симфония,
Вспорхнет птица-душа,
Присядет у изголовья.
Я ни секунды не жду
И сотворю планету.
Из света лучей сплету
И звонкого смеха лета.
И на рассвете с тобой
Руки-крылья расправим
И за чертою одной
Все беды свои оставим.
Ты рядом. Отступит стужа,
Исчезнут пески разлуки.
Вселенную тихо кружат
Мамины нежные руки…

Максим Толстиков, 8 лет, Одесская общеобразовательная школа № 55 I-III ступеней Одесского городского совета Одесской области, литературный кружок «Живое слово»

Моя Одесса, ты – невеста!

Моя родная Одесса
Красива, словно невеста!
Она в огоньках сверкает.
В гости к себе приглашает.

Корона из яркого солнца,
На ветках-запястьях кольца,
На платье каштаны-брошки,
Акаций белых сережки!
Длинные волосы-волны
Она с ветерком распустила
И, словно заколку, кораблик
По синей пряди пустила.
Я – одессит, и мой город –
Лучший на всем белом свете!
Весел, открыт и молод.
Мы – города нашего дети!

Диктант

Мы пишем диктант об Одессе.
А скоро каникулы наши,
И ветка березки, как в песне,
В окно класса ласково машет.
Учитель диктует не быстро,
А я засмотрелся на небо…
Там яркою маленькой искрой
Мелькнул самолет, будто не был.
Пишу я слова, словно стайки,
И строчки, как волны, гуляют,
А в них запятые, как чайки,
К морю меня приглашают…

Ксения Горева, 13 лет, Одесская гимназия № 5

Время больших ожиданий

Не прошло еще милое детство,
Юность чувствами новыми манит.

Пусть порой и бывает мне грустно,
Но ничто глубоко так не ранит.

Чтоб развеять печали, хватает
Ветра с моря и солнца всегда.
И обида не оставляет
Ни на сердце, ни в мыслях следа.

Жду, что жизнь мне откроет тайны,
Жду не самой, но главной роли.
Пусть успехи не будут случайны,
Нестерпимой не будет боли.

Победит и тоску, и усталость,
Убежденность, что жизнь не бесцельна.
Жду, что мной овладеет радость
Оглушающе, безраздельно.

А пока почти все возможно,
Нет ни страха, ни расстояний.
Хорошо, но чуть-чуть тревожно
Жить во время больших ожиданий.

Анна Новицкая, 18 лет, студентка 3 курса Одесского национального политехнического университета

* * *

Дождь – по стеклам, шины – по лужам.
Догорают мои сентябри.
Если тебе октябрь так нужен,
Ты не спрашивай – забери.

Забери и надень, как пальто.
Или закутайся, как в одеяло.
Время есть сделать что-то не то.
Время есть, но его слишком мало.

Ведь скоро в твои октябри,
Наполненные листопадом,
Снова ворвутся дожди
Нестройным безликим стадом.

И ты снова захочешь стужи,
Поскорее – в свои декабри.
Ну, тебе октябрь еще нужен?
Так не спрашивай – забери.

* * *

В наши души – пули. Насквозь.
А может быть – просто ветер?..
Мы снова то вместе, то врозь
Доверяем слепо приметам.

Сверху – дождь, а снизу – лужи.
Слева – огонь, а справа – вода.
Этот город – он тоже простужен,
Эхом оседает на провода.

И обреченно сгорает вечер.
На небе звезды – как стразы,
Или далекие свечи.
Ночь шепчет что-то бессвязно.

Когда у нее не хватит слов,
Неизбежно настанет рассвет,
И мы ощутить сможем вновь
Всю нелепость и глупость примет.

Александр Шкурдзе, 15 лет, ученик 9 класса школы-интерната № 6

* * *

Мой поезд не ушел –
Гудит он там вдали.
Прожектор в клочья рвет
Кромешной тьмы завесу.
Я жду. В руках билет
На самый край земли.
И, может, у окна
Достанется мне место.
Там, на краю земли,
Ждет парусник меня.
Стоит на рейде он,
И бриз полощет флаги.
Когда взойду на борт,
Поднимут якоря.
А там она… Да ладно!
Мне не занимать отваги…
Я на платформе жду.
Безлюдно. Ни огня.
Вот слышу: провода
Запели страшно грустно.
Но расписанье врет,
Ему не до меня.
И поезд пролетел,
В лицо швыряя мусор.
Попутные ветра
Мой парусник зовут.
На лавочке сижу
В другом конце планеты.
Мой поезд не ушел –
Прибудет как-нибудь.
Но пустят ли меня
С просроченным билетом?

Ярослава Шатайло, с. Пужайкове Балтського району, НВК «Пужайківська ЗОШ І-ІІІ ст. – ДНЗ, студія «Романтики»

Дівчина – Весна

Сонце усміхається мінливо,
Тихо прокидається земля,
І ступає так сором'язливо
Молоденька дівчина – Весна.

Ще холодний вітер гонить хмари,
Ще мороз вночі щіпа зірки,
Але вже зима, немов примара,
Обернулась у дзвінкі струмки.

І оте дівча стрункe, вродливе,
Що не раз оспіване в піснях,
Засміялось дзвінко, наче диво,
Міцно вже трималось на ногах.

Те дівча, що звалося Весною,
Буйним цвітом запалило кров
Всім живим. І принесло з собою
Щастя, сміх та пристрасну любов.

Там, на лузі, забуяли трави,
А від сну прокинулись ліси.
Там від світанкової заграви
Ніжно сяють крапельки роси.

Незабаром вже розквітнуть квіти,
Килимами вкриється земля.
І Весні птахи будуть радіти,
І всьому тепер радію я.

А недавно принесла сорока
Новину на довгому хвості –
Що мені ось-ось шістнадцять років,
Мабуть, як тій дівчині – Весні.

Доля

Натомлений день, і стомлені мамині руки,
І сон вже стікає краплинами з маминих вій.
Ох, як же не хочу я тої тяжкої розлуки,
А сонце загравою плине за сонний обрій.

Прийду я додому і сяду отак на порозі,
Погляну у небо, у зоряну темну блакить.
Подумати тільки, вже скоро в дорослій дорозі
Я буду сама свою доленьку-долю творить.

Поради спитаю в своєї рідненької мами:
А як же мені у житті ту дорогу знайти?
Вона пригорне мене ніжно своїми руками:
Ех, доню, так важко її віднайти…

І ми так сидітимем, мама тихенько зітхає.
А я між зірок все шукатиму долю свою –
А може, вона мене теж десь шукає,
А я все думки небесам віддаю, віддаю…

Владимир Толстиков, 15 лет, Одесская общеобразовательная школа № 55 I-III ступеней Одесского городского совета Одесской области, литературный кружок «Живое слово»

Памятник А.С. Пушкину на улице Пушкинской в Одессе

Моет Пушкина улицу
Майский дождь озорной.
Пушкин ею любуется
И ее мостовой.
Выгнув спину брусчаткою
Под потоком с небес,
Как дельфиньими спинами
Мокрый камень воскрес.
Нет уж пыли клубящейся,
Той, что видел поэт.
В ярких окнах искрящихся
Электрический свет…
Всё Европой по-прежнему
Дышит, веет на ней,
Дополняясь в гармонии
Красотою церквей.
Погляди с ликованием,
Как прекрасна она!
Если верить преданиям,
Дышит здесь старина.
Оглянись, удивишься!
За спиною музей –
Словно ты возвратишься
В век кипящих страстей,
Где красавицы знатные,
Дуэлянты, балы
И мундиры парадные,
Цепи и кандалы…
Иль пойдем, прогуляемся?

Что нам дождь – веселей!
Не беда, что без зонтика,
Ты же с тростью своей!
Разодетый, как щеголь,
Молодой, озорной,
Ходит Пушкин по Пушкинской,
Отдыхает душой.

«Один за всех и все за одного»

Евгений Голубовский:

– Убежден, что когда в семье Кохрихтов родился мальчик Феликс, никто и не осознавал, что родился он в 5700 году. Это была если не военная, то государственная тайна. Положено было говорить: родился на 22 году Великой Октябрьской социалистической революции (ВОСр). Но у времени, как и у монетки, две стороны – орел и решка. Наступил день, когда годовщины ВОСр отмечают только очень избранные товарищи, а господа очнулись и вспомнили, что Адама Господь сотворил 5775 лет тому назад. И именно поэтому наш друг, мистик Феликс Кохрихт, может считать себя счастливейшим человеком, он дожил до числа, которое читается по-еврейски справа налево, и по-русски – слева направо, и при этом ему и так и так – все те же 75 лет!

Олег Губарь:

– Тут вот какая штука. 75 – это дата, не кот начхал. И надо бы с подобающей патетикой, с надлежащим пафосом. Но Феликс – наш старый товарищ, близкий человек, и ваять монументалку нам как-то уж совсем не с руки, и даже против приличий многолетней дружбы. Придется нам с вами выходить из этого затруднительного положения – простым доверительным разговором, обменом личными впечатлениями, да и только. Думаю, так будет правильнее.

Начать хочется с того, что представляется наиболее важным: с дружбы. Феликс нередко цитирует любимых литературных героев, в частности, благородного Атоса. Мне тоже памятен один пассаж этого мушкетера – уже и не упомню,

Татьяна Вербицкая и Феликс Кохрихт – опытные путешественники
Снимок сделан на Родосе неизвестным погонщиком ослов весной 2013 года

в одной ли из экранизаций знаменитого романа он прозвучал, оригинальная ли это цитата из Дюма. Атос накануне опасного предприятия говорит примерно следующее: «Умереть среди друзей… Что может быть ценнее для мужчины… Кому охота остаться последним у непочатой бутылки…». В этом для меня заключено кредо приличного человека. И дело не только в том, что один за всех и все за одного. Это понятно априори. Суть в том, *с кем* дружить, с кем встретить опасность, с кем стоять плечом к плечу до последнего часа.

Евгений Голубовский:

– Раз мы уже обратились к литературе, я вспомню еще одну книгу, которой мы все когда-то зачитывались. Это «Три товарища» Эриха Марии Ремарка. Книги нас не учили, но все равно мы кое-что в них запоминали, и это помогало жить. Даже 75 лет.

«Дни рождения тягостно отражаются на душевном состоянии. Особенно с утра».

А разве забудешь такой совет на всю жизнь: «Принципы надо нарушать, а то какое же от них удовольствие?»?

А я могу положа руку на сердце сказать, что наш юбиляр проживает жизнь с удовольствием. В окружении любимой жены, замечательной коллекции и котов, в конце концов.

Олег Губарь:

– Сложилось так, что в нашей триаде энергичный Феликс часто выступал той инициирующей силой, во многом благодаря которой формировались очень серьезные пролонгированные культурологические проекты. Достаточно вспомнить первый региональный иллюстрированный журнал «Одесса», не говоря уже о нашем любимом «Одесском альманахе», по существу толстом и поистине универсальном журнале – литературно-художественном, историко-краеведческом, искусствоведческом и проч.

Евгений Голубовский:

– У Феликса была хорошая школа. В «Знамени коммунизма» он работал вместе с интересными журналистами, в частности, с обаятельным, но строгим Павлом Рейциным. Тот не писал пропагандистские статьи, а только увлекался цирком. Феликс работал в секретариате и писал о культуре, а в соавторстве с Алешей Ивановым – и о спорте. Но навыки руководителя он приобрел в «Слове». Не нужно забывать, что газета не только учила, но и зачастую уводила в сторону от призвания. Кохрихт ведь начинал как тонкий психологически точный прозаик. Вот поэтому с такой радостью и в «Одессе», и в «Дерибасовской – Ришельевской» он следит за равновесностью – истории, литературы, культуры и даже юмора.

Олег Губарь:

– Для Феликса характерна деликатность, толерантность. Разумеется, за долгие годы нашей совместной работы мы многажды спорили по разным поводам, включая и подходы к отбору и размещению авторских материалов. Но всегда приходили к консенсусу, в чем его немалая заслуга.

Евгений Голубовский:

– Это уже дается не газетным опытом, а человеческой культурой. Феликс любит старую живопись и авангард, Феликс с одинаковым благоговением относится к игре Святослава Рихтера, Сергея Терентьева, Алексея Ботвинова и к балету-модерн, наконец к джазу, у истоков воскрешения которого он стоял в нашем городе.

Это не всеядность. Это мудрость, дающая возможность быть толерантным, уживчивым.

И еще. Есть люди, которые с возрастом перестают понимать молодых. Это о ком угодно, но не о нем. Он ведь был одним из создателей Одесского центра современного искусства. Вспомни, как он сегодня поддерживает Стаса Жалобнюка, Степана Рябченко, Оксану Спиндовскую, Альбину Ялозу, Сашу Кадзевич. Их молодость – залог его долголетия и физического, и нравственного, и морального.

А какими влюбленными глазами он смотрит на Ивана Липтугу! Он чувствует в нем продолжателя своего дела.

Олег Губарь:

– Многолетнее общение с Феликсом и с вами, представителями поколения «детей войны», людьми с мощным нравственным стержнем, трудно переоценить. Вы никогда меня навязчиво не воспитывали, но вдохновляли, опосредованно учили, что называется, личным примером. В этом общении я всегда получал бонусы, поощрения, энергетическую подпитку, уверенность в собственных силах, неизменное твердое дружеское участие, ощущал плечом плечо.

Во мне теперь всегда присутствует ощущение того, что мы правильно живем, что никакие обстоятельства не своротят нас

с этого пути и не совратят. Вы и Феликс для меня уже далеко не в первую голову коллеги, а скорее «моя броня и кровная родня».

Евгений Голубовский:

– Так и хочется вспомнить строку Булата Окуджавы: «Давайте говорить друг другу комплименты…». А если всерьез – доброе слово и кошке приятно (про кошку – специально для Феликса), когда же, как не в годовщину, не в праздничный день позволить себе не ехидничать, не подначивать, а сказать правду, сказать доброе слово. А почему это правда? А если бы было иначе, разве смогли бы мы два десятка лет работать вместе? И вспомни – ни разу не поругались, ни разу черная кошка (вновь для Феликса) не пробежала между нами.

Кстати, о котах и кошках. Я не сентиментальный человек, но когда я вижу, как Феликс с Таней ежедневно выносят еду уличным животным, как разговаривают с ними, что-то в сердце екает.

Олег Губарь:

– А еще Феликс любит улыбчиво, с хитрецой цитировать Швейка. Сегодня – это выход. Все мы, втроем, заядлые активисты Клуба городских сумасшедших. И, как вы говорите, в это сумасшедшее время только в нашем клубе можно чувствовать себя нормальным человеком.

Евгений Голубовский:

– Ты мне напомнил, что начинал свой жизненный путь Феликс в психбольнице, после медицинского училища, фельдшером. Уж кто-кто, а он повидал жизнь с изнанки. И поэтому так хочет внести в жизнь добро. До 120 лет ему осталось еще 45, зрелых, мудрых. Пусть проживет их так же достойно! Ну, и мы с ним.

Иван Липтуга:

«Но всех троих тревожила молодость и неопытность д'Артаньяна.

– Нас будет трое, из которых один раненый, а скажут, что нас было четверо.

– Да, но отступить!.. – воскликнул Портос.

– Это невозможно, – сказал Атос.

Д'Артаньян понял причину их нерешительности.

– Милостивые государи, – сказал он, – испытайте меня, и клянусь вам честью, что я не уйду с этого места, если мы будем побеждены!»

– Иногда случается так, что твоим настоящим другом становится совершенно не твой сверстник, и вообще человек, вроде бы далекий от твоих интересов и круга общения. Он появляется случайно и ненавязчиво, как будто кто-то его специально направил к тебе, чтоб выполнить важную миссию. Этот человек становится не просто другом, но учителем, наставником и отчасти совестью. Между нами с Феликсом сорок лет, два поколения, – ровно столько, сколько понадобилось Моисею, чтоб освободить евреев от рабства и сделать их свободными. Так и Феликс, обладая тайным знанием, мудростью, деликатностью, толерантностью, тонким чувством прекрасного в сочетании с железной хваткой титана, – связывает разные поколения.

Я благодарен судьбе за эту дружбу!

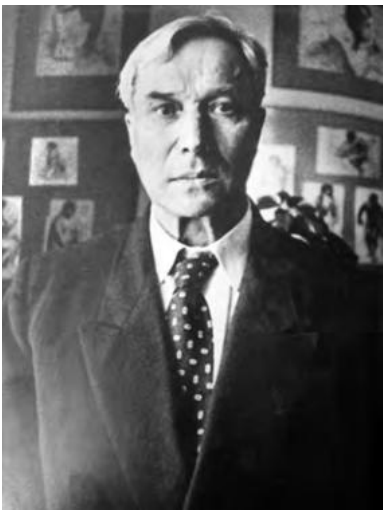
Елена Пастернак

Действующее лицо

Разбирая письма, те самые, которые шли в Переделкино из разных стран от разных людей в страшные месяцы (с октября 1958 года до смерти Бориса Леонидовича), мы не могли не понимать, что это неизученное, вторичное наследие сейчас приобретает особенное звучание. По этим письмам можно следить за тонкими нитями, составляющими текст истории. Как известно, основное эпистолярное наследие Пастернака практически полностью издано, профессионально исследовано и откомментировано. Переписка с Цветаевой, Рильке, родителями и сестрами, с Ариадной Эфрон, с Шаламовым, Ренатой Швейцер, грузинами – «большая переписка Пастернака» давно и по праву воспринимается как бесценный материал, свидетельствующий о его характере в работе и повседневности, отношениях с людьми, жизнью и смертью. Отношение его к архивам, записным книжкам, бумагам вообще известно. Это мешало жить, засоряло жизнь, как и лишние вещи, предметы, загружающие пространство, от которых он с настойчивой легкостью избавлялся.

Корреспонденция – это совсем иное дело, поскольку в письмах звучат живые голоса людей, которые о чем-то просят, сожалеют, рассказывают. О совершенной отзывчивости (эмоциональной и действенной) Пастернака-адресата хорошо известно. Мы знаем и о том особенном ожидании писем в последний период жизни практического запрета на работу и почти полной изоляции. На калитке дачи висел обычный почтовый ящик, почту в Переделкино носили утром, иногда письма бросали в ящик, а заказные почтальонша приносила прямо в дом. Разноцветные конверты не выцвели, и теперь по адресам отправителей ясно, что большин-

ство писем приходило от европейских читателей, некоторые шли из Америки, чаще всего письма написаны по-немецки, по-английски и по-французски, очень редкие письма из Европы написаны по-русски.

На обороте многих конвертов рукой Пастернака простым карандашом написано «Отвечено», иногда в двух строчках он резюмировал письма, с тем чтобы вернуться к ним при необходимости, или в случае если они были глупы и бессодержательны, больше к ним не прикасаться. Например: «Интересно пишет об истории России», или: «Задает вопросы о роли искусства в истории». Есть пометки вроде: «Чушь. Не отвечать». Есть и конверты с пустыми оборотами.

Очевидно, что многие корреспонденты выражали Пастернаку сочувствие по поводу травли поэта, последовавшей за присуждением ему Нобелевской премии в 1958 году. Многие авторы искренне предлагали ему и его семье свой дом. Некоторые задавали вопросы о сосуществовании поэзии и власти, о способах сопротивления тоталитарной власти, о христианстве, войне и мире.

Переписку Пастернака последних полутора лет жизни не следует считать исключительно отвлечением от постигшего его горя, напротив, это была работа, возможность услышать разные голоса мира и отвечать им.

В человеке – собеседнике или корреспонденте – Пастернаку важнее всего прочего было услышать его голос не изолированно, но вплетенным в общий контекст времени. Он был особенно чувствителен к ходу времени и человеку как части истории, помещенному в определенную эпоху. Именно этот аспект был чрезвычайно важен, на этом было заострено его внимание более, нежели на событиях повседневной фактуры или умозрительных

беседах. Один из последних текстов, написанных Пастернаком, свидетельствует о том, что это положение было центральным в кругу экзистенциальных вопросов, затрагивавших его при любых обстоятельствах. В 1959 году, отвечая на вопрос «Что такое человек?», заданный писателям разных стран западногерманским журналом, Пастернак писал об исторической функции человека:

«Человек – действующее лицо. Он герой постановки, которая называется «история», или «историческое существование». Разумеется, эти слова не следует понимать как некое пренебрежение категорией воли человека, скорее как его включенность волей высших сил в сам ход истории в роли действующего лица.

При чтении писем так же, как и при чтении прозы Пастернака, стоит помнить и о том, какое значение придавалось им совпадению, которому нередко сообщался смысл знамения, как будто некоего оклика сверху. На совпадениях построены многие сюжетно-смысловые линии ранней прозы Пастернака и романа «Доктор Живаго». В повседневности он прислушивался к совпадениям и никогда не трактовал их как случайное стечение обстоятельств.

Об одном из многочисленных писем, полученных Пастернаком в тяжелый период, последовавший за его исключением из Союза писателей, очень точно названный Л.К. Чуковской «страстной неделей Пастернака», хочется рассказать отдельно. Именно это письмо представляется наилучшим образцом отклика на два упомянутых выше положения его мировоззрения.

Это письмо пришло из Австрии в конце ноября 1958 года и, как множество подобных писем, содержит отклик на роман «Доктор Живаго» и историю с Нобелевской премией. Автор ни о чем не просит, не анализирует и ничего не предлагает, в отличие от большинства иностранных корреспондентов. Он попросту осмеливается рассказать о некоторых обстоятельствах своей жизни, справедливо полагая, что некоторые совпадения могут тронуть Пастернака, находящегося в изоляции от мира.

Письмо написано от руки, несколько ученическим русским языком, впрочем, вполне профессиональным для философа и переводчика русской литературы. Заглавия некоторых немецких сочинений мы перевели на русский язык и сочли нужным исправить незначительные орфографические ошибки и, кроме

того, внести две купюры – в тех местах, где излагается подробная библиография авторских сочинений на немецком языке. Авторская стилистика, синтаксис и пунктуация сохраняются.

Вена, 5 ноября 1958 г.

Дорогой Борис Леонидович!

Вы воспитывались в Поварской гимназистом и описали Ваши переживания в стихах. Там же я был подвержен хирургической операции на раненном колене в январе 1915 г. военнопленным. Может быть, я лежал в том же классе второго этажа, что Вы учились? Теперь меня сильно трогают Ваши переживания советским писателем. Хочется мне Вам это выразить несколькими строками, хотя и на не чересчур порядочном русском языке и мною любимом. Вернулся я в Австрию в 1920 г. после побега в Японию, учился я тоже в Марбургском университете у Наторпа, кроме того, у Николая Гартманна (русского происхождения), Мартина Гайдеггера и др. Еще студентом я публиковал первые мои переводы из русской литературы, а именно «Сон смешного человека» и «Записки из подполья» Достоевского, «Зимние сонеты» Вячеслава Иванова, да и юношескую книгу «Idee und Wirtlichkeit. Dostojewsky, Russland und Wir» («Идеи и действительность. Достоевский, Россия и мы»), которая упомянута в статье о Д. 1-го издания «Советской энциклопедии». Великим русским поэтом и пророком я уже стал было заниматься в Омской крепости, где еще стояли такие же палисады, которые он описует в «Записках из мертвого дома». «Белые ночи» и «Хозяйку» мне пришлось также перевести в «Библиотеке Рэклам» 1928 г. Из новых русских писателей несколько рассказов Александра Яковлева и роман «Победитель», да я состоял об этом с автором в переписке.

Сам я писал о своих переживаниях в России книгу «Heimat, dein Wille geschehe!» («Родина, да свершится воля твоя!»), где и находится описание Вашей гимназии в Москве, и пр. Никогда я не забуду лето 1919 г. в сибирской тайге, именно лесоработником под «Столбами» близ Красноярска, рисунок которых я недавно нашел в «Советской энциклопедии», местность романтическая и красивая, которую я очень хотел бы еще увидеть. Там же я и встретил одного русского поэта, который мне говорил стихи

на нашу вечную тему: «Человек одинок». Близ Читы до моего побега мне пришлось чуть-чуть не быть сожранным волками, после того как один белобородый ссыльный на льду реки Ингоды мне сказал незабываемые слова (на мой вопрос, есть ли волки на моем пути): «Волк – это человек…».

Это все только, чтобы Вы смогли узнать, что и как я, может быть, вправе Вас теперь назвать своим братом в особенном смысле.

Читал я только те из Ваших произведений, которые нашлись в библиотеке Австро-Советского общества в Вене. Ваш перевод нашего «Фауста» был послан из Москвы по моему заказу. Он велик, и особенно в тех его частях, где сам поэт уже чувственно состарился и исполнял, кажется, свой план только еще из внутреннего натиска поэтической обязанности оставить своему народу и человечеству грандиозную поэму не незаконченной. Ваш перевод дает эти части омоложенными, так что я, немец по происхождению и убеждению, чувствую к Вам глубокую благодарность за ту любовь, с которой Вы смогли так сочувственно переводить.

Вы теперь стали великим символом человечности во всемирной литературе. Стойте на месте Вашей судьбы и победите! Я сочувствую статье некоего Estiemble «Un home seul parmi les siens» («Одинокий человек среди своих») в «Le Monde» от 4-го сего месяца, от которой мне пришло на ум к Вам написать дружеское письмо. Я уж в феврале с. г. писал было о Вас статью в венскую газету «Die Presse», но хоть и принята она была письменно и гонорирована, но редакция как-то потом не решилась ее публиковать.

Верьте мне, высокопочитаемый Борис Леонидович, так называемый многими пропагандистами «свободный мир», по моим переживаниям как австрийского публициста и литератора, не свободнее советского во многих отношениях. На бирже этичности самоотверженное убеждение здесь не имеет более высокого курса, чем в Москве, только оно подавляется многими методами!

<….> В 1954 году я был удостоен прейсом на работу о культурных реформах Австрийской академии наук, и хотя я был политическим пленником Гестапо в Минце, в концентрационном лагере Дахау, а потом и в американском GJC от 1943 до 1946 г. и разведен с моей семьей за свои политические убеждения <…> Да, это прав-

да, Борис Леонидович, человек один! И «Волк сам человек!», особенно когда он многое говорит о «свободе мысли», имея в мысли только денежный успех и ложный шум скрибентов… Ваша судьба меня не только затрагивает, но и поддерживает! Будем спокойны! История ходит своей дорогой, характерами гуманными и в то же время сильными. Жму Вашу руку!

Dr Konrad Praxmarer

Приведенное письмо, содержащее по-немецки подробную профессиональную характеристику и слегка застенчивый рассказ о событиях жизни, соответствующих драматическому ходу всей первой половины двадцатого века, поистине замечательно. В нем отчасти зеркально отражаются события юности и молодости самого Пастернака (гимназия на Поварской, Марбургская философская школа), отчасти – события из романа «Доктор Живаго» (побег из плена, разлад с семьей). Но при первом же прочтении наиболее пронзительно озаряет понимание того, как сильно первые строчки письма резонируют со стихотворением Пастернака 1941 года «Старый парк»:

…Раненому врач в халате
Промывал вчерашний шов.
Вдруг больной узнал в палате
Друга детства, дом отцов.

Вновь он в этом старом парке.
Заморозки по утрам,
И когда кладут припарки,
Плачут стекла первых рам.

В письме повторяются многие детали – ранение в ногу, хирургическая операция, холодные окна, в которые смотрит раненный солдат, оказавшийся в госпитале, развернутом в старом просторном здании, и вопрошающий судьбу, почему именно сюда его занесла война.

Автор этого письма – Конрад Праксмарер, критик и историк культуры, много печатавшийся до второй мировой войны.

В Европе его помнят как исследователя творчества Достоевского. Некоторые его работы активно цитируются и сейчас, в особенности монография «Idee und Wirklichkeit» («Идеи и действительность»), упомянутая в письме. Он прожил долгую жизнь. Точное пересечение линий его судьбы с существенными моментами биографии Пастернака, открывшееся нам из единственного письма, придает особенное звучание этой жизни, всему ее опыту и мировоззрению. Дальнейшая нелегкая задача исследователя состоит в поисках ответа на это письмо, возможно, хранящегося в частных архивах.

Москва

Евгений Голубовский, Евгений Деменок

Возникли очертания одесской Атлантиды

В культурной жизни города вроде бы нет недостатка в выходе книг, премьерах спектаклей, открытии выставок, проведении фестивалей. И все же События, а я намеренно пишу это слово сейчас с большой буквы, случаются нечасто. Событием для Одессы был показ коллекции американского миллиардера Арманда Хаммера в 70-е годы прошлого века, как в 1909-1910 годах Событиями были Салоны Издебского. Нам несказанно повезло, мы стали свидетелями, зрителями, соучастниками еще одного События – выставки в Музее современного искусства Одессы коллекции Первого одесского авангарда, исчезнувшей и возродившейся, как Феникс из пепла.

Мы стали свидетелями чуда. Но это рукотворное чудо бы не произошло, если б не упорное, настойчивое желание владельца коллекции МСИО Вадима Мороховского, директора МСИО Семена Кантора и его команды.

Но, впрочем, обо всем этом следует рассказать по порядку.

Если бы нас спросили, кто за последнее десятилетие внес наибольший вклад в понимание процесса становления искусства в Одессе, мы без сомнения назвали бы двух израильтян – Якова Перемена и Лесю Войскун. Я. Перемен умер, не дождавшись этой благодарной памяти, но у нас есть возможность установить мемориальную доску на Преображенской, 41, где он открыл магазин «Культура», а плодотворно работающая искусствовед Леся Войскун достойна звания «почетный одессит». И первое, и второе начинание под силу Всемирному клубу одесситов.

Древние утверждали, что книги имеют свою судьбу. Картины, коллекции также. Не всегда благоприятную, но… бывают чудеса.

22 апреля 2010 года треть коллекции Якова Перемена (86 работ, среди которых лучшие картины Т. Фраермана, А. Нюренберга,

С. Фазини) были выставлены на продажу на аукционе «Сотбис» в Нью-Йорке. Цена в наши кризисные времена была немалая. И все же за 1 миллион 987 тысяч долларов три украинских коллекционера – Борис Фуксман, Андрей Адамовский и Александр Сусленский – купили эту коллекцию «одесских парижан», выпустили серьезный добротный каталог.

В это же время одесский искусствовед, библиограф Ольга Барковская создала монографическое издание, посвященное Обществу независимых художников Одессы.

И вот спустя почти сто лет считавшиеся пропавшими работы одесских «независимых» вернулись домой. В конце августа 2014 года в Музее современного искусства Одессы открылась выставка работ «одесских парижан». Так вопреки тоталитарному режиму возникли реальные очертания одесской Атлантиды, выявились истоки, из которых черпали вдохновение и художники Израиля, приходившие в дом Якова Перемена, и художники Одессы, учившиеся у Михаила Гершенфельда, Теофила Фраермана, Амшея Нюренберга.

Если бы наряду с политической существовала культурная карта Европы, то, убеждены, Одесса была бы на ней достойно обозначена. Еще бы: гении музыки – С. Рихтер, Д. Ойстрах, Э. Гилельс; гении литературы – И. Бабель, Ю. Олеша, И. Ильф и Е. Петров; гении кинематографа – А. Довженко, С. Эйзенштейн… А вот с представлением живописной школы вроде бы возникают проблемы. Медленно, постепенно в сознание искусствоведов, коллекционеров, самих художников вошло ощущение южнорусской школы живописи (К. Костанди, Т. Дворников, Г. Головков, П. Нилус) не как провинциальной веточки общероссийского тогда или украинского теперь искусства, а как яркой, блистательной линии импрессионизма, может быть, до сих пор еще вполне не оцененной, не открытой…

Но. И вот это «но» представляется очень важным. Одесская школа живописи возникала в борении традиций и авангарда. Традицией с начала XX века и стала южнорусская школа. Молодые новаторы учились у Кириака Костанди и искали свои пути в живописи. Ездили в Мюнхен, в Париж, возвращались, чтобы показать соотечественникам, что у искусства есть другие возможности.

На общероссийском (мировом) пространстве, конечно же, Одесса – это салоны скульптора В. Издебского, где были показаны

впервые в России в одних выставочных залах бубнововалетцы и Матисс, одесситы Н. Гончарова, М. Ларионов. Одесса – это В. Кандинский, Д. Бурлюк, А. Крученых, Н. Альтман, В. Татлин… И все же все они, выставляясь в Одессе, оканчивая здесь художественное училище, не стали художниками Одессы. Для них этот город был только стартовой площадкой.

Когда мы говорим «первый одесский авангард», то чаще всего обращаемся в памяти к Обществу независимых художников. Боимся, что рассказ об «одесских независимых» был бы похож на описание архитектуры Атлантиды, если бы…

Бывают в жизни чудеса, верим мы в них или не верим. К таким чудесам следует отнести и то, что искусствовед Леся Войскун обнаружила в Израиле детей и внуков коллекционера Якова Перемена – у них хранились картины одесских «независимых», собранные в 1915-1919 годах меценатом, ученым и одновременно раввином Яковом Переменом.

Леся Войскун не только нашла эти коллекции, не только приехала в Одессу, чтобы поработать в архивах и библиотеках, в частных коллекциях, но и сделала в 2006 году выставку в Израиле – «Одесские парижане». Статьи появились в Париже и Нью-Йорке, в Москве и, конечно же, в Одессе. Хотелось показать эту выставку в Украине, прежде всего, в Одессе. Велись переговоры с посольством Израиля в Украине, не получилось – страховка оказалась неподъемной.

Но чудеса продолжались. Одна из семей-наследников выставила свою часть коллекции на аукционе «Сотбис», а это более 80 работ, треть того, что Яков Перемен собрал и привез в 1919 году в Израиль (государства еще не существовало, но о его создании мечтали поколения). И вот эту коллекцию одним лотом купил киевский коллекционер Андрей Адамовский с компаньонами.

В статьях о выставке «Одесские парижане» все израильские искусствоведы были единодушны: коллекция Я. Перемена, а он ее показывал широкому зрителю в 1920 и 1922 году, оказала переломное влияние на художников Израиля, сформировала израильский модернизм…

Вернемся мысленно в Одессу. Мы нередко называем нонконформизм 60-х годов вторым одесским авангардом. Впервые эту терминологию предложил искусствовед и художник Сергей Князев,

переиначив формулу израильтянина М. Гробмана – второй московский авангард. А о первом одесском авангарде могли судить по статьям в старых газетах и журналах, каталогам выставок, по пятишести подлинникам, сохранившимся в коллекциях нашего города.

Имена Теофила Фраермана, Амшея Нюренберга, Сандро Фазини звучали магически, так как были овеяны воспоминаниями их учеников и друзей. Имя Якова Перемена вообще не произносилось, вроде бы стерлось из памяти. Мало того, что раввин, что сионист, так еще и поддерживал «левое» искусство. Пришло время отдать должное этому незаурядному человеку.

Личность самого Якова Перемена не менее интересна, чем личности художников, чьи работы он коллекционировал, и поэтов, которых он опекал. Недаром один из первопроходцев на земле Израиля, историк и литературовед профессор Иосиф Клаузнер, с которым Перемен в 1919 году эмигрировал из Одессы в Эрец-Исраэль на знаменитом пароходе «Руслан», говорил, что Якову Перемену больше подошла бы фамилия Феномен – такой разносторонней, важной и успешной была его деятельность. Глубокий, интеллигентный, отлично образованный, Яков Перемен последовательно претворял в жизнь свои «идеализмы». Родившись в 1881 году в Житомире в семье раввина, Перемен и получил классическое еврейское образование: хедер – ешива – бейт-мидраш, и сам стал раввином. Когда семья переехала в Одессу, он продолжил активно заниматься самообразованием. Но одесский воздух, видимо, имеет особое влияние. Очень скоро Перемен входит в интеллектуальную среду сионистского движения.

С юности Перемен был страстным книголюбом. В 1905 году они с женой открыли книжный магазин «Культура» на Преображенской, 41, который служил и библиотекой. Магазин быстро стал одним из центров еврейской интеллигенции города, «собранием мудрецов» – его гостями были писатель Менделе Мойхер-Сфорим, историк Давид Кахана, публицист и редактор И.Х. Равницкий, легендарный поэт Хаим-Нахман Бялик. На той же улице находилось художественное училище, поэтому неудивительно, что вскоре Перемен познакомился, а потом и сдружился с творческой интеллигенцией города.

Когда в Одессе начало формироваться движение молодых художников, которые не были и не хотели быть похожи на тра-

диционных южнорусских, Яков Перемен, обладая не только художественным вкусом и чутьем, но и определенной смелостью, последовательно покупал их работы, помогал организовывать выставки, финансово поддерживал художников, сдружился с Нюренбергом, Фраерманом, Маликом. За десять лет он приобрел около двухсот двадцати работ.

Сам Перемен писал: «В начале этого периода у меня в голове родились две идеи для Эрец-Исраэль и их воплощения в реальность: а) библиотека по лингвистике и ивритской культуре; б) художественная галерея еврейских художников в диаспоре и в Эрец-Исраэль. В течение десяти лет и также во время войны и революции я вложил силы и деньги в эти две коллекции».

Ему во многом удалось реализовать обе эти идеи. В декабре 1919 Яков Абрамович покинул Одессу и перевез в Палестину собрание картин, большую библиотеку с книгами на нескольких языках и личный архив. Сердцевину художественной коллекции составляли работы одесских модернистов из Общества независимых художников – Михаила Гершенфельда, Амшея Нюренберга, Исаака Малика, Теофила Фраермана, Сигизмунда Олесевича, Израиля Мексина, Сандро Фазини – старшего брата Ильи Ильфа, и др.

Он мечтал о выставке «лучших еврейских художников в Палестине», национальной академии художеств, музее изящных искусств. Предполагалось даже, что часть художников эмигрируют вместе с ним. В Палестине Перемен активно берется за дело, и уже в 1920 году, через полгода после эмиграции, организует первую выставку своей коллекции в гимназии «Герцлия». Это была вообще первая экспозиция современного искусства в тогдашнем Израиле. В следующем году Яков Абрамович открывает в Тель-Авиве «Палестинскую постоянную художественную галерею», где выставляет работы и одесситов, и яффских художников и преподавателей, включая Бориса Шаца, Зеева Рабана, Меира Гур-Арье и других. Но, видимо, не пришло еще время – его инициативы наталкиваются на равнодушие и незаинтересованность. Правда, в 1936 году первый мэр Тель-Авива, тоже одессит Меир Дизенгоф, создавая художественный музей, попросил у Перемена несколько работ, но тот не хотел разбивать собранную с таким тщанием коллекцию. До самой смерти картины и рисунки

одесситов висели в его тель-авивской квартире на бульваре Ротшильд, 129, открытой для всех желающих. После смерти Перемена коллекция перешла его детям. В 2002 г. небольшая часть этого собрания экспонировалась в Тель-Авивском музее на выставке, посвященной искусству израильских художников 1920-1930-х гг. И, наконец, стараниями Леси Войскун в мае 2006 г. картины и рисунки «одесских парижан» предстали перед зрителями в полном объеме в Музее русского искусства им. Цетлиных в Рамат-Гане.

Можно уверенно сказать, что деятельность Якова Перемена повлияла на развитие современного искусства в Израиле. Уверены, что повлияет и в Украине, в Одессе. Ведь в вихрях революций и войн пропали или были уничтожены практически все работы художников первой волны одесского авангарда. Благодаря коллекции Якова Перемена мы теперь можем заполнить этот пробел.

Итак, Яков Перемен поддерживал живописцев, входивших в Товарищество независимых художников. Уже более десяти лет собирает по крупицам материалы об одесских «независимых» библиограф отдела искусств Одесской публичной библиотеки Ольга Барковская. Именно она составила библиографический словарь художников южнорусской школы. Любители искусства ждали от нее очередного подвига – выпуска книги о «независимых». И дождались!

Впервые в печати «выставкой независимых» назвали выставку осенью 1916 года (по аналогии, естественно, с парижским «Салоном независимых»). В этой выставке заметными были Михаил Гершенфельд, Амшей Нюренберг, Сигизмунд Олесевич. Все они попадут в коллекцию Я. Перемена. В начале 1917 года состоялось формальное создание Общества независимых художников. Председателем его стал М. Гершенфельд, членами – Сандро Фазини, Теофил Фраерман, Исаак Малик, Амшей Нюренберг, Полина Мамичева… До прихода советской власти, а в Одессе это начало 1920 года, общество успело провести три выставки, открыло «Свободную академию изящных искусств», активно сотрудничало с молодыми писателями, оформляя поэтические альманахи.

Противоборство «независимых» и «южнорусских» оживляло художественную жизнь города. Художественный критик Николай Скроцкий писал: «Несомненно, возникшее соперничество художественных групп вполне в интересах искусства».

Нужно отдать должное художественному вкусу и чутью Якова Перемена – для своей коллекции он отбирал действительно значительные картины.

Вот этот парад-представление художников первого одесского авангарда, которое стало возможным благодаря коллекции Перемена, хотелось бы начать с Теофила Борисовича Фраермана, у которого Я. Перемен купил 12 картин (по каталогу Я. Перемена), хоть пока Л. Войскун обнаружила в семьях наследников 10.

Начнем с биографии. Она характерна для бунтарей того поколения. Теофил Фраерман родился в 1883 году в богатой еврейской семье в Бердичеве. Когда-то Илья Ильф шутил, что после смерти обязательно напишут – родился в бедной еврейской семье. Теофил ломал стереотипы сызмальства. Родился в богатой семье. Добился, чтоб его в 14 лет отпустили в Одессу, где с 1897 по 1902 год учился у К.К. Костанди. Казалось бы, после такой выучки бери кисть и иди пиши сирень – ее на Большом Фонтане было предостаточно. Но 19-летний юноша едет в Мюнхен в школу Ашбе, затем в Париж. Восемь лет жизни в Париже – с 1906 по 1914 год. Учеба в академии у Г. Феррье, выставки, знакомство и дружба с Матиссом, признание – член жюри Осеннего салона. И вновь тяга к перемене мест: с 1914 года – Лондон. Трудно сказать, как бы жизнь шла дальше, но все прервала телеграмма из Одессы – мама тяжело больна.

Теофил Фраерман появился в Одессе в начале 1917 года. Думал, что на несколько месяцев, оказалось – на 40 лет. Ему было в 1917 тридцать четыре года. Сложившийся человек, известный художник. Первые работы он показал у одесских «независимых» в том же 1917 году.

Какими видятся из нынешнего далека картины Теофила Фраермана 1917-1919 годов? Уверенная, зрелая живопись. Он воспринял уроки Сезанна, но ему не чужды мастера Возрождения. Эти композиции не мешают ему проверять схемы плоскостного кубизма. По сути, в те годы как-то не задумывались о монументальной живописи, а «Пророк», «Вечер», «Монастырский двор», «Голова Иоанна Крестителя» монументальны. Казалось бы, переводи их в формат, настолько они созвучны «большому стилю». Наряду с этим такие романтические вещи, как «Попугай», «Жираф». Кажется, они навеяны стихами Николая Гумилева:

Послушай, далёко, далёко на озере Чад
Изысканный бродит жираф.

Изысканным жирафом, попавшим из «далёко, далёко» в наше безумное революционное лихолетье, многим видится и Фраерман (в Париже он подписывал картоны монограммой «TeoFra», в Одессе вновь без изысков – «Фраерман»). Но очень быстро он находит свое место – преподает, создает Музей западного и восточного искусства, устраивает первую выставку в Украине Нико Пиросманишвили.

Остались воспоминания о Т.Б. Фраермане его учеников Е. Кибрика, В. Полякова, О. Соколова. Остались его картины советского времени – мрачные серо-черные пейзажи Уфы военных лет.

Бесконечные упреки в формализме в 1949 году сменились упреками в космополитизме. Ему запрещают преподавать…

Но вот наступает 1956 год, оттепель, пользуясь определением И. Эренбурга. У себя в мастерской начинает возвращаться к самому себе, к свободе, к декоративизму, иронии, но как бы на новом дыхании Теофил Борисович Фраерман. Ему остается жить всего год, но и до 1957 года он успевает сделать несколько десятков острых, проникнутых ощущением молодости гуашей. Мы их увидим (и то – не все) на его посмертной выставке в том же 1957 году в Одессе. И хоть в предисловии к каталогу (анонимном) художника уже не упрекали в формализме, но по-прежнему звучал упрек в… камерности творчества. И лишь ученик Фраермана, правда, давно уехавший из Одессы, в своем творчестве отошедший и от заветов Фраермана, и от заветов Филонова (а он учился и у того, и у другого), народный художник СССР Е. Кибрик в слове об учителе писал: «Когда до меня доходили слухи, что Теофила Борисовича называют формалистом, я не мог этого понять… он был очень тонким и оригинальным художником, творчество которого отмечено тем пытливым беспокойством, бесконечными исканиями, которые отличают каждого художника, обладающего художественной индивидуальностью».

Невнятная фраза, хоть уже за окном оттепель. Но бывалые люди, а Кибрик был бывалым человеком, понимали, что оттепели приходят и уходят, а советская власть остается.

Один из нас (Е. Голубовский) попал в дом Теофила Борисовича Фраермана в 1958 году, через год после смерти мастера. На стенах в квартире висели его последние гуаши 1956 года, под кроватью – большие холсты, натюрморты и пейзажи, сделанные в эвакуации. Первое впечатление, оставшееся на всю жизнь, – присутствие большого Мастера. Единственная парижская картина – проститутка на бульваре, как бы перекликавшаяся с Ван Донгеном, и два-три десятка современных гуашей, изысканных в своей простоте, чувственных, одесских, но в то же время навсегда парижских.

Т. Фраерман. «Дафнис и Хлоя»

Трудно было представить, что через 50 лет увидим раннего Фраермана, что сохранены работы одесского периода «бури и натиска».

Наиболее полно представлен в коллекции Якова Перемена был Амшей Нюренберг – восемнадцатью работами. Художник дружил с коллекционером почти десять лет. Так и образовалось это собрание, в котором самая ранняя работа, «Алые паруса», датирована 1910 годом, а самая поздняя, «Городок Круты», – 1919 годом.

Амшей Маркович Нюренберг младше Теофила Борисовича Фраермана, родился в 1887 году в Елисаветграде, вновь-таки в богатой еврейской семье. В 1904 году приехал в Одессу и поступил в училище, учился у К.К. Костанди, позднее написал поэтические воспоминания об учителе. Они вошли в книгу мемуаров, в 2010 году изданную в России, – «Одесса – Париж – Москва».

Окончив училище, уехал в Париж, жил в знаменитом «Улье» в одной комнатке с Марком Шагалом. Много позднее зять А.М. Нюренберга писатель Юрий Трифонов не раз изобразит старого художника, сквозь всю жизнь как высшую драгоценность пронесшего автопортрет Шагала.

В 1912 году Амшей Нюренберг возвращается в Одессу. Он возмутитель спокойствия, участник всех выставок «левого» искусства, организатор Народной выставки, руководитель

оформления города к 1 Мая 1919 года. Тогда же уезжает в Москву. Знакомится с Вл. Маяковским, работает в «Окнах РОСТА». Но настоящая живопись все еще привлекает его, и в 1922 году он организует объединение «НОЖ» («Новая живопись»). В 1924 году открыл выставку акварелей совместно с Р. Фальком и А. Шевченко. А потом – постепенно засасывающая трясина соцреализма.

Один из нас (Е. Голубовский) познакомился с А. Нюренбергом в начале шестидесятых, встречал его в 1963 году в Одессе, когда здесь открылась его персональная выставка. Переписывались, бывал у него в мастерской на Масловке в Москве. Горестно говорил старый художник о том, что все его дореволюционные картины погибли в годы гражданской войны. И единственное, что ему оставалось, – написать книгу воспоминаний о друзьях молодости. Попытка издать книгу в Одессе не увенчалась успехом, в Москве цензура оставила от книги одну треть. И лишь после смерти художника, а он умер в Москве в 1979 году, его внучка Ольга Тангян смогла уже в наши дни опубликовать его мемуары.

Но вернемся к картинам А. Нюренберга из коллекции Якова Перемена. В 1910 году Амшей Нюренберг исповедует принципы фовистов. Он осознал завоевания Гогена, он знает заветы Сезанна (кстати, в 1924 году выйдет книга А. Нюренберга «Сезанн»), но всего ближе ему Матисс. Чувственность его Саломеи, а в коллекции две работы – «Завтрак Саломеи» и «Пир Саломеи», вызов пуританской живописи южнорусских, художник старается найти знак для каждого явления мира, будь то парусник, острова, фигуры воинов. И только чувственный знак Саломеи заряжает воздух теми ритмами, которые и определяют для нас сегодня «Серебряный век».

Наличие в собрании картин за десятилетний период позволяет увидеть, как мастер движется от декоративно-плоскостной к аналитически-объемной форме. «Купальщики» – это уже энергетика кубизма, мощь, не свойственная А. Нюренбергу 1910 года.

Закончить рассказ о Нюренберге хотелось бы эпизодом, связанным со Свободной мастерской. Закрыв выставку 1918 года, художники устроили пирушку в студии на Екатерининской, 24. А дальше слова из воспоминаний Я. Перемена: «В знак благодарности и признательности за многолетнюю помощь художники решили преподнести мне оригинальный подарок на память: на-

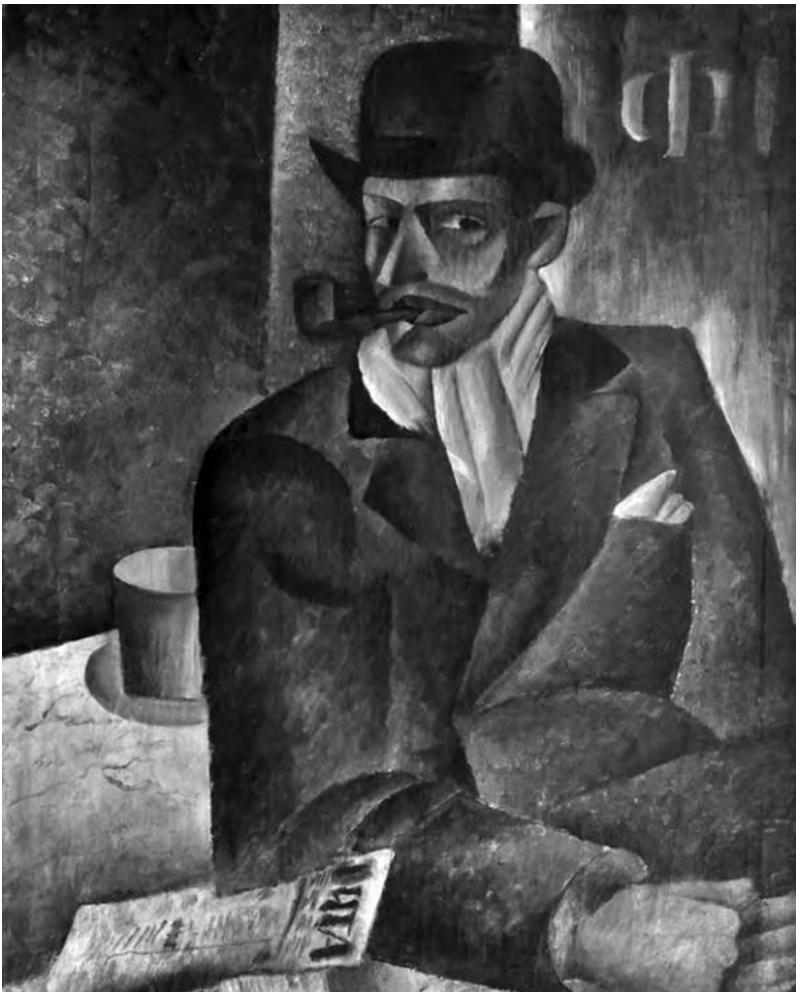

Работы одесских художников
из коллекции Якова Перемена

На первой странице:
Т. Фраерман. «Пророк» и «Жираф»
И. Малик. «Маски в Версале»

На второй странице:
А. Нюренберг. «Красные паруса»
и «Белые паруса»
И. Малик. «Адам и Ева»
И. Мексин. «Красный фонарь»

На обложке: С. Фазини. «В кафе»

С. Олесевич. Портрет С. Фазини

рисовали мой портрет в форме шаржа, который отмечает мою преданность искусству». Экспромт тут же нарисовал Амшей Нюренберг, присоединились к этой работе еще двадцать живописцев. Эта работа сохранилась в коллекции Я. Перемена.

И, думается, третий знаковый художник начала века в Одессе – Сандро Фазини. Старший брат Ильи Ильфа, Александр Арнольдович Файнзильберг (Сандро Фазини – псевдоним) родился в 1893 году и тоже в небедной еврейской семье. И хоть он младше Т. Фраермана и А. Нюренберга, но в связи с тем, что не уезжал учиться за границу, ограничившись только Одесским художественным училищем, он оказался сразу же погружен в литературно-художественную жизнь, писал стихи, рисовал карикатуры, иллюстрировал поэтические альманахи молодых поэтов «Серебряные трубы» и «Авто в облаках», «Седьмое покрывало» и «Чудо в пустыне». А на выставках «независимых» показывал свою живопись.

В коллекции Я. Перемена были его иронические иллюстрации к альманаху «Седьмое покрывало», такие как «Жаннетта с собачкой». Но наиболее значимыми представляются работы, в которых ощущается настроенность на примитив (вывеску, лубок), перекликающиеся с тем, что писал в этом же году Михаил Ларионов. Наиболее удачна акварель Сандро Фазини «В кафе» 1915 года, где сидят солдат и дама за столиком, а на столе ваза с сезанновскими фруктами. К этим же «солдатским примитивам» примыкают «Адам и Ева» 1915 года и «Пролетарка» 1915 года.

Какими станут пролетарки чуть позже, Сандро Фазини не увидел. Ему удалось эмигрировать в 1922 году. Двадцать лет жизни в Париже – это кубистические натюрморты, это выставки, увлечение фотографией и вновь выставки. Но немецкие фашисты оккупируют Францию. Сандро Фазини погиб в Освенциме в 1944 году.

Но хотела или не хотела советская власть, передача эстафетной палочки состоялась. У Теофила Фраермана учился Олег Соколов, Теофил Фраерман оказал влияние на Юрия Егорова. А может быть, еврейской серии Иосифа Островского не было бы, если бы он не увидел еврейских мудрецов Амшея Нюренберга. К сожалению, передача наследия шла не столь активно – очень мало было в Одессе картин мастеров первого одесского авангарда.

Мы рассказали только о судьбах трех мастеров, представленных на выставке. Но музей собирается еще и еще знакомить одесситов с Первым одесским авангардом, и тогда мы расскажем о замечательных мастерах, таких как И. Мексин, С. Олесевич, И. Малик и других...

Виталий Оплачко

Один рейс «Руслана»

Как мы рассказали в предыдущей статье, знакомство одесситов с коллекцией Я. Перемена не состоялось бы, если б не подвижнический рейс парохода «Руслан». О нем, его команде, пассажирах давно собирает материалы Виталий Оплачко. Начало его исследования мы публикуем в этом номере.

Здесь обрывается Россия
Над морем черным и глухим…
Осип Мандельштам

Как велико должно быть их отчаянье, как огненна их безнадежность, чтобы они решили оставить страну, в которой пустили глубокие корни… Клевета и наветы… Погромы и пытки… Истребление имущества и оскорбление святынь…
К. Бархин. Одесские новости. 12.11.1919

В этом году холода наступили рано. Море парило. Стрелки часов на башне возле Платоновского мола застыли ровно на трех. Их неподвижная отрешенность была особенно странной среди сумятицы, царившей на причале. Посадка была окончена еще третьего дня, но по неизвестным причинам капитан порта не давал разрешения на отход, и только сегодня, 14 ноября, все разрешилось. Редкая цепь солдат ВСЮР* и таможенных стражников, стоявших вдоль ограды у линии причала, отделяла борт парохода

* Вооруженные Силы Юга России.

«Руслан» от площади у часовой башни. Но для обладателей свидетельства беженца из Палестины режим пропуска был чрезвычайно либеральным, поэтому и состоявшиеся пассажиры, и те, кто пришел их проводить, и те, кто только что прибыл, чтоб навсегда покинуть Россию, смешались в густую толпу на причале. Слезы, объятья… Группа сионистов в канотье, котелках с бело-голубыми ленточками затягивает «Ха Тиква», толпа подхватывает гимн:

Еще не угасла надежда,
Надежда двух тысяч лет –
Быть свободным народом
На нашей земле,
Земле Сиона и Иерусалима.

Доктор Клаузнер, придерживая пенсне, поднимается на спардек. Над ним взвивается белый флаг с голубыми полосами. От имени отъезжающих он произносит речь. Ее почти не слышно на причале из-за гула голосов. Неожиданно прибывает новая группа – хасиды из Прилук. Шелковые лапсердаки, плоские меховые шапки с куньим мехом, черные с золотыми нитями шали их жен, рыжие пейсы детей выделяют их из толпы преимущественно городского люда. Протискиваются к трапу, небольшая заминка, вздох облегчения – пропустили!

Последним поднимают на носилках раненного поручика, кто-то передает вдогонку его фуражку с бело-голубым околышем. Аплодисменты провожающих. Напряжение растет – слишком долго ждали этого момента. Наконец убрали сходни, солдаты помогают портовикам отдавать швартовы, и под долгий тоскливый прощальный гудок «Руслан» отходит от причала.

Зимой 1919 года около 150 жителей Палестины, главным образом из Тсфата и Тверии, спасаясь от преследования турецких властей, добрались из Галилеи через Сирию и Константинополь в Одессу и попали из огня да в полымя. Местные евреи оказывали им некоторую помощь, но жить в стране, раздираемой гражданской войной, без средств и жилья, было невозможно. Возвращаться на родину, к тому времени оккупированную британскими

войсками? Но как? Возникла идея зафрахтовать пароход и на нем добраться домой. К этому времени в Одессе был создан Комитет по делам беженцев из Эрец Исраэля с целью возвращения их на родину во главе с Давидом Хахамовичем и его заместителем Моше Гольдиным-Захави. Комитет решил использовать это для эмиграции всех желающих уехать евреев города под видом беженцев. Были отпечатаны на трех языках – русском, иврите и французском – удостоверения беженцев из Эрец Исраэля, ими снабдили как реальных, так и псевдобеженцев.

В конце 1918 года на Версальской мирной конференции помимо прочего решался вопрос о переселении евреев в Палестину. В работе конференции принял участие ряд видных сионистских деятелей, в том числе руководитель Палестинского комитета Менахем Усышкин. Сионистская делегация получала регулярную информацию о положении дел в России и в частности в Одессе. По просьбе делегации в октябре 1919 года в Одессу был направлен специальный консул, гражданин Великобритании, еврей по национальности. У него на приеме побывали представители еврейской общины города и заявили, что в Одессе собралось около 500 «палестинских беженцев», испытывающих ужасные лишения и желающих немедленно вернуться на родину. Консул вполне сочувственно отнесся к просьбе и обещал всяческое содействие. К счастью, в одесском порту находилось несколько судов, возвращенных командованием Белой Армии бывшим владельцам, и один из них, пароход «Руслан», был зафрахтован для перевозки беженцев из Одессы в Яффо. Однако посадка пассажиров

Пароход «Руслан» в Севастополе. 1910 г.

и отплытие судна все время откладывались. Газеты называли причины задержки и новые даты отхода. Сначала это был якобы запрет капитании порта из-за возможной перегрузки и нехватки спасательных средств, потом понадобился «небольшой ремонт». Но всем было понятно, что главной причиной являлось нежелание администрации ВСЮР дать разрешение на отход судна.

С письмом от английского консула глава одесской общины доктор М.С. Шварцман и представитель беженцев Л.В. Роках обратились к командующему войсками Новороссийской области генералу Н.Н. Шиллингу. Очевидно, их просьба была подкреплена звонком генерала А.И. Деникина, информированного представителями Антанты о желательности срочно дать такое разрешение. К этому времени в городе собралось около 650 человек, желающих уехать в Палестину. Среди них были не только жители Одессы, приехали сионисты из всей Украины и даже Польши, пробрались через фронты солдаты и офицеры из Ударного Еврейского батальона Армии ЗУНР*, на «Руслане» ушли почти все командиры и бойцы одесской еврейской самообороны, в багаже и в одежде

* Западно-Украинская Народная Республика.

им удалось пронести стрелковое оружие. В дальнейшем именно из них составились отряды Хаганы – прообраза Армии обороны Израиля.

К сожалению, точных данных о количестве пассажиров «Руслана» нет. Различные авторы указывают от 630 до 750 человек. За неимением более авторитетного источника доверяем сообщению «Одесских новостей» от 15 ноября 1919: «Отъезд наконец состоялся. Всего на пароходе отбыло 644 пассажира». Вероятно, даже в те смутные времена для оформления отхода капитан порта требовал списки пассажиров и экипажа. Но Архив Одесского порта был сожжен в августе 1941 года на Австрийском пляже перед отступлением Красной Армии из города.

Александр Галяс

Жена двух гениев, актриса…

120 лет назад в Одессе родилась Зинаида Райх – одна из самых известных актрис советского театра 1920-30-х годов. Но неостывающий интерес к ней объясняется не столько ее творческими достижениями, сколько двумя замужествами. Оба ее мужа – поэт Сергей Есенин и режиссер Всеволод Мейерхольд – общепризнанные гении.

Вот эта улица, где этот дом?

О том, что Зинаида Райх одесситка, я узнал из статьи Константина Рудницкого – прекрасного советского театроведа, лучшего исследователя творчества Всеволода Мейерхольда. Написал письмо Константину Лазаревичу, которому, к счастью, был некогда представлен, и получил от него адрес дочери З. Райх и С. Есенина Татьяны Сергеевны Есениной, которая жила тогда в Ташкенте. Естественно, меня в первую очередь интересовало, что ей известно об одесских годах жизни матери и в особенности, не упоминала ли когда-либо Зинаида Николаевна, где же именно она родилась, на какой улице, в каком доме. Вскоре пришел ответ:

«Понимаю, что вас прежде всего интересует жизнь семьи Райх в Одессе. Увы, никаких письменных свидетельств у меня не сохранилось, а в домашних разговорах вспоминали чаще всего о более поздних периодах жизни (в Бендерах, Петрограде, Орле).

Моя мать и отчим иногда брали меня с собой в летние гастрольные поездки театра им. Мейерхольда. Но только в 1928 г., когда мне было 10 лет, мать показывала мне и брату свои родные места, носившие название «Ближние Мельницы». Мы проехали

на автомобиле по захолустной улице с низенькими домами. Память сохранила деревья, думаю, она сохранила бы и дом, где родилась мать, если бы мне его показали. Скорей всего, мимо него не проезжали, он мог находиться за другими домами, а может быть, его уже вообще не было…»

Предположение это мне показалось достаточно логичным, и я даже посетовал в заметке о Зинаиде Райх, помещенной в одном из местных изданий, что вряд ли удастся когда-либо не то что отыскать тот дом, где родилась знаменитая актриса, но даже просто узнать этот адрес.

Однако я ошибся!

Буквально через неделю после выхода статьи меня остановил тогдашний ответственной секретарь «Вечерней Одессы» Николай Явишев:

– Могу тебе помочь!

И Николай, который во время учебы на истфаке занимался изучением событий 1905 года в Одессе, подарил мне выписки из двух документов, хранящихся в Центральном государственном историческом архиве Украины.

Фрагмент из записки по Одесскому охранному отделению от 23 февраля 1905 г.:

«…агентура указывала, что арестованного 1 февраля организатора Дальницкого района Моисея Лашевича заменил нелегальщик «Владимир», прибывший из Екатеринослава с подложным паспортом на имя пинского мещанина Степана Петрова Красильникова…

Означенный Красильников… по-прежнему агитировал среди рабочих за устройство в г. Одессе забастовки, стремясь вызвать

таковую в железнодорожных главных мастерских. Так как железнодорожные рабочие не вполне сочувственно относились к забастовке, то для переговоров с ними по тому вопросу было назначено на 12 февраля массовое собрание в слесарной мастерской мещанина г. Ростова-на-Дону Николая Андреева Райха, работающего в тех же железнодорожных мастерских.

Ввиду сего в квартиру Райха был направлен наряд полиции…»

А теперь – внимание:

«1905 года февраля 12 дня и. д. помощник пристава Михайловского участка… прибыл в прокатно-велосипедную мастерскую мещанина г. Ростова-на-Дону Николая Андреева Райха, находящуюся в доме Ставро № 19 по Смирновской улице, где в означенной мастерской… застали… пинского мещанина Степана Петрова Красильникова, 25 лет, не имеющего определенного места жительства…»

«Пинским мещанином Степаном Красильниковым» был не кто иной, как Емельян Ярославский – видный деятель революционного движения, имя которого много лет носила в Одессе улица Троицкая. Впоследствии в воспоминаниях, написанных специально для книги, посвященной событиям 1905 года в Одессе и на Одесщине, Е. Ярославский подтвердил:

«…12/25 февраля я был уже арестован на собрании в слесарной мастерской Николая Андреевича Райха, рабочего железнодорожных мастерских, в доме № 19 по Смирновской улице».

Итак, можно считать, что дом, где жил Николай Андреевич Райх и где, судя по всему, родилась Зинаида Николаевна, найден: улица Смирновская, 19. Ныне это улица Шота Руставели. Увы, дома этого нет: еще в советский период во время реконструкции улица Шота Руставели была практически уничтожена: из домов прежней постройки сохранилось лишь здание в начале улицы и несколько старых домиков в самом ее конце. На том же месте, где предположительно должен находиться дом № 19, расположилось автохозяйство.

Но мне повезло еще раз. Старый одессит Александр Михайлович (фамилия которого, к сожалению, в блокноте стерлась) рассказал, что в 1920-х годах он жил с семьей именно в том доме, который, надо полагать, мало изменился со времени отъезда

прежних хозяев, и подробно описал внутреннее его устройство – расположение комнат в квартире, дворовых помещений и т. п. Самым похожим по архитектуре на тот дом, где родилась и провела детские годы Зинаида Райх, кажется мне дом № 37 по той же улице Шота Руставели (Смирновской), хотя, если побродить по тому району, можно отыскать еще несколько схожих зданий, построенных, судя по всему, в 1880-х годах.

Яблоко от яблони

Великий актер Михаил Чехов, эмигрировавший из СССР в конце 1920-х гг., привел в своих воспоминаниях примечательный эпизод своей встречи с четой Мейерхольд-Райх в Берлине. У Мейерхольда в ту пору были неприятности с властями, у него грозили отобрать театр, и Чехов предлагал ему остаться на Западе. Мейерхольд, по словам Чехова, колебался, но его жена была непреклонной: только домой! Чехов иронизировал по этому поводу, что «советскую власть она, кажется, любила даже больше, чем своего мужа».

Оставим иронию на совести мемуариста, но преданность Зинаиды Райх идее социализма отмечают и другие мемуаристы. Корни тут, конечно же, лежат в биографии, и прежде всего, в личности отца, Николая Андреевича Райха.

Настоящее его имя – Август. Он родился в Силезии. В юном возрасте с родителями переехал в Россию. Августу Райху рано пришлось начать трудовую деятельность, и почти столь же рано проявилась и его политическая активность: свой партийный стаж он отсчитывал с 1887 г. и ко времени женитьбы успел дважды побывать в политической ссылке. Он был механиком высокой квалификации. Систематического образования не получил, но зато много читал, среди книг его личной библиотеки Татьяне Сергеевне Есениной помнится «История цивилизации в Англии» Бокля: «простые» рабочие подобными книгами не интересовались.

Мать З.Н. Райх Анна Ивановна прожила жизнь тихую и неприметную, посвятив себя воспитанию детей, а после – внуков. Тем не менее на вопрос, откуда у ее матери артистические гены,

Татьяна Сергеевна Есенина ответила: «Все природные склонности Зинаиды Николаевны заставляют подозревать, что верх взял род Евреиновых». Евреиновы – фамилия в истории русской культуры не проходная: помимо знаменитого Николая Евреинова к тому роду принадлежали многие писатели, художники, артисты. Евреиновой была бабушка Зинаиды Николаевны по материнской линии.

Ее родители умерли рано, сироту стал опекать дядя, Алексей Егорович Викторов, член-корреспондент Академии наук, основатель отделения рукописей Румянцевского музея. Но после его смерти в 1883 г. Анне пришлось оставить гимназию. Несколько лет она прожила в Орле у старшей сестры, а затем, с кем-то списавшись, отправилась на Юг в надежде начать самостоятельную жизнь. В поезде ей повстречался высокий моряк, живой, остроумный, обходительный. Приехав в Одессу, они обвенчались, причем жених ради этого перешел в православную веру, из Августа превратившись в Николая Андреевича. Вместе супруги Райх прожили более полувека.

В Одессе новоиспеченная пара поселилась на Ближних Мельницах, в уже известном нам доме по Смирновской, 19. Николай Андреевич устроился в железнодорожные мастерские слесарем, а заодно открыл и частную слесарную мастерскую. Если судить по полицейским донесениям, эта мастерская была одновременно и пунктом проката велосипедов, так что семья Райхов была вполне обеспеченной. Анна Ивановна, так и оставшаяся без образования и профессии, занялась домашним хозяйством. Тем более что вскоре появился первенец – Зинаида.

В московском архиве литературы и искусства, в фонде Сергея Есенина, хранится выписка из метрической книги о рождении, в которой указано, что 21 июня (по нынешнему стилю – 3 июля) 1894 г. у «ростовского мещанина Николая Андреева Райха и законной его жены Анны Ивановны, оба православные, родилась дочь Зинаида. О восприемниках сообщается: «Филипп Козмин Хвацев и Евва Николаевна Сенека».

О детских годах будущей «звезды» довоенного советского театра известно практически только из рассказа Татьяны Сергеевны Есениной.

Семью Райх можно назвать типичной семьей квалифицированного рабочего. Отец стремился во что бы то ни стало реализовать свою мечту – дать дочерям высшее образование. Мать занималась их воспитанием, в том числе и художественным. Анна Ивановна в детстве играла на фортепиано и пела. Изредка она устраивала домашние концерты для детей, для чего муж, хотя и подсмеивался над этой ее страстью, периодически брал напрокат пианино. В лирическую минуту Анна Ивановна любила декламировать Блока, и любовь к поэзии передалась ее дочери. Известно, что, услышав стихотворение Бориса Корнилова «Соловьиха», Зинаида Николаевна попросила автора посвятить его ей, что тот с удовольствием и сделал.

Но вообще росла она непоседой и заводилой. Татьяна Сергеевна писала, что в 1928 году мать со смехом показывала ей те деревья на Ближних Мельницах, по которым лазала в детстве. В ней уже с самого начала была заложена тяга к лидерству: она командовала сверстниками, любила кататься на велосипеде, обожала съезжать по перилам – даже в строгой по духу женской гимназии, находившейся на Канатной улице. Когда она была в третьем классе, грянули события 1905 года.

Взращенная революцией

Естественно, Николай Андреевич Райх, имевший к тому времени более чем пятнадцатилетний стаж революционной работы, не мог оставаться в стороне от происходившего. Он не только агитировал своих товарищей по работе за проведение всеобщей забастовки, но и активно помогал революционерам, в том числе предоставляя свой дом для нелегальных встреч. По своим взглядам Николай Андреевич был анархо-коммунистом, человеком решительным, склонным к активным действиям. После декабрьских событий 1905 года Николай Андреевич скрывался от полиции, и след его отыскивается лишь в середине 1906 года. Из жандармского донесения следует, что 14 июня 1906 года в садике возле железнодорожного вокзала состоялась сходка, на которой присутствовал и «ростовской мещанин Николай Андреев

Райх, вступивший в переговоры с бывшими на вокзале в наряде нижними чинами, спрашивая их, «будут ли они стрелять в своих братьев в период будущих забастовок». Тот же Райх, напомнив, что 16-го числа предстоит общая забастовка, просил всех стоять за себя и не осрамиться, как в минувшие октябрьские дни»…

Кажется, это было последнее появление Николая Райха в Одессе, так как в том же 1906 году семья его перебирается в Бендеры, куда глава семейства был выслан под надзор полиции.

В нашу задачу не входит описание биографии Зинаиды Райх (которая вполне могла бы стать основой для телесериала), но нельзя хотя бы коротко не коснуться некоторых ее вех.

Гимназию Зинаида Райх окончила в Бендерах. В 1914 году поступила на Высшие петроградские женские историко-литературные и юридические курсы, где проучилась около четырех лет. Весной 1917 года в редакции эсеровской газеты познакомилась с Сергеем Есениным, а в августе во время поездки к Белому морю они обвенчались. От Есенина у З. Райх осталось двое детей – Татьяна, ставшая журналисткой, и Константин, крупный инженер-строитель, прославившийся как лучший статистик советского футбола. В 1922 г. Зинаида Николаевна вышла замуж за знаменитого режиссера Всеволода Мейерхольда и в тридцатилетнем возрасте дебютировала на сцене. Гений Мейерхольда сумел превратить неопытную дебютантку в весьма заметную актрису, игравшую главные роли в таких шедеврах театрального искусства, как «Лес», «Мандат», «Ревизор», «Дама с камелиями». Последняя постановка, где она играла главную роль, стала актерской вершиной З. Райх.

Т.С. Есенина вспоминала, как рождался образ Маргерит Готье: «…в лето 1933 года театр около месяца гастролировал в Одессе. В номере люкс Лондонской гостиницы висела большая картина неизвестного художника – портрет во весь рост молодой женщины в амазонке, в соответствующей шляпе, с хлыстиком в руке. Когда я в первый раз увидела, что мать внимательно вглядывается в портрет, рассматривая его то ближе, то дальше, она меня спросила: «Она тебе нравится?». Да, эта женщина мне нравилась – вся такая милая-милая. А когда я и дальше заставала за этим занятием З. Н., она улыбалась молча и прямо-таки загадочно.

На другой год, когда позади было уже немало спектаклей «Дамы», мать спросила меня: «Ты помнишь тот портрет в Одессе? Эта женщина мне очень помогла». Этот «прообраз» и сейчас у меня перед глазами. Женщина стояла, чуть облокотившись на перила лесенки, ведущей на террасу загородного дома. Взгляд был не задумчивый, не отрешенный, она кого-то видела перед собой. Она была в состоянии, когда не о себе думают, этим, наверное, и была приятна. Черты лица очень мягкие. Она не улыбалась, но, скорей всего, в ней была готовность улыбнуться. И грусти в ней не было, только какой-то намек на то, что эта очень мягкая женщина и грустить должна очень мягко. З. Н., видимо, и перенимала всю эту мягкость и обращенность на кого-то, а не на себя».

Примерно в то же время, когда Мейерхольд ставил «Даму с камелиями», Юрий Олеша написал кинопьесу «Строгий юноша». которая была опубликована в восьмом номере журнала «Новый мир» за 1934 год. Свое первое произведение для кино Олеша посвятил Зинаиде Райх, которая за пару лет до того сыграла главную роль в его пьесе «Список благодеяний», после чего писатель стал ее преданным поклонником. Есть все основания предполагать, что образ главной героини – жены старого и знаменитого врача (из «бывших»), в которую влюблен «строгий юноша» Гриша Фокин, писатель создавал в расчете на З. Райх. Это мое мнение основывается еще и на том факте, что роль профессора – мужа героини – предлагали сыграть Мейерхольду. По каким-то причинам не сложилось, но след Мейерхольда в этой картине очень заметен. Поставил ее Абрам Роом, которого относят к числу учеников мастера, а главные роли сыграли Юрий Юрьев и Максим Штраух, работавшие в те годы в мейерхольдовском театре.

В 1938 году, после закрытия Театра Мейерхольда, Зинаида Николаевна решилась на невероятный по тем временам поступок – написала гневное письмо Сталину.

Прокурор Б. Ряжский, который в середине 1950-х вел дело о реабилитации Мейерхольда, утверждал в своих воспоминаниях, что именно это письмо и стало прямой причиной ареста Мейерхольда. Якобы Вождю были доложены слова З. Райх: «Передайте Сталину, что если он не понимает в искусстве, пусть обратится к Мейерхольду». После чего «Сталин на деле Мейерхольда

поставил палку, одну черту. Когда он ставил одну черту, это означало расстрел…».

Скорее всего, письмо Райх было лишь одним из поводов «разобраться» с великим режиссером, к которому Сталин давно испытывал неприязнь. Так или иначе, но летом 1939 года Мейерхольда арестовали. А буквально через несколько дней зверски убили его жену.

Тайна этой трагедии до сих пор не раскрыта. По делу об убийстве З. Райх арестовали и судили двух артистов Большого театра, но мнение авторитетных исследователей таково, что суд был «для галочки»: чтобы успокоить общественное мнение.

После XX съезда Мейерхольд был реабилитирован. Тогда снова вспыхнул интерес к его творчеству и жизни, который коснулся и личности Зинаиды Райх. При жизни ее слава была скандальной. Немало было тех, кто категорически отказывал актрисе в таланте. Но многие бесспорные «звезды» того времени ныне благополучно забыты. А Зинаида Райх до сих пор остается предметом живого интереса.

Феликс Кохрихт

Body and Soul

Размышления после концерта

В заголовке этих заметок нет кавычек. Речь пойдет не о вечнозеленой джазовой композиции «Тело и душа» (перевод с английского), а об извечном противоречивом, но не живущем друг без друга двуединстве вроде «инь» и «ян», да и пафосного рефрена поэмы Максима Горького: «Любовь и смерть – неразлучны и ходят вместе».

«Душа и тело» – на эту тему написаны трактаты, сказаны нобелевские речи и проповеди, спето столько песен… Именно в джазе, полагаю, ярче, чем в других музыкальных системах, проявляется глубокое противоречие, вместе с тем единство, а случается – и гармония между возвышенным и земным: если возьмем в кавычки, получим название романа американского писателя Дэвида Вайса о жизни и творчестве Вольфганга Амадея Моцарта. Действительно, великий австриец, вероятно, заслужил если не свет, то покой, а вот великий немец Иоганн Себастиан Бах уж точно был гений чистой красоты. Рыцарь без страха и упрека. Может быть, поэтому его музыка, созданная столетия назад, временами забытая, чудом возродившаяся, обрела особое значение именно в XX и XXI веках, когда неизбежным стал прорыв человечества – и в ад, и, быть может, в чистилище. О рае пока речь не идет… Спор здесь неуместен.

Музыка Баха принадлежит прошлому, настоящему и будущему. Человечеству и иным формациям, где бы они не квартировали – на поверхности или в недрах небесных тел, в их пучинах или вовсе «всюду и нигде». И вот почему.

Если выпадет общаться с насельниками иных миров, оптимальным, а может быть, и единственно приемлемым языком

станет музыка. Это рассчитали и доказали ученые – математики, астрономы, лингвисты, философы и даже некоторые теологи…

Но при всей универсальности музыка Баха вовсе не компьютерный сленг, а творение гениального композитора и, что особенно важно – европейского. Она, при всей свободе от этнических традиций (в том числе – и немецких), родилась на континенте, в стране и во времени, которые определяются: Европа, Германия, XVII-XVIII века от Рождества Христова. Точка отсчета здесь – не политкорректное «н. э.», а эра рождения иудейско-христианской этики и эстетики, родственных при всех формальных и неформальных конфессиональных различиях. Чуть позже родились религия и искусство мусульманского Востока, имеющие свои этические и эстетические признаки.

Хотя и исходят эти религии из одного – библейского истока, но, как говорится, на сегодняшний день, да и давно уже, они во многом разнятся. Киплинг сказал об этом: «Запад есть Запад, Восток есть Восток…» – но мы в этих кратких заметках на полях концертной программки и не пытаемся погрузиться в пучину все углубляющихся противоречий между цивилизациями, а лишь коснемся, и то, увы, по-дилетантски, разницы между музыкальными культурами Запада и Востока, Более того, не во «всемирном масштабе», а в конкретном случае – под впечатлением концерта, на котором уже во второй раз перед одесситами был реализован проект «Бах. Перезагрузка». В его основе – новое прочтение шедевра «Гольдберг вариаций», труднейшего сочинения, на исполнение которого решаются не многие пианисты. Наш земляк, выдающийся музыкант Алексей Ботвинов, сделал это 280 раз, на лучших мировых сценах.

Я знаю Алексея с его юности и рискну предположить, что понимаю, почему именно ему пришла идея сделать именно это произведение поводом, а точнее, смыслом встречи двух мировоззрений. Он понимает неотвратимость взаимопонимания Запада и Востока, необходимость терпеливого и тактичного не только сближения, но и сотрудничества становится все актуальнее в последние годы, когда во многом не оправдываются надежды на слияние, конвергенцию этносов, живущих вместе, по соседству, да и поодаль…

А ведь впереди – новые вызовы, и намного более серьезные, неоднозначные. Алексей с юных лет увлекается не только музыкой, но и философией, литературой, в том числе (и это важно) – книгами высоких фантастов, от Стругацких до Брэдбери и Кларка, предсказавших неизбежность контактов человечества с внеземными цивилизациями. Важно и то, что Ботвинов уже много лет живет и работает в Европе, дает концерты по всему миру и остро ощущает и единство, и противоречия нашей сегодняшней жизни.

Единомышленника и партнера в этом труднейшем, не имевшем на то время прецедента деле Ботвинов нашел в турецком перкуссионисте Бурхане Очале, музыканте с мировым именем, также склонном к участию в «синтетических» ансамблях. Их дуэт оказался плодотворным и успешным. О триумфах в Париже, Москве, Стамбуле, Цюрихе, Киеве, Монтрё писали и пишут в специальных изданиях, рассказывают в Интернете.

Когда проект только создавался и шли первые репетиции, Алексей делился со мной мечтой: «Перезагрузку» должны услышать одесситы. Где бы Ботвинов ни жил, он всегда возвращается в родной город, и ему важно, чтобы многонациональная Одесса стала не только свидетелем (слушателем, зрителем), но и участником действа, в котором Запад и Восток объединяются в осмыслении и великой музыки, да и смысла жизни. Ему пришлось преодолеть немалые трудности, чтобы с помощью просвещенных меценатов осуществить свой замысел.

Год назад в переполненном зале Одесской филармонии прозвучал Бах – не перезагруженый, а переосмысленный. Классический, но в прочтении, в исполнении мастеров, принадлежащих к разным культурам и ощущающих свою ответственность за каждую прозвучавшую ноту. Самое главное: это было не слияние, не синтез, не рождение новой сущности. Скорее – новой реальности, новый взгляд на нашу жизнь, где бы мы ни обитали.

Ботвинов играл по партитуре великого сочинения. Очал импровизировал. Звучали соло – пианиста и перкуссиониста, возникали ансамбли, где соблюдалось главное условие этого проекта, может быть, и не произнесенное вслух его участниками при «сговаривании», но само собой разумеющееся: за душу (мелодия) в этом совместном музицировании отвечает фортепиано

Ботвинова, за тело (ритм) – ударные инструменты и всякие приспособления Очала. При всем взаимоуважении партнеров в этом союзе доминантой является музыка, сочиненная Бахом для клавесина и звучащая ныне на рояле. Думается, в Париже, Москве, Цюрихе и т. д. турецкий виртуоз понимал это, и его вкладом в Гольдберг-вариации был аккомпанемент. Он исполнял роль оркестра в концертах.

Концерт, как известно, в переводе означает соревнование, что и происходит, когда рояль, скрипка, виолончель, духовые, деревянные инструменты, да, бывает, и ударные, если не борются с оркестром, то главенствуют в неком соперничестве – во всеобщее благо.

При второй, недавней нашей встрече в том же зале Очал словно забыл о концепции проекта, о той невидимой, хрупкой, но вполне ощутимой грани, которая пролегла между нашими мирами, между Западом и Востоком, между христианством и исламом. Он забыл о высоком замысле, родившемся у Алексея Ботвинова и у него: сделать попытку преодоления этой самой грани – не ликвидации ее, а лишь, говоря языком политиков, создания благоприятных условий для взаимопонимания между нашими цивилизациями.

Так или иначе, в этот вечер Ботвинов проявил себя истинным сыном традиций европейской, в том числе и славянской культуры, а Очал ощутил турецкую лихость и показал себя горячим стамбульским парнем, лихо играющем на всем, что звучит, неутомимым и победительным. Может быть потому, что в зале было много хорошеньких женщин, и еще присутствовали его земляки. И в этот вечер Бурхан, образно говоря, сыграл нам «Турецкий марш, но не Моцарта – Очала». Особенно это проявилось в исполненной на бис пьесе Рахманинова.

Алексей упоминает в своих статьях и выступлениях по ТВ о традициях суфизма – древнего религиозного и философского течения, зародившегося на Востоке. Его нынешние адепты – носители мистической и медитативной поэзии и танцевального искусства.

В Турции мы стали свидетелями впечатляющих, завораживающих плясок дервишей: часами они в экстазе кружатся на одном месте: одна рука поднята вверх, другая опущена вниз… Так, по их верованию, человек вступает в контакт с Небом и Землей. Душа и тело.

Очал забыл об этом – не может быть, чтобы не знал…

А концерт 27 сентября прошел с огромным успехом, но именно как концерт-соревнование, в котором Ботвинов, на мой взгляд. победил, хотя и не показал этого.

Алена Яворская

Анка

Нежинская, Пушкинская, 9-я Фонтана… Институт Филатова, Литературный музей… Чисто одесские названия. Объединяет их, во-первых, город. А во-вторых – одна замечательная женщина. Анна Николаевна Полторацкая. Хоть так называло ее высокое начальство да самые молодые сотрудники. А для всех остальных она была просто – Анка.

Осталось очень немного семей, о которых говорят – «культурные гнезда». Забытая, почти вышедшая из употребления фраза, но без нее не обойтись. «Как причудливо тасуется колода!» После войны в Одессе встретились курский дворянин, участник Сопротивления, вернувшийся из Франции Николай Алексеевич Полторацкий и одесситка Наталья Филипповна Стоянова (по рассказам Анки, прабабка Стоянова была купчихой). Отец Натальи – врач, после его смерти мать стала женой поэта В. Пяста. Стояновы в родстве со Скроцкими (медиками и художниками).

Трудное время, молодые люди, с точки зрения властей, неблагонадежны – сестра Натальи Татьяна с 1943 жила в Голландии, Николай – репатриант, бывший председатель братства Святого Фотия, связанный с церковью.

И проблемы, извечные проблемы – с жильем, с работой. Но они счастливы, у них рождается дочь – Анна.

Строгое воспитание в детстве, французский, которым Николай Алексеевич владел в совершенстве, – словно осколок иной жизни. Коммунальная квартира, разделенная на две части книжными шкафами, клубы дыма (Наталья Филипповна отчаянно курила), книги, разговоры взрослых – конечно, многое Анка впитала если не с молоком матери, то, по крайней мере, с сигаретным дымом.

Семинаристы, приходившие в гости к отцу, преподавателю семинарии, переводы матери, калейдоскоп лиц, идей. Как полагается, поступление в университет, работа в институте Филатова, раннее замужество, рождение дочери Кати. Кстати, редкий случай для того времени – молодая жена оставляет девичью фамилию.

Очаровательная, похожая на француженку, легкомысленная, живая, дерзкая – такой вошла Анна Полторацкая в семьдесят восьмом году в здание по Ласточкина, 2. Первый директор Литературного музея Никита Брыгин набирал сотрудников в существовавший пока на бумаге и в его фантазиях музей. Анка (а именно так ее называли в музее) была одной из первых. Никита умел угадать, где именно сотрудник будет трудиться с максимальной отдачей, скорость карьерного роста была, по советским временам, фантастической. Недолгое пребывание в роли скромного научного сотрудника и – заведующая сектором зарубежной литературы. Вот где пригодилось знание французского!

В те уже подзабытые годы любой контакт с заграницей привлекал внимание КГБ. А тут еще голландская тетушка! Анку ничего не может остановить. И если контакты с Болгарией понятны – все же член СЭВ, страна коммунистическая, то с Францией – совсем нет. И неважно, что книги Сименона издаются миллионными тиражами. Анка все же добилась невозможного – Сименон ответил на письмо молодой сотрудницы несуществующего музея. По словам очевидцев, стены здания едва не рухнули от восторженного вопля: «Сименон! Сам Сименон написал мне!». А ведь был еще найденный Анкой поэт Ален Боске, рожденный в Одессе, и его отец – поэт Александр Биск, эмигрировавший в 1920. Каким чудом в застойные годы могли попасть в фонды советского музея рукописи эмигранта? Имя этому чуду – Анка Полторацкая.

Стрижка, как у Мирей Матье, очки, улыбка – такой видели Анку в болгарском консульстве, на совещаниях. В обычной жизни к этому добавлялась еще неизменная сигарета и чашка кофе.

В первые счастливые музейные годы, когда был Никита, выдумщик и фантазер, вдохновлявший «своих девочек», командировки в Москву, Ленинград, была возможность (столь редкая

в те годы) работать с удовольствием, не оглядываясь на начальство и не опасаясь его. Бесконечные разговоры о музее, о своих «экспонентах» – и на работе, и дома. И такие же сумасшедшие (в большинстве своем) коллеги.

История, которую Анка часто со смехом рассказывала, – после появления в музее Ани Мисюк надо было как-то различать двух Анн. И кто-то, кажется, Валя Мочалина, завотделом, сказала: «У меня две Анны, одна умная, вторая – безумная». Дома, когда она повторила эту фразу, Николай Алексеевич грустно сказал: «Безумная – конечно, ты». Впрочем, это безумие – из разряда тех, о которых поют песни.

Увы, директор сменился, иная обстановка, иной расклад. И надо становиться дипломатом, учиться интриговать, чтобы сохранить все придуманное.

Все сохранить не удается. Но все же удается снять директора. Об этом нам, молодым, пришедшим в уже созданный музей, рассказывали легенды. И о Никите, и о борьбе с генералом, его сменившим. Отчаянной, невероятной для тех времен борьбе с малообразованным человеком, назначенным руководить музеем.

Они смогли победить – генерал ушел. Но того музея, о котором мечтали по вечерам с Никитой, уже не было. Был болгарский зал, сделанный Анкой, но не стало сектора зарубежной литературы. Были два года, наполненные созданием экспозиции, дружбой с художниками, атмосферой флирта, скандалами и спорами, работой до полуночи, – замечательное время, время творения. Время, когда все самые интересные люди города приходят в музей, и им гордо показывают раздобытые экспонаты, в том числе и трубку самого Сименона, и рукопись Сарояна, и перевод с французского –

оказывается, и Жюль Верн писал об Одессе, и Марк Твен в ней бывал, а у Луи Арагона вообще чуть ли не поэма. Это время, когда рядом друзья и единомышленники – Наташа Городецкая, Марина Лошак, Боря Владимирский. Встречи на Пушкинской – зимой, и на Фонтане – летом, бесконечные разговоры. Гостеприимный дом, в котором рады каждому пришедшему, и в центре всего – Анка, которая одновременно курит, готовит, наливает кофе или чай, рассуждает о высоком, флиртует с одним гостем, утешает другую, дает телефон хорошего врача третьей, устраивает к знакомым в Москве четвертого. А еще – друзья-диссиденты, самиздат, вызовы в КГБ – об этом она расскажет много лет спустя.

Но вот музей открыт, и наступает другая жизнь. Не такая творческая, нужно организовывать экскурсии, делать выставки. И молодежь трепещет перед грозной Анной Николаевной. Она с удовольствием играет роль злобной начальницы, запуганные ею осваивают экскурсию вместо положенного месяца за две недели и с удивлением выясняют, что бояться вроде бы и нечего. Внешняя свирепость скрывает заботу.

Естественно, молодые девушки заводят романы. И еще более естественно, что учит их жизни именно Анка. Кто-то из вчерашних студенток нервно вздрагивает при крике «Эй, вы, коровы!», но вскоре привыкает к неформальному способу общения. В это же время оказывается, что у Анны Николаевны есть чудесное качество – поработаешь полгода, в крайнем случае год под ее руководством – и декрет гарантирован. Причем даже тем, кому врачи говорили о невозможности забеременеть. Анка то посмеивалась над этим, предлагая желающим завести ребенка перейти на годик под ее начало, то раздраженно кричала, что работать невозможно. К счастью, после пятого случая свойство это таинственно исчезло.

Анка меньше всего похожа на наседку, но при этом именно к ней идут пожаловаться на жизнь, поделиться проблемами. Встряхнув головой, она достает свою записную книжку, растрепанную и разбухшую, находит там нужный телефон – зубного врача, учителя, водопроводчика. Кажется, нет человека в Одессе, с которым она не была бы знакома, который не поддался бы ее обаянию, не стал ее другом. Для этого нужен всего один разговор –

как одна песня сирене. И вот один, очарованный ею, приносит мороженое для всего массового отдела – а зашел-то человек узнать о стоимости экскурсии.

Когда делали музей Христо Ботева, именно для нее рано утром выезжали настрелять перепелок (ну, и остальным заодно доставалось лакомство).

Жизнерадостная, обаятельная, настойчивая, дерзкая и, как говорят в Одессе, пробивная. Она, кажется, могла все сделать, со всеми договориться, смягчить сердце самого равнодушного начальника, уговорить самого строгого проверяющего.

При этом жизнь ее не так уж и баловала: болела Катя, и несмотря на все медицинские знакомства и родство, Анка сполна хлебнула всех прелестей больницы. Потом нелепая случайность – Катя попала в аварию, за рулем мотоцикла был сын подруги. Это через много лет Анка будет вспоминать со смехом, как объясняла парню, что если Катя не сможет ходить – он должен на ней жениться. Тогда же было не до смеха.

А потом перестройка, надежды, горячие споры, отъезд друзей – Боря Владимирский, Наташа Городецкая – как это было больно, ведь с ними связь кровная, словно сердце рвалось на части. Голодные девяностые, купоны, талоны. И музей, где друзья, единомышленники, то, что спасает и поддерживает. Даже тогда Анка деятельна и неукротима. Первый компьютер в музее – дело ее рук, именно она каким-то чудом выбила его у фонда Сороса. Притом, что сама работать на компьютере стала годы спустя.

Когда она приходила в музей – это сразу было слышно. И где бы ни размещался массовый – в главном здании, во флигеле на отшибе, – голос и смех Анки привлекал. «Пятиминутки» – утренние посиделки в массовом растягивались на часы, начальники из других отделов ревновали и отлавливали своих подчиненных, строго возвращая их на рабочие места.

Заведующей массовым отделом она стала уже после спада музейного бума. И вдруг оказалось, что в музей можно привлечь людей – какой ценой, какими интригами, какими сложными комбинациями – ведомо было только ей. Она успевала воспитывать молодых, улаживать ссоры, писать статьи, делать выставки. Она все успевала, с шумом, спорами, смехом.

Взгляните вы на эту даму –
Живей живого серебра.
Не Ева из ребра Адама –
Адам из Евина ребра –

такую новогоднюю эпиграмму сочинила Лена Каракина.

После смерти Николая Алексеевича Анка занималась его архивом, публиковала статьи и воспоминания. Вместе с двоюродным голландским братом сделала сценарии трех фильмов – о Ж. Сименоне, И. Бабеле и П. Лещенко, очень этим гордилась. Она принимала самое активное участие в издании книги воспоминаний тети – Татьяны Фоогд-Стояновой. Ежегодные приезды Татьяны Филипповны и любимой голландской сестры Алены с детьми были настоящим праздником.

После развода Анка жила на даче на Фонтане. И прийти туда можно было без предупреждения, чем многие грешили. Поэты, музыканты, художники, врачи, филологи, физики – кого там только не было. И зеленая трава, за которой она ухаживала, и цветы, и старый буфет на веранде, кошки под ногами, гости везде – в пристройке, в комнатах, в креслах. И всем хорошо и уютно. Хлебосольные хозяева – Анка и Толик, ее второй муж, казалось, никогда не устают от потока гостей. Не зря же именно у Анки снимали часть фильма об одесских дачах.

Говорят, настоящий друг тот, кто радуется твоей радости. Это у Анки легко получалось. И с той же легкостью, словно бы это и не стоило никаких усилий, она организовывала дежурства, когда кто-то из музея попадал в больницу, тормошила врачей, помогала находить лекарства, готовила еду, звонила, подбадривала. Никто ей не поручал этого, просто черта характера, особенность такая – помочь, поддержать в беде. Именно Анке можно подбросить ребенка, попросить позвонить родственникам, уезжая надолго из города. И все будет в порядке – ребенок накормлен и воспитан, родственники успокоены и ублаготворены.

Когда все в порядке – Анка могла и поязвить, и поострить, и подколоть. Могла обидеться, но ненадолго.

Очень огорчалась, что не получается серьезно заняться научной работой – времени не хватает. Но при этом помогала в создании

музея «Христианская Одесса», была автором проекта музея Христо Ботева (и музей в далекой Задунаевке не хуже, а то и лучше столичных), участвовала в создании музея оперного театра.

Анка была настолько энергичной, что болезни ее, о которых она чаще говорила со смехом и шутками, казались несерьезными, порой чем-то вроде кокетства. Она посмеивалась, и лишь изредка горечь сквозила в улыбке. Мы привыкли, что она со всем справляется, что после любой болезни вновь слышен ее голос, блестят глаза.

Когда она заболела, и оказалось, что нужна операция, дорогостоящая, тяжелая, деньги стали посылать отовсюду – из Америки, Израиля, России. Везде, где жили люди, любящие Анку. И казалось, что сила этой любви поможет. Ждали чуда, надеялись на чудо, и, казалось, что если, едва придя в сознание после операции, Анка звала врача в музей, чудо свершилось.

Рождественской сказки не получилось.

Что остается после человека?

После Анки – музей, книги, фильмы, выставки – это материально. Но есть еще и другое. На похоронах ее один человек дал другому телефон врача, «врача от Анки», из Анкиной записной книжки. Это будет еще долго, очень долго. У каждого из нас есть свой «врач от Анки», «учитель от Анки». У каждого из нас есть Анка, Анна Николаевна Полторацкая. У нас, у наших детей. Кажется, это и называется бессмертием.

Нина Бондаренко

Отблески «Зеленой лампы»

История одной переписки

Преподаю я в школе необычный предмет – «Одесса – мой город родной», предмет очень нужный и очень важный. Ведь для того чтобы не потерять еще сохранившиеся ниточки, связывающие нас с историей города, нужно воспитать достойную смену.

Дети с удовольствием включаются в поисковую работу, занимают призовые места. Так было в прошлом году, когда ученик 7 класса (предмет «Одесса – мой город родной» начинают изучать в только в 8) Игорь Пить написал работу о Всемирном клубе одесситов и занял I место в городе.

В этом году мы решили взять тему «И вновь горит «Зеленая лампа», рассказать об истории литературных кружков, от санкт-петербургского до одесского начала XX века и «Зеленой лампы» века XXI, которая существует уже несколько лет при ВКО.

О тех поэтах и писателях, которые известны широкому кругу, у нас было много материалов. Хотелось узнать о малоизвестных, таких как братья Г. и В. Долиновы, Э. Немировская и др.

И тут я еще раз поразилась тому, какая великая вещь Интернет! Совершенно случайно наткнулась на объявление, что в Музее Анны Ахматовой (Санкт-Петербург) состоится выступление Александра Долинова, сына Георгия. Я написала письмо с просьбой передать мой электронный адрес А. Долинову.

Он мне ответил, и завязалась переписка:

«Здравствуйте, дорогая Нина!

Я был очень удивлен и обрадован, когда на мое выступление в Петербурге мне преподнесли такой неожиданный и приятный сюрприз. Я действительно сын Георгия Ильича Долинова, который был членом «Зеленой лампы» и очень близким другом

Катаева, Олеши и Багрицкого. Хотя Багрицкий не был членом кружка, а только приходил туда как гость.

Георгий Долинов

Кроме того, я являюсь племянником его первой жены Эмилии Немировской. Она умерла очень рано, в 33 года, от болезни почек. Отец же мой умер в 1950-м году, когда мне не было и 5-ти лет. На его работу об Анне Ахматовой я наткнулся совершенно случайно в Интернете, после чего познакомился с женщиной, которая защитила кандидатскую по этой работе. Если когда-нибудь мне удастся приехать в Одессу, я с большим удовольствием встречусь с Вами и расскажу, что знаю об отце. Но это не будет длинный рассказ, т. к. я действительно был слишком мал и не успел по-настоящему пообщаться с ним. У меня есть много его фотографий и совсем немного рассказов о нем. Счастливо Вам.

Саша Долинов

29 июня 2013»

На мою просьбу прислать какие-нибудь документы об отце и дяде Александр прислал копию архива своего отца, который хранится в библиотеке им. Салтыкова-Щедрина в Санкт-Петербурге.

Ниже привожу переписку с Александром Долиновым:

«Да, я все открыла и передаю огромную благодарность не только от себя, но и от нашего Литературного музея. Если я не покажусь Вам слишком нахальной, хотела бы спросить еще об одной вещи: насколько я понимаю, Эмилия Львовна Немировская была женой Георгия Ильича и Вашей мамой? О ней нет никаких сведений: даты рождения и смерти, где училась и т. д. Если у Вас есть такие данные, можете ли Вы прислать? Заранее благодарна. Нина

03.01.2014»

Эмилия Немировская с семьей

«Здравствуйте, дорогая Нина! Вы задали интересный вопрос, и я постараюсь ответить на него в силу своих возможностей.

Эмилия была на три года младше моего отца, т. е. она родилась в 1897-м году. Умерла она от болезни почек в 33 года.

Я не ее сын, а ее племянник, т. к. отец женился на ее сестре, моей матери, которая была младше тети Мили на 15 лет. Я же родился еще через 15 лет, т. е. в 1945 году. В 1968 году я, уже будучи женат, приезжал в Одессу. Там жил брат отца Вадим, который выступал с ним вместе на вечерах «Зеленой лампы». Вы найдете его в афишах того времени рядом с отцом. В 1969 году еще были живы некоторые люди, знавшие моего отца и тетю Милю. Их воспоминания о ней были самые что ни на есть... даже слова не могу подобрать. Люди ее просто обожали, считали самой яркой девушкой в Одессе и самой красивой. Говорили, что она была очень умна, талантлива как поэтесса и невероятно красива. Когда я упомянул вскользь, что моя мама была тоже очень красива, на их лицах я мог прочесть только легкую иронию. Мама моя действительно была очень красивая женщина, но красота Эмилии, видимо, не оставляла ей никаких шансов. Стихи моей тети я читал в этих бумагах, что находятся у Вас. Мне они показались интересными, страстными,

Георгій Далинскій.

Молитва.

Я сегодня молюсь Вам тихих вечеров,
Помолюсь Вам, моя святая любовь.
Вы молитвой моей радостной отзоветесь,
Окрыленная строится самолетом.

Покоренность своих стихов, своей балладе,
Неизбывной своей музой покорюсь...
На колбинах предъ бархатною лампадою
Я стихами наступленными молюсь.

Мой тихъ радостно молиться Вамъ, любимая,
Тихо, тихо... Въ моей кельѣ покорно.
Разлилъ чистая и грусть неуловимая
Въ мою душу бѣдной тѣнью залегла.

Мягкий путь стелютъ въ кристальную высокую
На меня и на синодную бирюзу...
На колѣнкахъ передъ тихою иконою
Я молюсь Вамъ, моя святая любовь...

Вчера.

Вчера я Васъ любилъ... Въ задумчивости строгой
Я просидѣлъ всю ночь за письменнымъ столомъ.
Мечтая лишь о Васъ, такой родной, желанной...
И было тихо такъ... Сидѣлъ сидѣлъ за письмомъ.

И было слышно, какъ шептали шутки
И какъ безжалостный червь въ шкафу сверлитъ доску,
Смотрѣли со стѣны вѣковыя потомки картины,
И вѣрный бой часовъ рождалъ въ душѣ тоску...

Казалось стоголосая любовь неуемной волной,
Неведомой никѣмъ, за шорохами въ углу.
Онъ слушалъ скрипъ пера, шептанья ко слухъ ночью,
И медленно ронялъ слушавшаго мозгъ.

Но вотъ скользнулъ разсѣтъ, сквозь щель зуб-
кратной стѣны

Распространивъ потомокъ лѣтъ на улицу конца,
И отъ моей любви, такой большой, недавней
Осталось имя глухое, сухое слово...

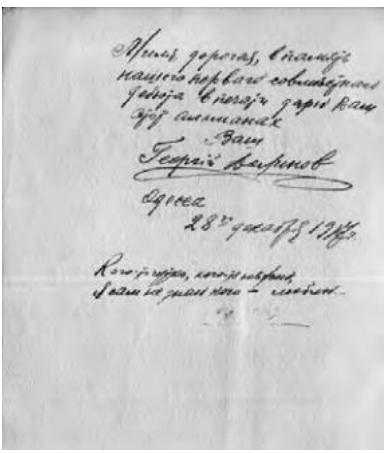
Вчера я Васъ любилъ, но съ потомкомъ разсѣяннымъ
Я написалъ въ углу потомкамъ имѣнно,
И на моемъ столѣ авторскихъ недостатокъ
Лежитъ безвѣстный мой радостный дневникъ.

Вчера я Васъ любилъ... Сегодня... И не знаю...
Мнѣ кажется, что я ушелъ въ другіе дни...
Но вѣрь! я не могу!...Далекая, родная,
Верни меня къ себѣ, любимая, верни!...

Музыкальное посвящение Э. Немировской на стихах из Альманаха

Портрет Э. Немировской

Посвящение Г. Долинова Э. Немировской на странице Первого альманаха литературно-художественного кружка

даже несколько необычными. Но я не берусь их оценивать. К сожалению, о ней я знаю не очень много. Вы можете узнать гораздо больше, прочтя эти документы. Я по молодости лет не утруждал себя более глубоким узнаванием подробностей, а сейчас очень хотел бы узнать как можно больше, но уже поздно. Никого, естественно, нет в живых. Если бы молодость знала, если бы старость могла. Счастливо Вам.

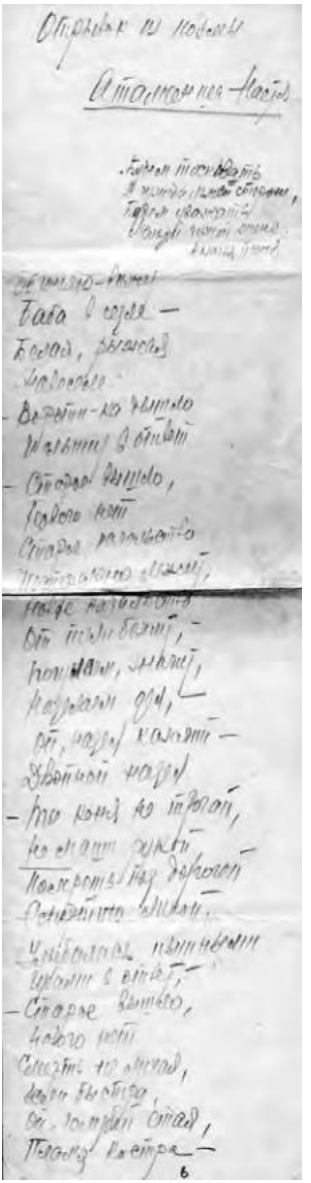
Саша Долинов
03.01.2014»

Александр прислал мне фотографии Э. Немировской с семьей и отдельно – ее портрет. Действительно была красивая женщина! Его маму, сестру Эмилии, звали Белла, она работала два года литературным секретарем у Алексея Толстого, затем более 40 лет редактором на «Ленфильме».

Разбирая архив, я нашла отрывок (окончание) из неопубликованной поэмы Зинаиды Шишовой «Атаманша Настя». У невестки З. Шишовой Надежды Колышкиной было начало поэмы, и она любезно разрешила напечатать эту поэму.

Что я и делаю. В правом столбце – копия рукописи, в левом – расшифрованная поэма с сохранением орфографии и пунктуации автора.

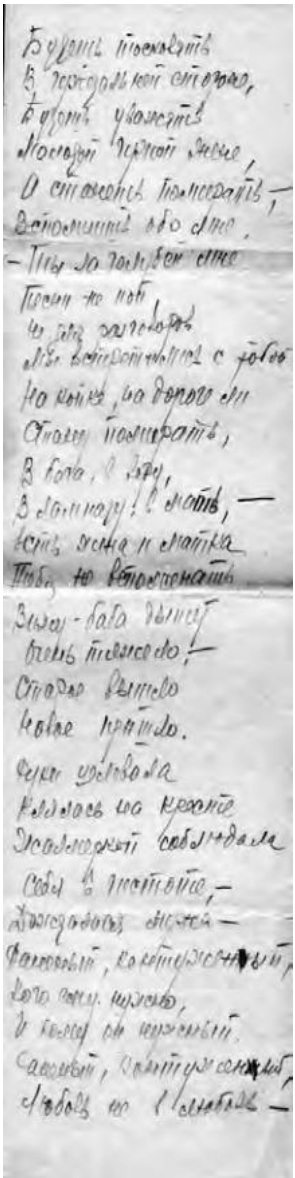
Поэма «Атаманша Настя»

Будем тосковать
В чужой стороне,
Будем уважать
Молодой чужой жене.
Казачья песня

Обгоняю – вижу
Баба в седле
Белая, рыжая
Навеселе.
– Вороти-ка дышло
И слышу в ответ
– Старое вышло
Нового нет
Старое начальство
Постреляно лежит
Новое начальство
От пули бежит
Погуляем, значит.
Наделаем дел, –
Ой, надел казачий.
Двойной надел –
Ты коня не трогай
Не маши рукой
Помрешь под дорогой
Смертью лихой
Улыбалась пышными
Губами в ответ
Старое вышло,
Нового нет
Смерть не лихая,
Если быстра
Ой, голубей стая,
Пламя костра –
Будешь тосковать
В чужедальней стороне.
Будешь уважать

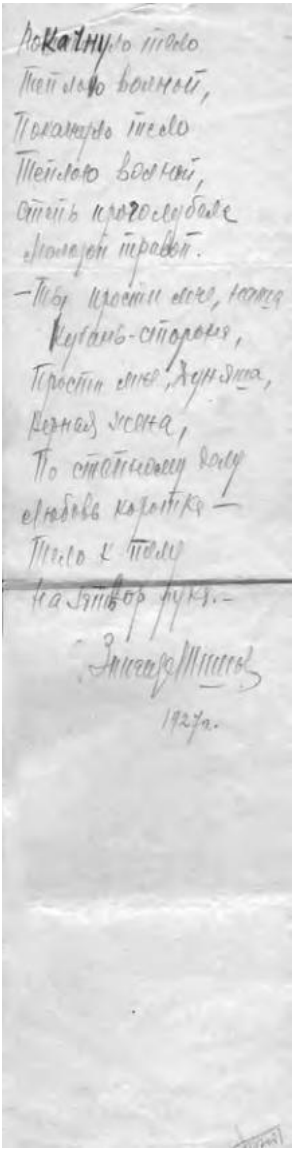
Молодой чужой жене,
А станешь помирать, –
Вспомнишь обо мне.
– Ты за голубей мне
Песни не пой,
Не для разговоров
Мы встретились с тобой
На койке, на дороге ли
Стану помирать,
В бога, в веру,
В лампаду, в мать, –
Есть жена и матка
Тебя не вспоминать
Вижу – баба дышит
Очень тяжело, –
Старое вышло
Новое пришло.
Руки целовала
Клялась на кресте
Жалмеркой соблюдала
Себя в тесноте, –
Дождалася мужа –
Раненый, контуженый,
Кого ему нужно,
Кому он нужный.
Раненый, контуженый,
Любовь не в любовь –
Без детей, без мужа
Молодая кровь, –
Так держите ж, рученьки,
Крепче повода,
Ой, ты Дон широкой,
Тихая вода.
Заводи и плесы,
Сети-невода, –
Не увидишь, мамонька,
Дочку никогда.

В душе тоскует
В тоскливой стороне,
В груди ютится
Молодой горячей жене,
О стороне толкует,—
Вспоминает обо мне.
– Ты за тальян-то
Песен не пой,
Не для разговора
Мы встретились с тобой
На поле, на дороге ли
Стали повторять,
В бога, в веру,
В домну! В мать,—
Есть жена и матка
Тебя не вспоминать.
Знаю – баба девка
Очень тяжело!
Старое разбито
Новое не склеено.
Руки опустила
Молодость не крепко
Оглядеться сбоку дала
Себя в платочке,—
Загорелось сердце —
Фабричный, кокетливый,
Кого ему нужно,
И кому он нужный.
Сапожки, полушубок
Слобоцкой не в диковинку —

То с девой, без мужа,
Молодость губя,—
Так безвозвратно же, родная
Крепко подружа,
Он, тихий, спокойный,
Тихий вдруг,
Зайдет и невзначай,
Отец-хозяин,—
Не пущать – молчанка,
Этих никогда.
Угадай чужие
Сердца) на замок,
На тенор, их колокол,
На тихий конь,

Городской кулак,
С образцом – учителей
Вместе занятий не мог?
– Ты, милая, не убивай,
Ты смотри сама;–
Дом не красна,–
Дай не ломать
Катится рубаха
С крутого плеча,
С поводу, со стороны
Баба позади.
Встанет друг белой
Каменной стены,

Упадали черные
Ресницы на лана,
Как топор, как камень,
Как топот коня,
Целился дважды,
Трогая курок,
С жалости-жажды
Выстрелить не мог
– Ты, казак, не цельсь,
Ты смотри сюда, –
Я ли не красива, –
Я ль не молода
Катится рубаха
С круглого плеча,
С голода, со страха
Баба горяча.
Встали груди белой
Каменной стеной,
Покачнуло тело
Теплою волной,
Покачнуло тело
Теплою водой,
Степь проголубела
Молодой травой.
– Ты прости мне, наша
Кубань-сторона,
Прости мне, Дуняша,
Верная жена,
По степному делу
Любовь коротка –
Тело к телу
На затвор рука.

Зинаида Шишова

1927 г.

(Сохранена авторская орфография
и пунктуация)

Закончился учебный год, прошла защита работ. Наша работа «И вновь горит «Зеленая лампа» получила диплом III ступени. В новом году продолжим творческий поиск. Хотелось бы издать сборники стихов всех участников «Зеленой лампы», сохранившихся лишь в газетах и журналах.

Анатолій Глущак

Неканонічний Нечерда

Виповнилося 75 років з дня народження знакового українського поета Бориса Андрійовича Нечерди (11.07.1939 – 11.01.1998). Його творчість віддзеркалює кращі якості українських шістдесятників у літературі. А коли говорити про формотворчі засоби, інструментовку віршів (перш за все – римування), тематичні вектори – то незаперечною є певна синхронізація модерністських течій усіх східнослов'янських літератур. У росіян вісниками оновлення були Євген Євтушенко, Андрій Вознесенський, Роберт Рождественський, котрі добували «енергоресурс» з копалень поетики Володимира Маяковського, Бориса Пастернака, Марини Цвєтаєвої та й Велеміра Хлєбнікова.

Борис Нечерда почав писати вірші в Олександрії Кіровоградської області. Друкував їх українською і російською мовами в районній газеті. Перші проби пера були досить вправними, але не провіщали з'яви на поетичному небі нової яскравої зірки. Але після вступу до Одеського інституту інженерів морського флоту, розвідувальної поїздки до Москви з намірами стати студентом Літературного інституту, знайомства літературним життям приморського міста він відкрив у собі нові запаси зору і слуху, розуміння того, що від покоління до покоління, від епохи до епохи жива матерія поезії шукає не лише нові русла, але й незвідані духовні материки.

«Час ученичества – он в жизни каждой торжественно неотвратим», – обмовилася М. Цвєтаєва, певно не маючи на увазі конкретно поезію. Але в «часі учнівства» найвартіснішою складовою були написані в Одесі російські вірші. Вони частково збереглися в моєму архіві – ми познайомилися з Нечердою десь року 1960, з 1961-го він почав працювати в газеті «Комсомольське плем'я», а з січня 1962-го і я вже був зарахований до штату редакції. З тих пір дружили. Нечерда читав колегам свої вірші, щедро дарував копії в машинопису. Його тодішні строфи були

В. Кабаченко. Зелене море. Посмертя Бориса Нечерди. 2012

співзвучні духу газети, творчій піднесеності колективу на чолі з талановитим редактором Єрвандом Григор'янцом. Тож до виходу першої збірки Борис друкував переважно твори російською мовою.

Це були публікації не новачка. А оскільки суспільну атмосферу після розвінчання культу особи Сталіна пойменували «Оттепелью», за назвою повісті Іллі Еренбурга, то її озонувала і розмаювала молода поезія. Романтизм ліричного героя Нечерди, авторська розкутість, свіжість інтонацій і мотивів окреслювали публічну резонансність творів. За деякими можна зрозуміти масштаб наближення Нечерди до поетичних практик Вознесенського – Євтушенка, ККД цієї гравітації.

Однак дебютував Нечерда збіркою «Материк», куди увійшли переважно авторські переклади російських версій, зокрема два вірші з нижчеподаних. Варто порівняти обидва мовні варіанти, щоб зрозуміти, які невідворотні втрати чигають на трансляційні наслідки, навіть коли за переклад береться автор.

Ще пригадую: якось в редакції з'явився молодий композитор і написав кілька пісень на слова Нечерди і Юрія Михайлика. Борисова «Мужская песня» починалася катреном:

Видно, мало отыграно маршей,
Стран – избитых чужими ногами,
Человечество крыльями машет,
Но хранит под руками наганы.

Далі не пам'ятаю. Але самопереклад Нечерда опублікував лише один раз – у збірнику «День поезії» за 1963 рік. Текст пісні Михайлика є в його збірках – з рефреном «Люди идут на север, птицы летят на юг». Ці дві пісні звучали в редакції чи не щоденно з півроку. Може, хтось знає інші російські твори Нечерди, скажімо, з виразним початком:

Марина, пора за дело,
И сумку мне приготовь,
Море заиндевело,
Как тысячи проводов…

Пропоную також не публікований вірш «Марина Цвєтаєва». Це була спорадична, спірна в низці моментів і трактовок реакція Нечерди

Борис Нечерда та Анатолій Глущак

на відкриття для себе материка Цвєтаєвої. А ще вірш-присвяту поряд з кількома іншими мав, напевно, на увазі Борис Андрійович, коли покаявся значно пізніше за глорифікацію, та ще й у радянській ідеологічній упаковці, мотивів терору. Буде справедливим зазначити, що майбутній лауреат Шевченківської премії в галузі літератури (посмертно) чимало газетярських публікацій писав у жанрі поем і публіцистичних віршів. Позбувся цього рудименту не одразу. Але – правду скажемо – в «Материку» він превалює. Справжній Нечерда постає у двох наступних книгах – «Лада» і «Барельєфи».

А спонукала мене до цього вчинку – публікації неканонічних віршів Нечерди – несподіване, виклично-дискусійне, з непроникним підтекстом зізнання Алєксандра Кушнєра в одному з віршів:

Я не любил шестидесятых,
Семидесятых, никаких…

Ніколи вже не дізнаємося, чи любив у зрілому віці (майже Кушнєрівському) Нечерда свої шістдесяті-сімдесяті.

Борис Нечерда

Ранние стихи

Мастерская осени

Нету сутолоки. Нету баталий.
Ты живешь на острове.
Остров –
необитаем.

Возраст у мира – ясельный,
Природа пока – профан.
И нет у тебя
обязанностей,
только одни права!

Можешь
на жалкий берег
посматривать генеральственно
И запретить Коперника,
поскольку ты –
гениальнее!

В себе открываешь с маху
Толстого,
Врубеля,
Баха!

Захочешь – легко и бравурно
Вселенную переиначишь.
Человек,
будь трижды правильный,
иногда свою душу нянчит.

Он заботы найдет,
как заборы,
от всего вне его
ограждающие.
Умиляется он собою
и теряет свою
гражданственность.

Люди,
принимаю вашу
бессонницу!
Как нам больно в ночи гадать:
сколько их на земле,
робинзонящих,
в переполненных городах?

Верю в верность,
в мечту,
в братанье!
Потому и тревогу кричу,
если рядом со мной –
предатель,
даже временный,
даже чуть-чуть.
Люди,
наказать никогда не поздно,
не спешите судить-материть.
Помогите, когда он с острова
вплавь уходит на материк.

Стихи о мужестве

Когда моя победа –
явная,
и впору пьедестальный камень,

я обращаюсь к сорок пятому
насколько память досягает…

Всходило солнце горным егерем
на Альпы туч,
а люди в санитарном ехали
и зажимали стон во рту.
А на перроне виноградарей
от злой торговли шибло в пот.
И довоенной фотографией
медсестрам хвастался слепой.

Одну позвал. Смеется:
– Девушка,
ты зря подарок не брала.
Твой тоже так…
Куда тут денешься?
И брал за талию:
– Приляг.

Она ладонью –
р-раз! –
аж полосы.
Кричит сквозь слезы:
– На те, на!
И кобуру рванул начпоезда –
молодцеватый лейтенант:
– Галина, стой.
Я сам…
Не мучайся…
Ушли вагоны
и стрельба.
Как не хватает людям мужества,
когда окончена борьба.

Танец

Приказ по редакции,
Блокноты с собой.
Общественный свитер
Да пара сапог.

А газетчику много надо ли,
если он вездесущий парень?
Он в степи закочует надолго
и крутым табачищем пахнет.

Только осень подвохи делает,
мол, найдем по косе и камень, –
и встречается девочка-девочка,
и похрустывает стебельками.

Я спросил ее имя-отчество,
почему она плачет в поле.
А она отвечает:
– Хочется.
А зовите меня –
Любовью.
И сияет щеками мокрыми,
да от ветра хоронит губы,
да щекочет меня намеками
о событии в клубе…

Там на стенке с рушниками
злится Мусоргский
И дрожмя дрожит от шалой
ярой музыки.
Позлащенными мехами
круг расчистили,
Пол защелкал каблучками –
каблучищами.

И стоит она стройным деревцем,
И от глаз никуда не денешься…
«Пригласи меня наугад.
Вот спасибо, спасибьице…»
Не девчонка –
а Ниагар,
так и падает,
так и сыплется.
Эх, пойдет плясать,
начнет дробью,
и руками, и ногами,
а еще бровью.
Устоишь ли в хрычах,
новый хлопец?
Мне орут хохоча:
– Топай – топай!
Смешки зевак.
До чего же люто!
Эх, черта с два –
берегись-ка,
Любка!
А она свои дукаты
о пол сеяла!
И откуда ты такая
не осенняя?
Ху!..
«Доконала-таки, ну полноте», –
Мне сочувствуют сельские парни.
А она мне – улыбку:
– Помните,
это вам, – говорит, – на память…

Расставания, расстояния…
Но, наверное, любят люди
за хорошее –
очень давнее,
И за то, что когда-то
будет.

* * *

Я слова, может быть, комкаю
и срываюсь потому на крик,
что даются мне командировки,
как путевки северянину
в Крым.

О пропади вы пропадом,
вагонные Энеиды!
Сколько раз я пробовал
обмануть наитье.
Уговаривал себя забыться,
мол, меня все не касается;
от окружностей событий
удаляйся по касательной.

Перед гадом дверь захлопывал
или посылал в нокаут.
Но газетные хлопоты
возникают,
возникают…

Обо всем не расскажешь в очерке,
да и права-то не имеешь,
если чувствуешь в доме отчем
гастролирующим
Емелей.
Если судьбы людей –
крест-накрест
и горят, как сухое дерево.
Кто я, все-таки,
работяга
или просто
идейный деятель?

* * *

О, это небо блудит, блудит,
оно кишит крылами птиц,
когда к ночному дому люди
боятся близко подойти.

Там над столом цигарка бродит,
как синий чад
в версту длиной.
Садится творчество напротив
поиздеваться надо мной.

И я не знаю:
как, откуда? –
но вижу:
привязь обретя,
баркас дежурит, как акустик
над языком морских бродяг.
Его потом с припая снимут,
столкнут в осеннее вино…
Все так легко необъяснимо,
что нестерпимо в эту ночь!
Из дома прочь!

…Деревья шепчут
и в лунный брошены огонь.
И ты отчасти сумасшедший,
как над палитрами Ван-Гог!
А блики пляшут, звуки стонут,
и ты поставлен под удар.
Вот так в открытые кингстоны,
рыча, врывается вода.
А утром к дому.
Жалок, сморен,
за ночь – разжалованный царь.
И остается море – морем,
не объясненным до конца.

Но мы все чаще замечаем,
хоть все ошибки не видны,
осенней мудрости начало
и уязвимость –
глубины.

Марина Цветаева

Ми навантажені гучними цитатами,
як бочками кораблі.

Зоставила нам Цветаева
віршів
язичний колорит.
Муками нас морила,
морозила як замет.

Жила в Россії
    Марина
окремо –
    була смерть.

Очі підпабузників і сяк і так
бігали:
ну що ж повеліть?
А потім видали їй
забуття,
як орден
за вислугу літ…

…Та шепіт ожив підпільний:
заборонена. «Клас! Модерн!»
Марино,
та ви не бійтесь,

це –
принципове «не те».
Це не вітер –
а мазання.
Не воскресіння – гроб!

Марино,
дістаньте маузер
і жарте баригам в лоб.
Стріляйте
в підпільні ридання,
винесені
на базар!
Я вірю, що ви –
радянська,
як пітерський комісар.

Я знаю:
ночами порожніми,
лякаючись тіней своїх,
поети
незаборонені
приносять обойми
їй!

Чоловіча пісня

Видно, мало відіграні, маршів
І одміряно верств ногами.
Людство в небі господарем майже
Та при боці тримає нагани.

Видно, мало йому похоронок
І відчаю оточень піхоти.
Може, знов по землі по холодній
Чоловіча частина походить?

Але поки ще з дому не вийшли
З речовими мішками назовсім.
– Подивіться, як жадібно вишні
Пригортаються вранці до сонця!

Журавлі підіймаються з поля
І від нас відлітають журливі…

О зверніть на коханих свій погляд.
Поки ніжні вони, а не сиві,
І шепочуть самими губами,
Що народять синів нам багато.

Ну, а ми їм квіток зриваєм –
І готуємось мовчки в солдати.

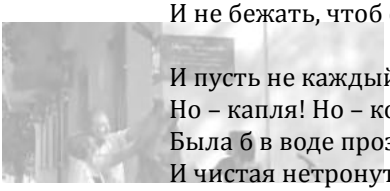
В память о Марине Хлебниковой

В Ильичевске в сентябре этого года на улице Хандадзе, 2, открыли мемориальную доску в память о талантливом поэте. Марина Хлебникова прожила недолгую жизнь, родилась в 1958 году, ушла из жизни в 1992. Но стихи ее живут.

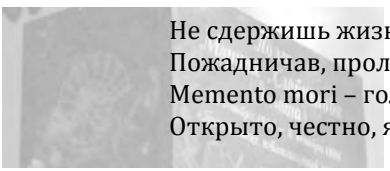

Memento mori

О смерти помнить – значит щедро жить.
О смерти помнить – значит не дробиться!
Собою торопиться напоить
И не бежать, чтоб самому напиться.

И пусть не каждый – бурная река,
Но – капля! Но – колодец! Но – ручей!
Была б в воде прозрачность родника
И чистая нетронутость ключей.

Не сдержишь жизнь забором и замком,
Пожадничав, прольешься каплей скудной!
Memento mori – голову на кон –
Открыто, честно, ярко, безрассудно!

Татьяна Щурова

«Жизненная энергия и эмоциональная стихия…»

В этом году к 185-летнему юбилею Одесской национальной научной библиотеки им. М. Горького мы получили много книжных подарков.

Несколько редких изданий, как обычно, передал в отдел искусств Евгений Михайлович Голубовский, который всегда находит для фонда библиотеки уникальные на сегодняшний день, малотиражные книжки.

Думается, далеко не в каждом библиотечном собрании Украины есть, например, книга Сергея Прокофьева «Дневник-27» (Париж: Синтаксис, 1990). Она интересна для нас не только «одесскими страницами», но также позволяет вспомнить «яркий и смелый талант» одного из самых одаренных композиторов первой половины XX столетия Сергея Сергеевича Прокофьева (1891-1953).

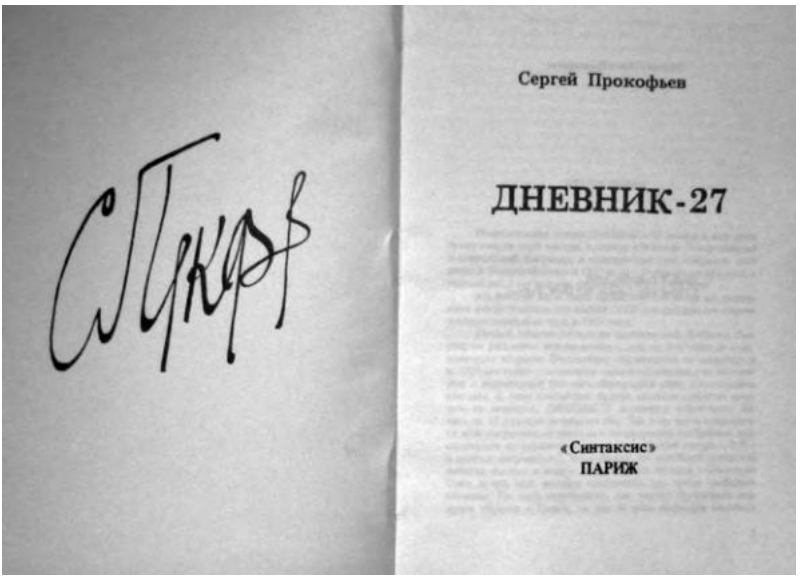

Он был незауряден с детства – в пять с половиной лет появилось его первое произведение, с шести лет мальчик сам записывал свою музыку, в 9 лет написал первую оперу «Великан». Юного Прокофьева показали Танееву, и мальчик был благословлен им на дальнейшее творчество. Ему повезло учиться у Р. Глиэра, а затем в Петербургской консерватории у А. Лядова, Н. Римского-Корсакова, Н. Черепнина. В 1908 году,

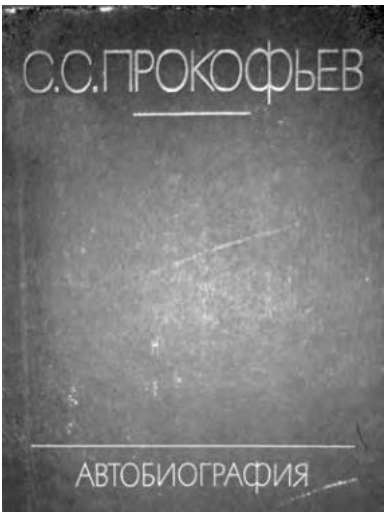
то есть в 17 лет, Прокофьев сочинил симфонию. Неудивительно поэтому, что фабрика «Шредер» на окончание консерватории присудила именно ему в 1914 г. рояль как наиболее перспективному студенту.

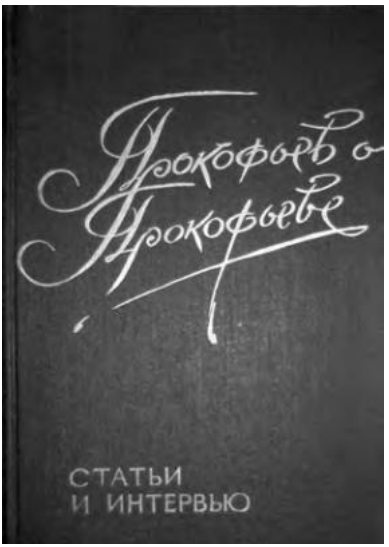

С 18 лет Сергей Прокофьев много выступал. Нельзя сказать, что его творчество и мастерство пианиста нравились всем. Существовала жестокая борьба мнений в музыкальной критике. Она закаляла характер, и молодой автор при этом внешне всегда был невозмутим. К тому же даже противники признавали бесспорность его дарования.

Прокофьев почти всю жизнь вел дневник. На основе своих записей позже он написал «Автобиографию» (М., 1982), где подробно описывает

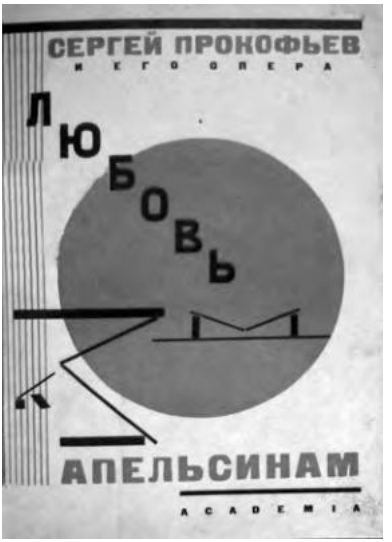

период от самых ранних лет до года окончания композиторского отделения Петербургской консерватории. Получилась увлекательная повесть, в которой хочется отметить блеск литературного стиля автора, точность и лаконичность в характеристиках людей и событий.

В 1918 году Прокофьев выехал в США, по дороге успешно выступил с концертами в Японии. Потом были Франция, Германия, Англия, Италия, Испания. Зарубежная критика отмечала его «энергичный ритм и меткость гротеска, свежесть и причудливость тематических идей…».

Вернемся к парижскому изданию «Дневник-27». Книга была подготовлена к печати младшим сыном композитора Олегом. Он обнаружил машинописную копию записей отца после смерти матери (первая жена Прокофьева – Лина Льюбера-Прокофьева) в 1989 году в Париже. Этот документ – подробная летопись пребывания композитора в СССР с 13 января по 24 марта 1927 года день за днем. Прокофьев описал события уже дома в Париже по отдельным записям, которые он делал во время турне. Писал для себя, считает сын, «искренне и непредвзято». Читать очень интересно. Прокофьев наблюдает, описывает, раздумывает о своих дальнейших планах (он окончательно вернулся в СССР в 1936 году). Его интересуют

детали советской жизни, эксперименты в искусстве, политики, которым в 30-е годы была уготована печальная участь. Композитор убедился, что и на родине его мастерство пианиста-виртуоза и музыкальные произведения должным образом оценены, хотя в его записках вы не найдете упоения победой над слушателем. Нужно сказать, залы во всех городах реагировали по-разному, но чаще всего в конце выступления Прокофьеву устраивали овацию и заставляли играть сверх программы.

Одесса не явилась исключением. 14 и 15 марта 1927 года композитор провел в Одессе, дал в оперном театре два концерта, которые, как писала газета «Вечерние известия», «прошли с исключительным художественным и материальным успехом». Здесь же было напечатано интервью с композитором и подробный отчет о концерте.

В «Дневнике» хорошо описана атмосфера на концертах в Одессе, реалии того времени, «свежий» взгляд на Французский бульвар, Аркадию, «Лондонскую», «Бристоль». Прокофьев хорошо запомнил южный темперамент юных одесситов, хотя конкретно ни о ком из них не написал. А ведь тогда ему показали 18-летнего Давида Ойстраха, 11-летнего Святослава Рихтера и 10-летнего Эмиля Гилельса. Дружба и сотрудничество с этими великими музыкантами начались позже в Москве и продолжались многие годы. Интересно, что все трое оставили воспоминания о первой встрече с Сергеем Прокофьевым в Одессе. Процитируем их по книге: «Прокофьев о Прокофьеве: статьи, интервью». – М., 1991. (Книга была издана к 100-летию со дня рождения Прокофьева.)

Из воспоминаний Д. Ойстраха:

«Это было большим событием. Концерты Прокофьева происходили в помещении оперного театра. Еще задолго до начала зал был уже

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

Вечерние ИЗВЕСТИЯ

ЦЕНА 5 к.

ВТОРНИК, 15 МАРТА, 1927 г. № 1182.

Понижение жел.-дор. тариф на экспортные грузы

Что даст новая квартирная плата

Переучет врачей

Жилстроительство на курортах

ЗАМОЩЕНИЕ ЛЮСТДОРФА

В КИТАЕ

СРЕД НА ПАРАДЕ.

ВОЕННЫЙ СОВЕТ ПРИ ГОМИНДАНЕ.

КРУШЕНИЕ ПОЕЗДА.

ИНСТРУКЦИЯ ИМПЕРИАЛИСТИЧЕСКОЙ ПЕЧАТИ

ИЮНЬСКАЯ СЕССИЯ ЛИГИ НАЦИЙ В БЕРЛИНЕ

С'ЕЗД КРАСНЫХ ФРОНТОВИКОВ

ВСЛЕД ЗА ЛАТВИЕЙ—ЭСТОНИЯ

ИТАЛЬЯНСКИЕ ВОЙСКА НА ЮГОСЛАВСКОЙ ГРАНИЦЕ

весь полон. (…) Не знаю почему, но я чувствовал себя именинником. (…) Игра Прокофьева поразила меня своей простотой. Ни одного лишнего движения, ни одного преувеличенно выраженного чувства – ничего, что можно было бы определить как желание произвести впечатление. (…)

После концерта одесская общественность устроила в честь композитора банкет, на котором с исполнением его произведений выступили местные музыканты. Вместе с другими приветствовать Прокофьева исполнением Скерцо из его Первого скрипичного концерта был выделен и я. (…) Менее всего я мог ожидать, что выступление мое окончится для меня таким конфузом. (…) Во время моего исполнения лицо его делалось все более и более мрачным. Когда же по окончании раздались аплодисменты, он не принял в них участия. Сделав большой шаг к эстраде, он тут же, не обращая внимания на шум и возбуждение публики, попросил пианиста уступить ему место и, обратившись ко мне со словами: «Молодой человек, вы играете совсем не так, как нужно», – начал показывать и объяснять мне характер своей музыки. Скандал был полный…»

Из воспоминаний С. Рихтера:

«Первое, что связано у меня с именем Прокофьева, это – как все играют Марш из «Любви к трем апельсинам». Новинка, которая всем очень нравилась. И когда Прокофьев приехал в Одессу и играл свои сочинения, все решили: единственное, что хорошо, – это Марш. Он играл

КОНЦЕРТ СЕРГЕЯ ПРОКОФЬЕВА

Огромный интерес, вызванный в ряде крупн. центров выступлениями С. Прокофьева, внешне весьма ощутительно сказался и у нас. По крайней мере, вид зрительного зала городского театра и сцена, усеянная слушателями, вчера, в 1-ом концерте Прокофьева, ярко свидетельствовали об этом. Нельзя, однако, сказать, чтобы «скептическую» Одессу Прокофьев сразу покорил. Быть может, причина здесь не только в непривычке к новым звучаниям. При большой заинтересованности к симфоническим произведениям Прокофьева (вспомним недавний решительный успех его «Классической симфонии»), быть может, лучше было бы для начала организовать симфонический концерт из произведений композитора с личным участием последнего в качестве солиста. Так, думается, творчество Прокофьева для большинства полнее и выгоднее отразилось бы.

Но, так или иначе, понадобилось пройти целому отделению, даже большей части программы, чтобы наша публика была, наконец, захвачена, даже покорена огромным дарованием Прокофьева — композитора, а равно — пианиста.

Действительно, как композитор, Прокофьева, это—его искренность, ключительного порядка. Это талант очень большой силы, весь находящийся в органическом устремлении **вперед**, талант, идущий в своем творчестве **самобытным** путем, им самим избранным и созданным. И, что представляется самым характерным в творчестве Прокофьева, это его искренность. Непосредственно льется творческая мысль, ни в чем нет надуманности, поддельывания под настроение.

Его сонаты, примерно, третья, — мало будто дошедшая до нашего слушателя. При всех ее ультрамодернистских гармониях, сколько все таки в ней напевности, явного лиризма. А во второй сонате ритмика «скерцо», выразительная мелодика «анданте», неожиданности построения «финала». Как и это глубоко интересно, [illegible] и оригинально ярко!

Затем «Десять миниатюр». Десять прелестных маленьких пьес, овеянных поэзией, из которых каждая звучит самостоятельно и законченно. Наконец «Токката» (старинное название пьесы в живом темпе). Это весьма значительное произведение, которое, несомненно, войдет в обще-фортепьянную литературу, как изумительный образец четкости «маркированного» ритма.

А затем — Прокофьев действительно замечательный пианист. Его техника колоссальна. Богатейшие знания свойств инструмента дают ему возможность извлечь из него тончайшие нюансы (что в нашем-то разбитом «Шредере» особую «бархатистость» звука. Какая сила удара, какая бисерная чистота и четкость в передаче труднейших «прокофьевских» пассажей...

Неудивительно поэтому, что по конец концерта увлеченные [illegible] устроили Прокофьеву шумную [illegible] цию и заставили его много [illegible] сверх программы.

ЛАРГО

2-й и ПОСЛЕДНИЙ КОНЦЕРТ С. ПРОКОФЬЕВА.

Сегодня в театре им. Луначарского **второй и последний концерт** знаменитого композитора и пианиста **Сергея Прокофьева** по новой программе.

Вчера концерт прошел с **исключительным художественным и материальным успехом.**

Билеты продаются в рабкассе и касса театра. Начало в 8 с пол. часов вечера.

У Сергея Прокофьева

Высокий, худощавый, с самоуверенно-упрямым выражением лица и нетерпеливыми движениями избалованного, заласканного славой человека, Сергей Прокофьев не из числа словоохотливых и обязательных собеседников. От одних вопросов знаменитый композитор старается отделаться незначительной общей фразой, на другие — предпочитает совсем не отвечать. Беседа в начале, естественно, вращается вокруг впечатлений Сергея Прокофьева от приезда в Советскую Россию.

— Какими вы нашли сейчас музыкальный Ленинград и Москву?

— Мои впечатления, конечно, в значительной степени не полны и односторонни, так как они проходят сквозь призму отношения публики к моим концертным выступлениям... Правда, я не могу пожаловаться в этом отношении на столичную публику. Я был поражен тем вниманием, с которым она слушала и воспринимала мои произведения. С большой похвалой я должен, между прочим, отозваться о «Персимфансе», который оставляет неключительно приятное впечатление серьезностью, точностью и сыгранностью исполняемых им вещей.

— Остались ли вы довольны постановкой в Ленинграде вашей оперы «Любовь к трем апельсинам».

— Очень. Она превзошла мои ожидания. Я совершенно искренно высказал мое мнение, что ленинградская постановка превосходит во многих отношениях постановки моей оперы в Америке и в Германии. Между прочим, «Любовь к трем апельсинам» пойдет в Москве в большом оперном театре. Я смотрел макеты художественного оформления постановки, изготовленные художником Рабиновичем. Они оставляют прекрасное впечатление и я остался ими очень доволен.

— Являетесь ли вы убежденным и последовательным модернистом?

— Я считаю этот термин сейчас устарелым. Лет 15—20 тому назад, когда кличкой «модернист» чуть ли не пугали публику, это имело свой смысл. Ну, а теперь многие из этих модернистов уже стали признанными.

— Каковы ваши музыкальные принципы?

— **Писать хорошую музыку.** Это единственный и главный мой принцип, — весело усмехнувшись, ответил Прокофьев.

— Что нового в западной музыке?

— Мне-бы не хотелось высказываться об европейских композиторах, в частности, о французских, так как ничего особенно лестного я не могу о них сказать. Конечно, самым ярким и талантливым среди них является несомненно Игорь Стравинский, который уже лет 15 живет за-границей.

— Над чем работаете вы в настоящее время?

— Я заканчиваю оперу «Огненный ангел» из сюжета одноименной повести Валерия Брюсова. Осенью текущего года она будет поставлена в Берлине. Кроме того я занят переработкой своей оперы «Игрок» (по сюжету романа Достоевского), написанной мною еще в 1916 году. Опера эта пойдет в будущем сезоне в Ленинграде в постановке Мейерхольда.

— Как долго вы пробудете в СССР?

— Мне необходимо вернуться с скорости в Париж, где начнутся репетиции моего нового балета Дягилева. Название этого балета еще окончательно не установлено. Действие его происходит в Москве в 1919 году в советское время.

А.

много, целый вечер, но ждали только Марша. И музыканты говорили: «Да, замечательно, замечательно»… но все сводилось к Маршу. (…) Однажды папа взял меня с собой – в консерваторском зале на встрече с преподавателями и студентами консерватории должен был выступать Прокофьев. В зале были сумерки. К публике вышел длинный молодой человек с длинными руками. Он был в модном заграничном костюме, короткие рукава, короткие штаны, – и, вероятно, поэтому казалось, что он из него вырос. И все такое же клетчатое, как обложка «Трех апельсинов».

Помню, мне показалось очень смешным, как он кланяется. Он както так переламывался – чик! Притом глаза его не изменяли выражения, смотрели прямо и потому устремлялись куда-то в потолок, когда он выпрямлялся. И лицо его было такое, как будто оно ничего не выражало.

Потом он играл. Помню, на меня произвело впечатление, как он играет все без педали и очень «законченно». Он играл свои мелкие вещи, и каждая была как элегантный деликатес в строго обдуманном меню. Для меня это было очень необычным и сильно отличалось от того, что я раньше слышал. По глупости и по детскости мне казалось, что все им сыгранное похоже одно на другое (такими же похожими друг на друга казались мне тогда и сочинения Баха).

В конце был Марш.

Публика осталась довольна. Прокофьев тоже. Он кланялся с аккуратным довольным видом: не то цирковой фокусник, не то персонаж из Гофмана».

Из воспоминаний Э. Гилельса:

«Впервые я услышал Сергея Сергеевича Прокофьева в 1927 году в Одессе. Его облик композитора-пианиста запечатлелся на всю жизнь. Помню высокую фигуру у рояля, особую, неповторимую манеру игры «наотмашь», свойственную только одному Прокофьеву».

Концерты Прокофьева в Украине состоялись тогда также в Киеве и Харькове. Интересно, что незадолго перед гастрольным турне Прокофьева по СССР были изданы две небольшие любопытные книжки, которые поступили в нашу библиотеку незадолго до его приезда. Одна из них готовила слушателя к постановке оперы «Любовь к трем апельсинам» в ленинградской Акопере. Вышла она в престижном издательстве «Academia» в 1926 году. В ней приводился автобиографический отрывок из самого композитора и очерки музыковеда Игоря Глебова (псевдоним

академика Б.В. Асафьева), дирижера Владимира Дранишникова и режиссера Сергея Радлова. Небольшие, но емкие по смыслу материалы свидетельствовали о том, что люди искусства понимали, что Сергей Прокофьев – «выдающееся явление в современной европейской музыкальной жизни, интерес к которому растет повсюду». В начале 1927 года в Ленинграде в издательстве «Тритон» Игорь Глебов напечатал монографический очерк о Прокофьеве, где вновь отметил «жизненную энергию и эмоциональную стихию» в музыке композитора.

Нужно сказать, что с тех пор появилось множество публикаций,

книг, альбомов, где раскрываются страницы творчества Прокофьева и раннего, и всех последующих периодов. Немало нового сказано о его непростой личной судьбе. Но книги, попавшие сегодня в зону нашего внимания, остаются раритетами, и интерес к ним с годами только увеличивается.

«Одесские» страницы из книги Сергея Прокофьева «Дневник-27»

14 марта, понедельник.

Утром – Одесса. На платформе встречает с десяток неизвестных мне людей – представители филармонии и Акоперы. Вообще мне неясно, от кого из двух я выступаю, и лишь впоследствии я выяснил, что раз я был ангажирован Тутельманом, то значит от Акоперы. Но т. к. меня непременно хотела иметь филармония, то Акопера меня ей перепродала, по утверждению членов дирекции филармонии, за двойную цену против уплоченной мне. Впрочем, украинская Акопера платила мне в долларах, а филармонийцы перекупали меня за рубли.

Комнаты нам были отведены в отеле «Бристоль», ныне – Красная гостиница, но по старой памяти называемая «Бристолем». Жаль, что не на берегу моря. У нас две огромнейшие комнаты, но отделенные от коридора тонкими дверьми, так что слышен шум со всей гостиницы. К тому же телефон как раз против нашей двери. От этого шума не удается отдохнуть ни минуты.

Гуляем по Одессе. Для Пташки приезд в Одессу более значителен, чем для меня: я в Одессе в первый раз, она же жила там в раннем детстве, у дедушки, действительного статского советника и председателя суда. Здание театра она узнала сразу.

Мы вышли к морю. Порт совершенно пуст и само море серое: весна еще не началась.

Вечером концерт в оперном театре. Зал полон, и кроме того рядов пятнадцать на эстраде, что всегда придает некоторую парадность. Я с интересом рассматриваю театр, красотой которого так гордятся одесситы. Мою программу публика принимала сначала сдержанно, но затем мало-помалу разошлась, хотя

и не в той мере, как вчера в Киеве. В артистическую заходит Павлуша Себряков, который после концерта отправляется с нами в гостиницу.

15 марта, вторник.

Об этом дне записи не сохранилось. Вечером второй концерт: в том же зале, при такой же обстановке и приблизительно с тем же успехом, что и накануне.

После концерта был ужин, после которого здешний тенор превосходно спел Гадкого Утенка. Лишь аккомпаниаторша портила дело. Но его исполнение было настолько хорошо и свободно, что мне самому захотелось проаккомпанировать ему – и мы исполнили еще несколько моих романсов.

16 марта, среда.

Утром зашла к нам сестра Горчакова*. Революция и продвижение большевиков на юг разъединила ее с семьей. В свое время она пыталась перебраться в Румынию – вплавь через реку, но это кончилось неудачно. Теперь она учится в какой-то медицинской школе, живет впроголодь и вообще выглядит человеком дичащимся и недоверчивым, так что потребовалось немало ласковых слов, чтобы услышать от нее человеческое слово. Выяснилось, что больше всего она боится, как бы ее по окончании образования не услали куда-нибудь в деревню. Поэтому я обещал похлопотать за нее перед докторами, входящими в состав дирекции филармонии.

Как раз скоро подъехал один из них, доктор Гольдман, для того чтобы поехать с нами на автомобиле в Аркадию – местечко у берега моря в нескольких километрах от Одессы.

До сих пор мы видели мало разрушения в Одессе по сравнению с Киевом, лишь сильно пострадали деревья, которыми были обсажены улицы: большинство из них было вырублено на дрова. Но теперь, по дороге в Аркадию, нам как раз пришлось ехать по бульвару (кажется, Французскому), по которому в свое время с боем наступали большевики, и вдоль которого с обеих сторон жарила артиллерия. Здесь огромное множество домов и вилл,

* Сестра музыкального секретаря Прокофьева, Георгия Горчакова.

в свое время парадных, было разрушено. Др. Гольдман указывал на некоторые из загородных домов, ныне обращенные в дома отдыха для рабочих, но это было каплей в море по сравнению с общим разрушением.

В Аркадии чрезвычайно милый берег, защищенный от ветра пригорками и пригреваемый с юга солнцем. Здесь мы попали в иной климат, а др. Гольдман тем временем преинтересно рассказывал о своем прошлогоднем путешествии по Закавказью и Закаспийскому краю. Про Бухару и Хиву, с которой сообщение аэропланом. Это было тем более интересно, что живя в Париже, совершенно не знаешь, в каком состоянии эти полудикие окраины России. А между тем оказывается, что советские граждане отправляются туда для отдыха и развлечения.

Возвратившись в Одессу и расставшись с Гольдманом, мы отправились завтракать в Лондонскую гостиницу, с окнами, дающими на море. Там к нам подсел Пресняков, бывший профессор пластики в консерватории, которого там в свое время не особенно любили, но которым интересовались, т. к. к его классу естественно стремились наиболее красивые из учениц. Теперь вид у него был скорее просительный – главным образом на предмет того, как бы ему выбраться за границу, ибо жизнь в России ему осточертела.

Затем мы вернулись домой, за нами заехал Столяров** и повез в консерваторию, директором которой он теперь состоит. Я обещал поиграть сегодня для учеников, которых собралось огромное множество, казавшееся особенно множественным благодаря сравнительно тесным размерам консерватории.

Столярова я помню еще учеником Петербургской консерватории по классу скрипки, затем он стал дирижером, а теперь попал в директора, но вид у него не солидный и не директорский, что я ему со смехом и доказывал:

– Неужели вас все-таки слушаются? Вы бы хоть отпустили себе бороду!

Играл я не очень много, но в набитом зале стоял страшный рев: южный темперамент одесситов постоял за себя. Когда же мы со Столяровым вышли на улицу и уселись в открытый автомобиль,

** Григорий Арнольдович Столяров (1892-1963), дирижер.

для того чтобы быть отвезенными в гостиницу, то вся консерватория, несколько сот человек, высыпала на улицу и провожала меня громкими криками; я же, отъезжая, раскланивался с ними. Словом, произошло целое народное волнение, очень симпатичное.

Вернувшись домой, мы собрали вещи и отправились на вокзал. Перед самым отъездом произошел забавный инцидент. Оказывается, какой-то тип уже второй день внизу ресторана ел, пил и заказывал дорогие блюда, говоря, что он приехал с Прокофьевым чуть ли не в качестве его секретаря. Параллельно с этим он красно рассказывал про заграницу и про разные случаи из жизни Прокофьева, а хозяин и прислуга слушали и записывали съеденное и выпитое на мой счет. Когда в момент моего отъезда выяснилось, что означенный тип никакого ко мне отношения не имеет, в отеле поднялась тревога. Метр д'отель кричал:

– Подождите, я его найду! Он от меня не уйдет!

Впрочем, нам препятствий не чинили и отпустили нас с поклонами. На вокзале нас провожали приблизительно те же, кто и встречали, главным образом доктора, потому что ОФО (одесское филармоническое общество) почему-то держится главным образом докторами. Была и Горчакова с букетом фиалок, которую я и рекомендовал заботам д-ра Сигаля, одного из влиятельных членов медицинской организации, который, разумеется, все готов был для меня сделать, и, как впоследствии выяснилось, не сделавший для нее ровнешенько ничего.

Вагон нам был прямого сообщения до Москвы, но не Международного о-ва. Впрочем, у нас было удобное полукупе.

Феликс Кохрихт

Tossa, bravo!

Нетрудно заметить, что название этих заметок напоминает о Коста-Брава – средиземноморском побережье Испании, граничащем с Францией. Там от Барселоны до Порто-Вендрос расположены старинные городки, ставшие знаменитыми курортами. В разные годы мы бывали в нескольких из них, но более всего запала в сердце Тосса-де-Мар. Тосса у моря. Несколько лет назад она внезапно предстала перед нами, стоящими на борту катера: сказочная крепость, за стенами которой угадывался сказочный же город.

Мы прервали запланированный маршрут, вышли на берег уютной бухты и остались здесь до вечера – поднялись к зубчатым стенам и башням цитадели, бродили по ведущим вверх булыжным улицам, заглядывали в мастерские художников, пили вино и грустили о том, что не можем остаться хотя бы на несколько дней – наши пожитки были в соседнем Льорете…

Популярность и востребованность Тоссы настолько велики, что в течение нескольких лет мы не могли забронировать номер в местных гостиницах (разумеется, речь шла о доступных для нашего кошелька). И вот прошедшим летом мы наконец вновь увидели Тоссу – на сей раз с серпантина, ведущего из Барселоны. И это был еще один взгляд на город, в котором люди живут несколько тысяч лет. Отель «Нептун», заслуживающий всяческих похвал, расположен между Римской виллой и стенами Старого города, которые не раз разрушались врагами, восстанавливались, и сегодня таковы, какими были в XII веке.

Даже по фрагментам виллы, бережно «отрытым» учеными, видно, что владелец-патриций обладал воображением, вкусом и средствами, – строения отлично вписывались в ландшафт, а предметы быта и произведения искусства IV века до н. э. поражают изысканностью и в нашем двадцать первом. В этом можно убедиться в Муниципальном музее, расположенном на одной из площадей крепости. Первый этаж старинного дома отдан памятникам античной эпохи, а второй и третий занимают живопись и графика художников не только испанских. С середины XIX века они жили (да и живут) здесь годами и представлены в залах своими работами. Знаменательно, что именно в маленькой Тоссе, а не в Мадриде

или Барселоне еще в 1935 году был создан первый в Испании музей современного искусства. Жемчужина собрания – картина великого Марка Шагала, расписавшегося на холсте в знак любви к этому пленительному городу…

А я, в свою очередь, признав все достоинства Тоссы, попросил Таню сфотографировать меня у этого шедевра с транспарантом «за Одессу». Так нынче поступают по всему миру многие наши земляки-путешественники, а завел эту традицию член редколлегии альманаха и мой соавтор по многим путевым заметкам Иван Липтуга.

Тосса – единственный на побережье уцелевший укрепленный средневековый город. За крепостными стенами – не только музеи, церкви, дворцы знати, но и жилые дома, в которых и сегодня обитают потомки моряков, воинов, торговцев, лекарей, кабатчиков. Они по-прежнему держат лавки, ресторанчики, таверны. Встречаются и бодеги – особые питейные «точки», где нас угощали вином из бочек, в основном красным, но встречался и отменный белый сухой херес, хотя,

увы, значительно реже, чем несколько лет назад… Попивают здесь и особое шампанское – «Кава», но это на любителя. И, разумеется, как и во всей Испании, каждое заведение потчует гостей сангрией – вином с фруктами и льдом, у каждого и свой рецепт. От жары спасает всякая…

Вина разного толка и цены хорошо идут под блюда каталонской кухни. Паэлья – пряная, сытная, огненная – для осени, а вот летний ледяной помидорный суп гаспачо особенным образом готовят именно в Тоссе в кабачке у музея, а в соседнем – лучшая на побережье тортилья: пирог с начинкой из яиц, картошки, трав, традиций, секретов, запеченный в особой духовке на дровах… Стоило нам заказать это сытное духмяное крестьянское блюдо, как тут же хозяйка харчевни нас зауважала, но скидки так и не предложила…

…Каждое утро мы шли из отеля к морю. Заходили в старый храм, стараясь не тревожить верующих, слушали, как куранты отбивают время.

Особенность городков побережья Коста-Брава – интенсивное каботажное (малое) судоходство. Признаюсь, нам, одесситам, было интересно (не без вздоха зависти) наблюдать за тем, как в гавань заходили-выходили катера самого разного типа и класса, выполняющие одну задачу: комфортную, быструю и безопасную перевозку пассажиров. Вместительные суда особой конструкции буквально сходу выползают носами на песчаный берег, не требуя причалов. Снуют катера с прозрачным дном, позволяющие экскурсантам любоваться подводными пейзажами, можно нанять рыбацкую лодку и отправиться в море с удочками, выйти под парусом, на байдарках. А вот грохочущих и опасных водных скутеров здесь нет.

Следует обязательно отметить, что испанских моряков, на чем бы они не служили, отличают не только отличная выучка, надежность и дисциплина, но и особый шарм, очаровывающий и почтенных матрон, и дам, и барышень, и совсем маленьких представительниц женского пола…

Тосса полюбилась многим знаменитостям – бронзовая голливудская звезда Ава Гарднер смотрит на город с высоты смотровой площадки цитадели… И еще одна знаковая фамилия неожиданно

напомнила о себе. Каждый день мы не раз проходили мимо магазинчика, торгующего бижутерией и экзотическими женскими «тряпочками», и лишь перед отъездом я впервые взглянул на вывеску – обмер от неожиданности и улыбнулся: «Babel»! Таким образом, спустя годы и расстояния выпускник Одесского коммерческого училища таки да стал коммерсантом…

…Вернувшись в Одессу, мы встретились с давними знакомыми – киевскими музыкантами, которые, оказывается, разделяют нашу привязанность и уже несколько лет подряд проводят отпуск в Тоссе. И как мы не встретились…

Можно было бы еще много чего вспомнить, и я рискнул зарифмовать некоторые наши впечатления.

Одесса и Тосса:
два «С» в обрамлении гласных.
Два имени женских –
прелестных и в чем-то опасных.

* * *

Если спросит рать святая:
«Хочешь жить в преддверии Рая?» –
Я отвечу: «Нет вопросов, собираюсь – еду в Тоссу!»
Если крикнет тетя Рая: «Но ведь там же нет трамвая!» –
Я скажу: «Там паровозик возит в крепость, напевая».
В Тоссе прямо на песочке загорают мамы-дочки.
Есть и гурии из Рая, есть похожие на бочку.
И своя есть тетя Рая.
Там бывают – вор на воре.
Там встречаются три буквы – вроде наших на заборе,
но, конечно, на испанском.
Переводчик уточняет:
«Первоклассную паэлью запивают здесь шампанским».
Ну, уж в эту-то таверну с Таней мы зайдем…
Наверно…

It's more than that
I Odegin

Babel

MANICA

* * *

Подайте сангрию любимую мою!
Холодного сварите мне гаспачо!
В конце концов: я дон или не дон?
На том стою – и не могу иначе!

* * *

Здесь встречаются и мачо:
глазки бегают по пляжу –
С донны на Мадонну скачут.
Девушки их обожают,
а потом в отелях плачут.

* * *

Холодок бежит за ворот,
ранним утром мы бредем
в старый, старый, старый город
и пока не устаем.
Вот стена, а в ней – проем.
Сверху видно:
из прибоя вынырнул на берег Гойя
и пошел будить Шагала…
Вы что – ждете продолженья?
Вы – в плену воображенья?
Вам и этого, блин, мало?

* * *

Жара сегодня спозаранку,
уже сошло с нас семь потов,
но мы идем кормить котов,
а их, поверь, немало, право,
на побережье Коста-Брава.

* * *

На корабликах, что ходят
по маршруту Бланес – Тосса,
служат бравые матросы,
у которых, как обычно,
ни малейших нет вопросов.
Они – сплошное предложенье.
Вы останетесь довольны –
никакого в том сомненья.

* * *

Наша Маня застеснялась –
машет белою рукой…
Ей в бодеге предложили
херес – белый и сухой.

* * *

Ни средь буйных матросов,
ни в процессе допросов,
ни в мелькании сабель –
живет в испанской провинции,
в курортной солнечной Тоссе –
человек по фамилии Бабель.
Не ведая кавалерии,
торгует себе бижутерией –
дешево и сердито.
Пока не видел биндюжников,
чекистов, веселых бандитов.
Еще не пишет рассказы.
В Одессе не был ни разу.

Фото автора и Татьяны Вербицкой
Одесса – Тосса

Иван Липтуга, Сергей Новохатский

Республика Z

Грузия – наверное, самая братская и дружественная нам сейчас страна. Именно поэтому туда хочется возвращаться как можно чаще. В Грузию стоит съездить не столько за ультрасовременными туристическими фишками или горными пейзажами, сколько за приятным общением.

С каждым годом способов добраться в гордую горную страну становится больше. В августе совсем молодая украинская авиакомпания YanAir запустила сразу два направления – Тбилиси и Батуми. Причем из аэропорта Жуляны, что гораздо удобнее и мобильнее Борисполя. Летели мы в Тбилиси, правда, дольше обычного – почти 3 часа, так как пришлось огибать злополучную зону АТО, а затем – не наш Крым. За несколько дней мы хотели проехать почти всю Грузию с востока на запад, из Тбилиси, через Кутаиси в Анаклию и затем в Батуми.

Уже который год политики, экономисты и простые завсегдатаи соцсетей ломают копья по поводу вопроса: Грузия действительно осуществила прорыв, или все эти реформы – лишь красивая картинка для туристов и инвесторов?

По-своему правы и те, и другие: избитое словосочетание «страна контрастов» – это про Грузию. Над остановкой электрички около входа в Батумский ботанический сад завис ржавый заброшенный кресельный подъемник, зато переход через пути «говорит по-английски»: «Attention! Train is approaching!». Этим поездом может оказаться как обшарпанная электричка времен развитого социализма, так и современный экспресс на Тбилиси. А на соседнем пляже с обветшалого волнореза открывается вид на сияющие небоскребы набережной Батуми.

Мало кто из путешественников может сказать о Грузии: «Я там уже все видел», – ведь буквально за последние два года в стране появилась масса новых приманок для гостей. К примеру, если вы посетили Грузию в относительно недалеком 2010-м, вам не удалось посмотреть пещеру Прометея, смотровую площадку в парке Сатаплия, восстановленный храм Баграти в Кутаиси, а также вы не катались на ультрасовременных канатных дорогах в Батуми и Тбилиси.

Наиболее нагляден для сравнения Тбилисский фуникулер. Он был открыт в одно время с киевским собратом, в далеком 1905 году, а реконструкцию проводили, как и у нас, в 2012-м. Но в Грузии от советского дизайна не осталось и следа. Самые козырные места в трамвайчике – около лобового стекла – отданы пассажирам, тогда как в Киеве там восседает суровая бабушка-вагоновожатая.

Красивые города, в которых уютно сочетаются древние традиции с современными дизайнерскими решениями различных строений – от мостов до жилых домов и офисных центров, горы, море, знаменитая грузинская кухня, вино и чача, а также местное радушие.

Тбилиси – столица. Этим все сказано. Старый город с узкими улочками и уютными кафе, на некоторых из которых висели украинские флаги, и новые смелые строения, которые органично вплетаются в местный ландшафт и дизайн.

Светящиеся мосты, телевышка, колесо обозрения, канатная дорога, храмы, скверы, серные бани, стеклянные полицейские участки, в окнах которых прекрасно видно, чем занимается каждый полицейский.

Заночевать было решено в тихом центре в гостинице Vere Palace. Здесь есть все для хорошего отдыха, особенно летом. В первую очередь я про бассейн на крыше, откуда открывается вид на город. А в такую жару из этого бассейна сложно было выйти. Но пришлось, ведь путешествие по грузинской кухне никто не отменял. В шикарном ресторане с собственным мини-водопадом, название которого так и не удалось ни прочитать, ни запомнить, было все: хачапури, салаты, сыры, различное мясо, вкуснейшие лимонады, местное вино и конечно, песни и танцы. Уходить не хотелось, но внутри для вкуснейшей еды уже не оставалось места.

Своими туристическими наворотами грузины очень гордятся. Работник батумской канатки явно ожидал нашего вопроса о принципе ее работы и с гордостью объяснил, как вагончик автоматически снимается с троса для посадки пассажиров.

Сатаплия известна тем, что здесь нашли следы и останки динозавров. Но скучные палеонтологические подробности грузины разбавили туристическими фишками – особенно восхищали скульптуры динозавров, внезапно появляющиеся среди ветвей грабового леса. А еще – смотровая площадка с прозрачным полом, по которому нужно ходить в специальных бахилах, чтобы не поцарапать его.

Адаптирована для гостей и пещера Прометея. Несколько километров галерей и огромных залов подсвечены разноцветными огнями, звучит симфоническая музыка. Увиденное кажется голливудским 3D-мультфильмом: так и ждешь, что из-за огромного сталагмита покажется Али-Баба с горшком золота или пираты с сундуками несметных сокровищ. Вскоре тут планируют проводить экстремальные туры с элементами дайвинга в подводные залы.

Пресловутый принцип единого окна в Грузии действует как на официальном, так и на народном уровне. Зачастую, чтобы

решить много вопросов, достаточно обратиться к одному человеку. Например, у официанта обязательно найдется знакомый таксист.

Но главное, что радует в Грузии, это не туристическая инфраструктура и не здания в стиле хай-тек, а любовь. Tbilisi Loves You – так называется сеть бесплатного Wi-Fi в грузинской столице. «Украинцев мы любим», – заявляет незнакомый пассажир автобуса, узнав о нашем происхождении. А на стенах домов встречаются нарисованные краской желто-голубые сердечки.

Казалось бы, нынешнее политическое противостояние не могло оставить равнодушными грузин, которые сами еще недавно были вовлечены в похожие процессы. Но местные жители предпочитают не сосредоточиваться на грустном – в разговорах с нами никто не заходил дальше дежурного вопроса «Как там у вас, в Киеве?».

Среди молодежи тоже все чаще встречаются русскоговорящие, особенно среди работников сферы обслуживания: все-таки львиная доля туристов приезжает из постсоветских стран. В одном вагоне скоростного поезда с нами ехали грузины, россияне, украинцы, литовцы и одна эстонская студентка – чем не Советский Союз? С одной лишь разницей: этот союз – по любви, а не по принуждению.

Далее путь лежал в Кутаиси. Это чуть более трех часов от столицы мимо города Гори по автобану. Дороги в Грузии хорошие, периодически можно наблюдать их строительство, мосты и тоннели, ведь дороги тут преимущественно горные. Вдоль них обязательно течет какая-нибудь горная речушка. Кстати, все мосты и тоннели тщательно охраняются. Причем не дедушками-сторожами, а серьезно вооруженными полицейскими.

Кутаиси выглядит проще Тбилиси. При этом именно здесь заседает парламент страны. Интересный факт. Города-побратимы Кутаиси – Харьков, Донецк и Днепропетровск.

Обязательная остановка – Гелатский монастырь, наиболее значительный средневековый монастырь в стране, памятник всемирного наследия ЮНЕСКО. Он был основан царем Давидом Строителем в 1106 году и стал в итоге его усыпальницей.

Анаклия – самый молодой и стремительно развивающийся курорт Грузии. В далеком 1703 году здесь была построена крепость, которая в начале XIX века была единственной в Западной Грузии. Эта цитадель была опорным пунктом в русско-турецких войнах. За свою 300-летнюю историю Анаклия повидала немало войн, но несмотря на бурные события, сохранилась до сих пор.

Сейчас объявлено о создании в Анаклии свободной туристической зоны. Из нее планируется создать крупный туристический центр. Здесь быстрыми темпами ведется строительство гостиничных комплексов, ресторанов, развлекательных учреждений. Даже знаменитый фестиваль электронной музыки «KaZантип» в 2014 году было решено перенести из Крыма сюда. «KaZантип», или «Республика Z», – крупнейший на территории бывшего СССР

фестиваль электронной музыки. Фестиваль проводился в Крыму с 1992 года. «КаZантип» дважды «переезжал», не покидая Крымский полуостров: с 2001 года он проходил в селе Поповка на Западном побережье Крыма. В этом году организаторы фестиваля решили перенести его из Крыма, подчеркнув при этом, что они «выступают против войны».

Для строительства курорта был приглашен испанский архитектор Альберто Доминго, которому поручено до неузнаваемости преобразить пейзажи Анаклии. Доминго уже изменил геометрию прибрежной полосы, построил новую набережную, на заболоченных землях разбил большой парк с аттракционами и построил 555-метровый пешеходный мост, который перекрыл устье реки Ингури. На подходе открытие яхт-клуба и казино. Вскоре начнется строительство автомобильной дороги Поти – Анаклия, благодаря которой из города в город можно будет попасть за 15 минут, а в Батуми за 50.

Кстати о водителях и дорогах. Жители Грузии передвигаются исключительно на иномарках, особенно любят «мерседесы» и БМВ. Водители все лихие. При этом ни одной, даже мелкой аварии или конфликта на дороге замечено не было. Наоборот, стоит высунуть руку из окна, как все останавливаются и предлагают помощь. Особенно непривычно наблюдать полицейских на новеньком БМВ или «мини-купере».

А вот к чему действительно сложно привыкнуть, так это к гуляющим по дороге коровам. Как нам позже рассказали местные, если корова не дает молоко, то ее попросту не пускают домой, вот она так и лежит перед домом на асфальте всю ночь. Причем характерно это только для Запада Грузии.

KAZANTIP
REPUBLIC
ПУТЕШЕСТВИЕ
ВО ВРЕМЕНИ

Фестиваль электронной музыки «KaZантип» переселился из Крыма в Анаклию. Произошло это после того, как, по данным СМИ, в начале мая российский ОМОН с собаками разогнал фанатов «Республики KaZантип» в селе Поповка под Евпаторией, куда гости в течение 14 лет приезжали задолго до начала действа. Кроме того, Федеральная служба России по контролю за наркотиками предупредила, что если фестиваль в Крыму состоится, то непременно с рейдами со стороны вышеуказанной службы.

Учредитель фестиваля Никита Маршунок стал искать новое место проведения «KaZантипа» и с подачи главы туристической администрации Грузии Героги Сигуа нашел здесь место для фестиваля. Власти страны пообещали ему всяческую поддержку. Организаторы обтекаемо объяснили причину переноса «KaZантипа» из Крыма: «Причины невозможности проведения мероприятия в Крыму не зависят от организаторов – это изменения государственного строя и законодательной базы, делающие невозможным существование самого проекта, по крайней мере в этом году».

В Анаклии соорудили сцены, смонтировали дорогостоящую технику. В рамках фестиваля за десять дней выступило около двухсот музыкантов и исполнителей. Для любителей спорта были обустроены футбольные и волейбольные площадки, теннисные корты и т. д. Порядок на фестивале обеспечивало более тысячи полицейских.

Территория «KaZантипа» занимала площадь 224 тыс. кв. м и протянулась на 3 км вдоль береговой линии Черного моря. Проход на фестиваль был возможен при получении «ВиZы» – пластиковой карточки, которая дает возможность входа на территорию

и выхода из нее неограниченное количество раз. Стоимость «ВиZы» составляет около $200.

Тем не менее украинские и грузинские девушки получили возможность бесплатного посещения фестиваля, что, возможно, объясняется не только маркетинговой, но и политической мотивацией организаторов.

Финал нашего короткого путешествия – прекрасный курортный город Батуми. Не город, а одна сплошная набережная с многочисленными пляжами, парками, фонтанами, аттракционами, памятниками. Тут есть порт и дельфинарий, колесо обозрения, с которого всего за 3 лари можно увидеть не только дневной, но и ночной город.

Окна прекрасной гостиницы Radisson Blu, в которой нам удалось осесть, как раз и выходили на набережную, колесо обозрения и памятник алфавиту.

В какой-нибудь из жарких дней обязательно посетите Батумский ботанический сад. Там есть на что посмотреть, поверьте.

Батуми ложится поздно. До глубокой ночи народ развлекается на набережной, катается на роликах и велосипедах, поет в караоке. Все в лучших традициях курортного города. При этом теплый климат и погода позволяют купаться даже ночью, вода теплая, и выходить из нее долго не хочется. Впрочем, как и не хочется в принципе уезжать из Грузии.

Роман Карцев

Три рассказа

Успокойтеся, мама!

Мама! Сядьте уже, мама, шо вы шнёраете туда-сюда, отдохните, мама, шо вы, домработница?! Есть кому двигать мебель, зачем вам ее переставлять, мы сами переставим, когда захотим! Мама, не двигайте диван, он тяжелый!..

А чего вы стали клеить обои в гостиной? Мама, сойдите со стремянки! Вы упадете, у вас борщ выкипает и пирог горит. Мама, сядьте уже!..

А где мои и Гришины дубленки? Сдали в химчистку? Зачем? Они чистые, я их только что забрала оттуда! Мама, вы хоть спросили бы!..

Мама, шо вы делаете в огороде? Зачем? В магазинах все есть! Кому? Сереже? Картошку? Зачем?! Он шо, вас просил? Нет! Так шо?..

А зачем вы ему перестелили крышу? И построили собачью будку? У него нет собаки!..

Мама, отдохните, вам уже пора! Какие уроки с Ленчиком? Он сам сделает, вы уже с ним получили две двойки! Не надо разбираться с учителем! Мы сами разберемся!..

Боже мой! Шо вы делаете, зачем вы поменяли резину на зимнюю – еще нет снега! Лучше к машине вообще не подходите!..

Мама, шо вы сели за рояль! В два часа ночи! Все спят! Шо тихо! Мне уже звонили соседи: «Прекратите шуметь!». И вообще, вы спите с включенным телевизором, там крики, стрельба. Люди пугаются, а вы спите спокойно…

И потом, я не могу выносить этот запах! Вы покрыли паркет лаком! Мама, успокойтесь, вам уже шестьдесят пять лет. Сойдите с крыши, сегодня не будет затмения!..

Завтра поедете с Ленчиком на теннис? Не надо! Он не любит теннис. А? Вы любите? По дороге купите крышки? Какие крышки? Консервировать огурцы, помидоры, баклажаны… Соления… Зачем?! У нас с прошлого года осталось сто банок! Кому? Сереже, Лене, Коле… Соседям?..

А где вы вчера были в такой холод? На митинге? Вы в движении сопротивления? Против убийства собак? Мама, шо вы везде лезете! Шо вам больше всех надо?! Шо вы суете свой нос всюду?! Мама! Вас же не просят!..

А зачем вы играете на бирже, купили акции?! А если дефолт? Откуда вы знаете? Вы уже были в МММ… Шо? Купили акваланг? Плавать с акулами?.. Мама, шо вы уже под воду лезете?! Вам мало суши? Не хватает, шоб вы сиганули с самолета! Уже готовитесь? Вам шо, мало воды?..

Шо-шо? Пишете оперу? Кому? Зачем? Заказали? Кто? Ла Скала? Мама! Вам шо, приснилось? Вы шо, с ума спятили?! Мама, не суетитесь! Посмотрите на себя! Зачем вам пластическая операция? Замуж? За кого? За футболиста? Сколько ему лет? Тридцать два?! Мама, шо вы совращаете малолетних? Чего вам не хватает? Страсти? Бурных ночей? Ну да, днем вы заняты!..

А когда свадьба? Уже была? А где он будет жить? С вами на чердаке? То-то я смотрю – вы туда затащили рояль! Картошку! Шпроты!.. Как хоть его зовут? Джон? Американец? Где вы его подхватили? На футболе? В Лос-Анджелесе? А, вы там делали пластическую операцию…

Мама, а кто будет варить, стирать, сажать цветы, – вдумайтесь! Мама, вы шо! Мама, не выпендривайтесь! Мы же вас лю-юбим! Ах, свадьбы еще не было? Вы пошутили со свадьбой?.. Разве так шутят?! Вы шо, сбрендили?!

Так! Мы с Гришей идем в театр, а вы отдыхайте. Ну, как всегда! Как обычно. Пока! Пока!..

Вы уезжаете в Америку? И где вы будете жить? У него? На вилле? Наконец сядете за руль… Он вам подарил «крайслер»? У него яхта? Четверо детей, две собаки? Он учится на врача?.. А кто нам будет варить? Сами? Да вы шо?! Мы же вас любим! Вы шо, чокнулись, мама, совсем сбрендили?.. Когда самолет? Завтра? Да вы шо!..

Алле, алле! Мама? Какая Дженни? Мама Джона… Здрасьте! А где наша бабушка? В огороде? Сажает картошку? А шо, в магазинах нет? Собирается делать ремонт? Начала играть в футбол? Собирается рожать? Вы шо!.. Подошла? Дайте ей трубку!..

Мама, вернитесь! Вам там нравится? Они не умеют варить борщ? Солить грибы? Штопать?.. Болтаете на английском?.. Они вас любят, а мы? Мы тоже любим!.. Мама, где Ленчика спортивные штаны? У нас поломалась посудомойка, отсырел рояль! Нет солений!.. Приедете? Когда? Закончите ремонт?!

Мама, вы за старое? Успокойтесь! Отдохните! Как дети? Ленчик болеет! Шо? Летите? Когда? Леня, бабушка к нам летит! Какой рейс? На своем самолете? Мама, привезите шо-нибудь сладенькое! Пока! Да, встретить не можем. Добирайтесь сами!..

Реквием по СССР

Наблюдается тенденция к возврату СССР. Песни о старом. Песни о главном. Песни забытых песен. Советские фильмы. Народ за СССР (45%), за КПРФ (20%). «Единая Россия» – преемница КПСС. Вертикаль власти, те же ритуалы, тот же гимн, в Думе почти все – бывшие члены партии.

Поэтому предлагаю рухнуть в СССР. Разогнать Думу, собрать Политбюро, во всех странах бывших наших друзей вернуть власть коммунистов. Клонировать Чаушеску, Тито, Живкова, забыть Чубайса, Гайдара, Хакамаду. Обобществить заводы и фабрики, возродить колхозы, пятилетки, оставить старую историю страны, дружинников, поп-звезд одеть, голосовать за одну партию, думать всем одинаково. Изъять мобильники, запретить выход в Интернет. Вернуть бесплатное лечение и бесплатное обучение. Оставить только холодную воду, горячую – лишь в общей бане общего пользования, телефоны только у некоторых. Вернуть на Запад боинги, сантехнику, джакузи. Коттеджи и особняки олигархов отдать под детские сады, снести ненавистные небоскребы, не трогать хрущевки. Восстановить очереди на квартиры.

Вернуть обратно отданные долги. Мавзолей оставить в покое, пусть себе Ильич лежит. И Сталин пусть тоже там лежит. Вер-

нуть все республики, не захотят – силой. Гнать домой китайцев. Евреев в институты не принимать. Армян домой, таджиков, грузин – они там нужнее. Рублевку разрыть и забыть. Ввести обратно расстрел. Милиции – брать, но меньше. Поставить Дзержинского на место. Вернуть комсомол (хотя уже почти). Уничтожить ксероксы, банки, офшоры. В каждом коллективе – человек из КГБ. Наблюдатель.

Выбросить лишние продукты, оставить колбасу по два двадцать, маргарин, рыбу хек, консервы «Килька в томате», селедку по праздникам. Ананасы зимой – боже упаси! Виски-шмиски – в унитаз, водку – по талонам. Ввести рыбный день. Закрыть «Рамсторы», «Ашаны», «Макдональдсы». Вышвырнуть «ауди», «тойоты» и «вольво», оставить только «волги», «победы» и «москвичи». Никаких креветок, лангустов, кока-колы. Мебель оставить только нашу и восстановить очередь с записью на диваны, стулья, стенки. Ну и другие очереди – на ковры (1 шт.), холодильники (1 шт.), обои, посуду, кроличьи шапки, колготки, туалетную бумагу… Из парфюмерии-косметики сохранить пудру, «Шипр», стиральное мыло. И примусы не забыть. Уничтожить памперсы – пусть писают в колготки. Из детских игрушек – плюшевые мишки и ваньки-встаньки. Изъять микроволновки, обменные пункты и вообще всю валюту. Курить «Приму». Уничтожить всю импортную технику. И утварь садово-огородную изъять – копать лопатами!

Убрать американские фильмы, всякие там «Шреки», «Гарри Поттеры», «Рэмбо». Всем смотреть «Подвиг разведчика», «Кубанские казаки» и индийские фильмы. Все не наши шоу – ток-шоу, шоу-бизнес, футбол-шоу – прекратить. Транслировать «Алло, мы ищем таланты!» и «Голубой огонек». Телевизоры только с ручным переключением. Закрыть «Эхо Москвы», оставить «Маяк». Уничтожить казино, игры на деньги по ТВ – «Свою игру», «Колесо удачи», «О, счастливчик!» и т. п. Закрыть дансинги, боулинги, фитнес-клубы. Прекратить дурить людям голову фанерой – петь живьем. Программу «Время» оставить как есть. Запретить нашим спортсменам, артистам, врачам, летчикам, рыбакам, балетным, проституткам работать за рубежом. Из футбола убрать черных и желтых. Играть в теннис между собой. На олимпиаду выпускать только надежных. Установить для народного артиста СССР

ставку 200 рублей, для заслуженного – 150. И восстановить гастроли по плану, шефские.

Зубы рвать без наркоза, рожать – как сможешь. Геев – на сто первый километр. Вернуть цензуру в СМИ, литературе, кино. Закрыть архивы. В церквах устроить склады. Остановить инвестиции. Продолжить «холодную войну» с Америкой, бороться с НАТО, быть готовым пожертвовать собой ради чего угодно. Попробовать не воровать. Пустые прилавки должны опять украсить нашу страну. Землю вернуть крестьянам, фабрики – рабочим. Восстановить БАМ, ТРАМ, трам-тарарам, профсоюзы. И вперед, к победе коммунизма! В одной отдельно взятой бедной стране!

P. S. А еще хотелось бы вернуть молодость, любовь, дружбу, Гагарина, Королева, Туполева, Ландау, Иоффе, Курчатова, Ильюшина, Сахарова, Галлая, Цветаеву, Ахматову, Пастернака, Маяковского, Есенина, Ильфа и Петрова, Булгакова, Зощенко, Галича, Окуджаву, Бродского, Лихачева, Листьева, Холодова, Политковскую, Дунаевского, Блантера, Соловьева-Седого, Рихтера, Гилельса, Утесова, Русланову, Шульженко, Уланову, Нуриева, Моисеева, Боровского, Михоэлса, Акимова, Товстоногова, Образцова, Симонова, Райкина, Эфроса, Гончарова, Марецкую, Орлову, Мартинсона, Раневскую, Грибова, Зельдовича, Смоктуновского, Дворжецких, Высоцкого, Ефремова, Ролана Быкова, Леонида Быкова, Ульянова, Стржельчика, Лаврова, Лебедева, Евстигнеева, Богатырева, Мкртчяна, Миронова, Луспекаева, Гердта, Папанова, Леонова, Ильченко, Даля, Гундареву, Мордюкову, Абдулова, Полищук, Нетто, Харламова… И еще десятки и десятки других замечательных и талантливых людей, которых я не назвал. Царствие небесное. Аминь.

Разговор с внучкой

- Дедушка, почему ты не звонишь? Я волнуюсь!

– У меня кончилась зарядка в мобильном, а нормальный уже два месяца не работает. У них там что-то прогнило, и они не знают, чей кабель – федеральный или региональный.

– Дед! А как вы раньше жили? Как вы жили без телефона, мобильника, Интернета, без пульта переключения программ в теле-

визоре? Вы что, вскакивали, влезали в тапочки и переключали, потом опять вскакивали и переключали шестьдесят программ?

– Моя прелесть!.. У нас вообще телевизора не было, а у кого был, к нему весь двор приходил… А ты говоришь – без мобильного! Хотя у нас был свой телефон – улица Дерибасовская. Вечером были известны все новости! Кто слушал Би-Би-Си, кто «Голос Америки»… И шепотом, шепотом…

– А потом что?

– Потом кто шептал – пропадал… Твоя прабабушка была коммунист, а прадедушка – футболист, он слушал «Голос Америки», а она – закрытое письмо на партсобрании. Потом он рассказывал, что там, а она – что здесь…

– Дед, а где ты отдыхал летом? В Турции, на Канарах, в Баден-Бадене?

– Я отдыхал в Молдавии. Всей семьей сбивали ящики для винограда, жара, ели мамалыгу, один ящик – две копейки…

– И твоя мама сбивала?

– Конечно, она же была коммунисткой, а им отдыхать не положено. Они строили коммунизм. Днем и ночью!

– А что это – коммунизм?

– Не знаю, я до него не дожил, слава богу, а вот капитализм вижу воочию. Ем хорошие сосиски, отличную селедку, хожу – и не могу привыкнуть к изобилию. Правда, если бы я жил на пенсию, я бы ходил в магазин на экскурсию… У нас ведь и колбасы не было, а если была, то не для нас.

– А для кого?

– Для них!

– Каких таких них?

– У кого была мебель, черная икра, виски, сигареты «Мальборо», сыр, молочные продукты… Три холодильника забивались… Они жили в другой стране! А сейчас у них есть еще больше – яхты, самолеты, Куршавель…

– О! Я была в Куршавеле с папой! И в Китае, и в Египте!

– Значит, тебе повезло. А мы, внучка, стояли в очередях годами – за квартирой, за детсадом, за операцией, часами – за хлебом и молоком, за мясом, за кроличьей шапкой, за колготками, за нижним бельем, за обувью, за посудой… На витрине написано:

«Мясо – рыба», а внутри ничего, одни кости – ни рыбы, ни мяса. Самая вкусная еда была – хлеб с маслом и сахаром. Многие жили за счет воровства: на швейной фабрике крали ткани, на обувной – кожу, на Дальнем Востоке – икру. Сейчас воруют покрупней – газ, нефть, сталь, металлолом, суперфосфаты…

– А ты воровал?

– У меня были левые концерты, иначе я бы не прожил…

– А как это – левые?

– Вот как выйдешь из дому, сразу налево… И вообще, почему у тебя до трех ночи горел свет?

– Я сидела в Интернете, а потом смотрела «Дом-2».

– Это не дом – это дурдом, я видел: ругаются матом, курят, дерутся, предают друг друга, крича вслед «Мы счастливы!»…

– Так это же телевизор!

– Нет, это жизнь.

– Дед, не нравится – переключи!

– А тебе нравится?

– Я тащусь от «Камеди клаб», от «Наша Раша»!

– Извини, но это ваша параша!

– А что это – параша?

– Не дай бог тебе узнать!.. Хотя уже показывают фестиваль малолетних убийц. Первое место занял пацан, убивший четырех человек…

– Слушай, мама говорит, ты выступал в театре какого-то Райкина… Расскажи…

– Да, мне повезло.

– А кто он?

– Как тебе сказать? Великий комик! Петросян хуже.

– А кто это?

– Ты даже Петросяна не знаешь?

– Нет, я знаю Собчачку – это класс!

– А кто это?

– Дед, ты не знаешь Собчачку?!

– Нет. Я знаю Шуру.

– А это кто?

– Шура? Это бренд. Можно сбрендить. Совсем поехать…

– Дед, а какая у тебя пенсия?.. Чего молчишь? Ты плачешь?

– Нет, я зашелся хохотом. Я редко смеюсь… Какая пенсия? Да вы все на нее живете – твоя мама, брат, бабушка… Спасибо стране, она всех пенсионеров по заслугам, по труду, в хвост и в гриву!..

– Да не расстраивайся, ты же еще можешь!

– Да, еще чуть-чуть могу, а остальные?

– Каждый живет, пока может!

– Не живет, внучка, а выживает…

– Ты неправ. Посмотри, сейчас все есть – машины, памперсы, сникерсы, посуда, мебель – все!

– Да, есть, но не наше, все импортное – от джинсов до «Макдональдсов», от сериалов до футбола. Где наши Стрельцовы, Яшины, Лобановские?! Хотя ты не знаешь… Это был футбол!

– Дед, ты любишь чупа-чупс?

– Что это, чипсы?

– Ха-ха!.. Дед, ты вообще как? Хау ар ю?

– Да так себе… Давление, сахар… Осталось поперчить!

– Что тебе привезти? Я скоро еду в Англию, учиться!

– У нас уже не учат?

– Так папа хочет.

– А ты?

– Я – нет.

– А зачем ты едешь?

– Не знаю… Слушай, дед, кто нарисовал «Подсолнухи»?

– Зачем тебе?

– Ну, это тест в Англии.

– Ван Гог.

– Ну да! А кто это?

– Художник, у него нет одного уха.

– Он таким родился?

– Нет, отрезал сам.

– Зачем?!

– Ему не понравились «Подсолнухи».

– А «Джоконду»?

– Леонардо.

– Его так зовут?

– Да. Да Винчи.

– А каких ты знаешь террористов?

– Твою бабушку…
– Я серьезно! Это тоже тест.
– Что-то слышал… Черт их знает… Хамас, группировка ЭТА…
– Какая эта?
– Ну, вроде баски… Были еще красные кхмеры…
– Это типа «Наших»?
– Нет, «Наши» у нас.
– А чего они хотят?
– Кто, кхмеры?
– Нет, «Наши».
– Чтобы ты училась не в Англии, а у нас. Ты что, не патриотка?
– Не знаю.
– Ну, ты кого любишь?
– Маму, папу, тебя, бабушку, Ленчика.
– А Родину?
– И Родину. Меня в школе спрашивают: ты за кого? Я не знаю. А ты?
– Я знаю: я за тебя!
– Дед, а мы евреи? В школе говорят, что я похожа…
– Ты нет, а я да.
– Почему?
– У тебя папа русский и мама.
– Как? Мама же твоя дочь!
– Да, но она русская.
– Как это?
– Так нужно было. У меня и фамилия не моя.
– А чья?
– Псевдоним.
– А что это?
– Я был вынужден. Подрастешь – расскажу.
– Извини, дед, у меня вторая линия!.. Алло! Танечка, что? На «Зверей»? Пойду! Бай!.. Ну все, дед, я иду на «Зверей»!
– В зоопарк?
– Дед, ты отстой!
– Ты бы лучше что-нибудь почитала. У меня такая библиотека, альбомы художников… Кому это оставить? Ты читала «Двенадцать стульев», «Собачье сердце»?

– Видела, там ты! Если честно – скучно… А вот «Няня»!..

– Боже, и это моя внучка!

– Дед, у меня все впереди, я все прочитаю! Я уже прочла половину твоей книги!

– Ну и как?

– Мне нравятся фотографии, бабушка красивая! Сколько ей лет было, когда вы познакомились?

– Семнадцать.

– А тебе?

– Двадцать семь.

– Ого, ты уже тогда был староват! А сколько вы вместе?

– Сорок лет.

– Ничего себе! С одной?

– Ну да.

– Ну ты даешь, дед!..

– А у тебя есть бойфренд?

– Есть, но он, к сожалению, грузин.

– Почему к сожалению?

– Он хочет увезти меня в Грузию.

– Грузия – прекрасная страна. Это у вас уже серьезно?

– Ну, он мне нравится. Он сексапильный.

– Боже, тебе пятнадцать лет! Хотя Джульетта… ей было тринадцать, что ли…

– А кто это?

– Одна решительная девица… Это плохо кончилось.

– Они не предохранялись?

– Вот это да! Ты и это знаешь?

– У нас в школе есть урок сексологии, мальчишкам дают презервативы, учат с ними обращаться…

– Да-а-а… Я полный отстой!

– Дед, знаешь, я не пойду на «Зверей»… Мы давно с тобой так подробно не говорили. Давай лучше поедем в твою Одессу!

– Мы обязательно поедем в Одессу. Этот город лучше, чем Лондон! Там солнце, море и очень гостеприимные люди, и юмор там особенный… Но Одессу нужно знать изнутри, там нужно родиться. И когда-нибудь ты обязательно привезешь своих детей в Одессу и расскажешь им обо мне. Договорились?..

Григорий Шухин

Пародии

Рыбак рыбака…

Ты налево, я направо
головы морочил.
Я к тебе, моя отрава,
привязался очень.

Константин А. Ильницкий

То налево, то направо,
вверх по лестнице и вниз…
У него такая слава:
спринтер, стайер, куплетист.
Поиск цели днем и ночью,
летом, осенью, зимой –
волочиться, заморочить,
привязаться… Но к другой!
Наловчился, говорит,
пить тебя, отраву!
Но она опять мудрит
левую забаву.

Святой дух

Ресторан мои ноздри
чесночной приправой согрел

Константин А. Ильницкий

Помню сказочки Востока
про лепешки, плов, халву…
Насреддину одиноко,

денег нет, и автостопом
он приехал в чайхану,
ублажить чтоб Фатиму…
Просит только об одном –
постоять, вдыхая запах,
и звенеть лишь кошельком
в тот момент, как будут стряпать.
Фатима – безгрешный ангел,
пожалела: «Насреддин,
ты в таком высоком ранге,
чтоб не знать, мой господин,
не насытишь свое чрево,
про халву хоть пой весь день.
Ты уйдешь, пылая гневом,
заработаешь мигрень».
Но аллаху Насреддина,
ишака и Фатимы
не чихать на Константина –
денег даст ему взаймы.

Люди на льдине

Как в Арктике, в мозгу кочуют льдины,
бисквиты холода, трубят то кит, то нерпа…
Налево – сволочи, направо – педерасты,
чуть позади – просты и добры люди…

Валерий Сухарев

Не педерасты мы, не сволочи,
а добрый, в сущности, народ…
Есть человечек даже солнечный,
в мозгу которого не лед.
Не любим шуток про тюленей мы –
байкальских серебристых нерп,
что в лунки дышат поколеньями,
а не трубят про серп на герб.
Бисквиты холода не нравятся,
закусишь ими – в стельку пьян…

Такой метафорой отравится
весь Ледовитый океан.

Там проживаю я

В этой вселенной есть улица
горше смерти.
В этой вселенной я
на любимом диване,
с книгой в руках…

Анна Стреминская

Есть улица в ее стране,
где солнце ходит странно,
являясь вечером в окне,
чтоб расписаться на стене:
«Ты гениальна, Анна».
Здесь горше смерти чтенье книг,
диванная нирвана…
Один остался светлый миг,
и разум мой к нему привык:
«Ты гениальна, Анна».
Ты гениальная во всем –
в размере, ритме, смысле,
мне нравится стихов объем
все о девичьем, о своем,
в словах, как кони, рысью.

Генная ошибка

Я, может, уродина, может, злюка,
но я не глупа, как маман…

Анна Стреминская

Мать, отца не выбирают,
крепко любят, почитают,
вот библейский замысел простой.
Генный код ворота рая
человеку открывает,
если выпал ключик золотой.

И уродиной, и злюкой
вдруг родишься (мама – сука,
наградила личиком – «курьез»).
Кто грядущим поколеньям
доставляет пополненье,
отнеситесь к действию всерьез.
Но зато умнее мамы
я на считанные граммы!
Этим обстоятельством горжусь.
Толстый сборник скоро тисну,
по фигуре справлю тризну,
от души на ней повеселюсь.

Бат-Ям

Владимир Трухнин, Ирина Полторак

Из архива «Городка»

Городок по протоколу

Утро. Из отделения милиции выходят двое скромно одетых мужчин помятого вида – Витя и Леня. Они с бодуна. У Лени в руках лист бумаги. У Вити синяк под глазом.

Витя. Я ж говорил – нас утром отпустят. Мы же не бомжи какие-нибудь. Да и вытрезвители-то закрыли.

Леня. Это из-за тебя – (*Кривляя.*) «Давай еще бутылочку!» – мы полночи в обезьяннике провалялись!

Витя. Так уж лучше было валяться там, чем на улице. В надежном месте – за прочной железной решеткой, под неусыпной охраной родной милиции. (*Щупает синяк и ойкает от боли.*) Откуда синяк, я не помню… Да все в норме – расслабься!

Леня. А протокол? (*Показывает на лист бумаги.*)

Витя. А что протокол? Куда они его пошлют – к нам на работу? В службу занятости? Ха-ха! Да плюнь, ерунда! Лучше давай здоровье поправим. Химические процессы в организме с утра требуют перестановки в молекулярных цепочках с помощью продуктов брожения.

Леня. Ну ты загнул, профессор. Да, похмелиться надо срочно. Опа… Что это? (*Поднимает с земли почтовый конверт.*) Написано не по-человечески.

Витя. Дай! (*Читает.*) Эмбэси. Хм… Эмбэси, Эмбэси… Это же посольство. Иностранное… Диппочта, что ли? А вот это, Ленечка, уже не ерунда. Это совсем другим протоколом попахивает. (*Оглядывается по сторонам.*)

Леня. Каким протоколом?

Витя. Дипломатическим, Леонид, попахивает.

Леня. Да? (*Берет письмо, принюхивается.*) А по-моему, кошками…

Они сидят в пивной. На столике перед ними протокол и письмо. С кайфом пьют пиво.

Витя. Вот, Ленечка. Казалось бы, две бумажки. Но одна – тьфу, пустяк (*читает*): «Составлен настоящий протокол, дата, в том, что такие-то задержаны в нетрезвом виде»… А другая… (*Поглаживает письмо.*) Это наш шанс, понял? Или мы всю жизнь будем дачи охранять да машины парковать?

Леня. Какой шанс, Витя, не пойму.

Витя. На другую жизнь, Ленечка. Вот скажи, ты бы хотел работать… дипломатом?

Леня. Хм… Дипломатом – да! А работать – не очень…

Витя. Ну, не хочешь – и не надо. А я вот возьму это письмо и в министерство иностранных дел отнесу. Так, мол, и так, мне удалось перехватить секретную иностранную информацию, прошу принять на работу.

Леня. Ты что, Витя? Думаешь, ты сможешь дипломатом пахать? Я бы не рискнул. Дипломаты – это же… ну, короче, это не простые люди, как мы с тобой.

Витя. Мы с тобой?.. А ты знаешь, чем я отличаюсь от тебя? Если честно?

Леня. Чем?

Витя. Образованием и культурой. Извини.

Леня. Ну да! Образованием, культурой… и синяком под глазом. Гы-гы-гы! Ты тоже извини.

Они прихлебывают пиво, быстро приходя в благостное расположение духа.

Витя. Напрасно сомневаешься. Я тебе так скажу. Любой нормальный мужик может быть дипломатом.

Леня. Да?.. Хм… Витя, а я нормальный мужик? Да? Ты извини, что я над тобой смеялся… Возьми меня с собой в дипломаты, а?

Витя. Ну, не знаю… Я-то не против. Но вот как мои коллеги к тебе отнесутся? Сам знаешь, мы, дипломаты, – люди непростые.

Замолвлю, конечно, за тебя словечко, думаю, проканает. А ты бы в какую страну дипломатом рванул?

Леня. Я?.. Знаешь, я с детства восточные сказки любил – про джиннов, про гаремы… Куда-нибудь на Восток.

Витя. А куда? Ты на Востоке хоть одну страну знаешь?

Леня. Ну-у… Ну, или на Запад… (*Трет голову, тяжело вздыхает.*) Да хоть куда-нибудь…

Витя. Чего ты задумался так? Брось, тебе это не идет.

Леня. Я думаю, все-таки не смогу я дипломатом. Как ты себе представляешь, чтобы я, вот я, – и где-нибудь за границей дипломатом работал?

Витя. Как? Молча!

Леня. Как это – молча?

Витя. А так. Ты же ни слова на иностранных языках не знаешь. (*Ухмыляется.*)

Леня. Обидеть хочешь, да? Ладно… Меня дома Тузик ждет. Голодный, как собака. Привет!

Леня встает и уходит, но тут же возвращается с двумя кружками пива.

Леня. Витя, забыл спросить, а у дипломатов домашние животные бывают?

Витя. Не уверен. Дипломаты, они же все время с места на место ездят, куда им. Им разве что перелетных птиц заводить.

Леня. Несчастные люди. Я бы без своего Тузика никуда не поехал. Хотя с ним тоже проблемы. Сосед на него недавно наступил, так пришлось его потом в больницу везти.

Витя. Что, так сильно покалечил?

Леня. Чуток есть… Я никому не позволю на моего Тузика ногами становиться! (*Потирает кулак.*)

Витя. Ужас… Знаешь, Леонид, извини, что я сомневался в твоих дипломатических способностях. (*Смотрит на его кулачищи.*) Для нынешней дипломатии они у тебя несомненно есть. Давай как дипломаты по протоколу выпьем за развитие добрососедских отношений! (*Чокаются, выпивают.*) Приглашаю тебя к себе с неофициальным визитом.

Леня. Это как?

Витя. Ну, без смокинга, но с бутылкой. Можешь и ту крашеную с собой взять. Только с подругой, есть нее подружка?

Леня. Есть. Но она тебе не подойдет. У нее образования нет.

Витя. Это неважно. Главное – чтоб у нее тут (*показывает руками бюст*) было хорошее образование. С этим как?

Леня. Ну как… Я думаю, 4-й номер.

Витя. О! Тогда и ей официальное приглашение!

Леня. 4-й номер в сумме.

Витя. Не понял.

Леня. Ну… (*Показывает руками на груди фиги справа и слева.*) Тут 2-й и тут 2-й.

Витя. Ну, ты точно дипломат…

Оба уже изрядно навеселе. На столе продолжает лежать протокол.

Витя. Ну, Ленечка, завтра – в МИД, и вперед, в новую жизнь! Думаю, шанс у нас стопроцентный. Хотя все, конечно, зависит от того, какие там дипломатические тайны. (*Тычет в письмо.*)

Леня. Хоть бы одним глазком глянуть, а? (*Берет письмо.*) Слушай, тут отклеилось! Давай глянем.

Витя. Осторожно! (*Лезет внутрь, достает 2 сложенных листа бумаги, разворачивает 1-й.*) Буквы какие-то странные. Это не латинские буквы.

Леня (*смотрит*)**.** Да это ж русские буквы, профессор! (*Читает.*) «Настоящим сообщаем, что в горотдел милиции был доставлен в состоянии сильного алкогольного опьянения гражданин, при котором обнаружены документы атташе по культуре вашего посольства. Протокол прилагается». (*Разворачивает 2-й лист и кладет рядом с их милицейским протоколом, они очень похожи.*) Это же милицейский протокол! Как наш! Смотри, они же как близнецы-братья! Только тут фамилия иностранная. Ха-ха! А ты: «дипломатические тайны». Умора! Размечтался!

Витя (*серьезно*)**.** Напрасно ты так. Я же всю жизнь дипломатом мечтал… Но все равно… Все равно документ этот имеет важное международное значение!

Леня. Это какое, интересно?

Витя (*торжественно*)**.** Он неопровержимо доказывает, что люди во всем мире одинаковые. Все люди – братья! Что наши, что не наши… Что мы, что дипломаты… (*Щупает синяк.*) Ха-ха! Интересно, фингал под глаз они ему тоже поставили?.. (*Смеются.*)

Евгений Голубовский

Книжный развал

Издано в Одессе

Феликс Шаргородский
Одесса. Поэзия оград
Одесса, 2014

Художественный металл в архитектуре Одессы давно привлекал исследователей. Еще до Великой Отечественной войны начал собирать сведения о решетках, балконах, воротах архитектор Копылов, но, увы, его книга так и не была издана. Много лет зарисовывал металлические украшения Одессы инженер Эрик Черненко. И ему не удалось опубликовать свою работу. Более счастливая судьба у коллекции фотографий Феликса Шаргородского. Выпускник Института инженеров Морского флота, он с 1970 года начал фотографировать металлическое кружево Одессы. И вот перед нами изящно изданный альбом (напечатан он в Польше, в Люблине), где представлено до сотни фотографий, которые автор уже показывал на выставке в Доме ученых.

Жаль, конечно, что мы не знаем авторов, создавших эти замечательные произведения декоративного искусства (именно этим занимался в своих исследованиях Копылов), но радостно, что в вихре разрушений старых домов хоть на фотографиях останутся благодаря Феликсу Шаргородскому высокие образцы ковки и литья металла, которыми славился наш город.

Игорь Пить
Всемирный клуб одесситов
Одесса, 2014

Необычная Книга. Необычна потому, что ее автор – ученик 8-го класса школы-интерната № 2. Необычна и потому, что Игорь решил создать пособие для учителей по одной из тем «одессоведения», которое изучают в школах города.

И юноша справился с задачей. Он не только рассказал о том, как возник Всемирный клуб одесситов, не только познакомил с президентским советом и рассказал об основных делах, инициатором которых стал клуб в нашем городе, но и представил все филиалы клуба – в США и Германии, в Канаде и Израиле, в России и Эстонии…

Думаю, что эта книжка будет полезна не только учителям, но и гостям города, самим одесситам. Она дает возможность самим и придумывать новые экскурсионные маршруты и дополнять диск «Они оставили след в истории Одессы» именами, возможно, нами не упомянутыми, и способствовать тому, чтобы Одесса стала культурной столицей Украины.

Куратор книги – преподаватель школы-интерната Нина Ивановна Бондаренко.

Издано в Киеве

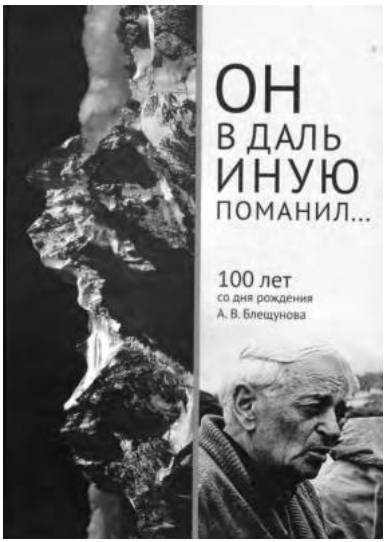

Александр Мардань
Ночь святого Валентина
Киев, Радуга, 2014

Мы уже привыкли к тому, что пьесы одесского драматурга, лауреата многочисленных премий Александра Марданя ставятся в десятках театров в разных странах. Нам это особенно приятно, так как первые шаги, первые публикации драматург Александр Мардань сделал в нашем альманахе, меценатом которого он был долгие годы.

Но это книга не пьес, а прозы. Я знаю десятки случаев, когда авторы инсценировали свои романы, повести для театра. Но случай Марданя мне кажется особым, я бы сказал – «феномен Марданя». Он свои пьесы переписывает в прозу. Я спросил Александра Евгеньевича, что натолкнуло его на такой поворот. И он чистосердечно ответил: «Мне надоело, что каждый режиссер толкует мой текст по-своему, что каждый актер может в реплике нести отсебятину. Я хочу говорить с читателем напрямую».

Мне кажется, замысел А. Марданя завершился успехом. Вот уже не только в Киеве, но и в журнале «Москва» вышла его повесть по его пьесе.

Если я не ошибаюсь, А.Е. Мардань – первопроходец. И начало всей этой интриги состоялось в нашем альманахе.

«Он в даль иную поманил…»
Сборник к 100-летию со дня рождения А.В. Блещунова
Киев, Арткнига, 2014

В этом году удивительному человеку, альпинисту и физику, создателю первого в бывшем Союзе Музея личных коллекций Александру Владимировичу Блещунову исполнилось бы сто лет. В это трудно поверить – для такого количества людей он остается в памяти молодым, энергичным, душевным, а главное – учителем жизни.

Это редкая удача. При жизни А.В. Блещунова его многочисленные коллекции стали музеем, первым городским музеем, где он был и экскурсоводом, и хранителем, продолжая собирать, пополнять уже собрание музея.

Квартира А.В. Блещунова была всегда открытым гостеприимным домом. Естественно, здесь всегда бывали альпинисты всех поколений и возрастов. Ученые и артисты, сколько раз мы встречались здесь с графиней Капнист, которая после всех лагерей вернулась в кино. У меня даже сохранилось ее фото с надписью «От главной Бабы-яги Советского Союза».

Благодаря В.С. Томчику, не только мастеру спорта по альпинизму, но и президенту Благотворительного фонда «Музеум», благодаря Светлане Остаповой, директору музея, мы можем держать в руках эту замечательную книгу. Называть нужно многих – весь благотворительный фонд горного клуба «Третий полюс» Алексея Ставницера, редактора и составителя сборника, мастера спорта по альпинизму И.П. Батманову.

Интересно, кто первым доставит эту книгу в горы Восточного Памира на пик Блещунова?

Издано в Москве

Одесса. Жизнь в оккупации
1941-1944 годы
Москва, Рослан, 2013

Эта тема привлекает внимание исследователей. С одной стороны, жесточайший террор, люди, которых сожгли в пороховых складах на Люстдорфской дороге, повешенные на улицах, уничтоженные подпольщики. С другой – своеобразный нэп, открыты рестораны, театры, игорные залы, публичные дома… Работают гимназии и университет, проходят художественные выставки, в оперном гастролируют итальянцы…

Как это все сочеталось? Что чувствовал обыватель в эти годы, как менялась жизнь?

Сегодня раскрыты многие архивы, нам стали доступны дела, хранящиеся за рубежом. И эта книга, по сути, три очерка о жизни в Одессе, хранящиеся в Бахметьевском архиве Колумбийского университета (США).

Эта книга не подводит итоги, она знакомит с разрозненными фактами. Но чем их больше, тем яснее становится, что отношение к оккупации у разных слоев населения было различным в начале, но когда румынское «послабление» сменилось железной машиной вермахта, «друзей» нового режима становилось меньше и меньше. И все равно пугал тоталитарный строй СССР. Так, между молотом и наковальней, каждый выбирал свой путь, свое решение вопроса «что такое хорошо и что такое плохо».

Кстати, вышла эта книга в серии «История коллаборационизма».

Иосиф Александрович
Пути смерти. Записки геттовца
Москва, Art Brand, 2014

Многие одесситы, не только художники, знали, любили преподавателя художественного училища, художницу Любовь Иосифовну Токареву-Александрович. Не все, естественно, знали, что в годы оккупации Одессы она, как и вся ее семья, не смогла выбраться из города. Любу и ее мать спас художник Николай Артемович Павлюк. А вот ее отец – и об этом мало кто знал – попал в гетто, более того, что было почти невероятным, выжил в гетто. Таких из сотен тысяч было до пяти тысяч человек. И у него хватило силы, мужества в 1946 году, представьте – в 1946! – написать по свежим следам книгу, я бы сказал, кровавую книгу «Пути смерти».

Нужно ли удивляться, что ее не хотели печатать тогда? Можно удивиться, что замечательный еврейский писатель Нотэ Лурье уже в 60-е годы пытался ее опубликовать. И не смог. И слова благодарности необходимо сказать художнику Александру Токареву, внуку Иосифа Александровича, который долгие годы мечтал издать книгу деда, сделал к ней иллюстрации и издал, в конце концов, ее в Москве немалым по нашим временам тиражом в 1000 экземпляров.

Эта книга – еще один ответ на вопрос, как жили в оккупированной Одессе в 1941-1944 годах…

Валентина Голубовская

Бог сохраняет всё…

Ростислав Александров
Земля хранит
Одесса, Optimum, 2014

На столетие Анны Ахматовой Иосиф Бродский написал стихи, в которых были такие строки: «Бог сохраняет все, особенно слова надежды и любви, как собственный свой голос…»

Бог сохраняет все – «Deus conservat omnia» – девиз на гербе Шереметевых, которым принадлежал Фонтанный дом в Петербурге, в нем долгие годы своей трагической жизни прожила Анна Ахматова.

Я вспоминала эти строки Бродского и этот девиз на гербе Шереметевых, читая новую книгу Ростислава Александрова «Земля хранит, или Подземный архив Одессы». В отличие от торжественной латыни герба, даже переведенной на русский язык, название книги Ростислава Александрова при всей, на первый взгляд, строгости и простоте его исполнено глубокого смысла.

Даже Бог сохраняет далеко не все. Но благодарная память из прожитой жизни сохраняет многое. Не случайно Ростислав Александров посвятил эту книгу памяти Александры Ильиничны

Ильф, с которой дружил долгие годы, и уход которой стал для него (как и для многих других) невосполнимой утратой…

А земля действительно хранит многое, о чем не только заезжий человек, но и большинство одесситов не догадывается.

На протяжении многих лет Ростислав Александров «перелистывал», изучал, переписывал из архивных документов (еще в отсутствие Интернета) свидетельства, подробнейшие перечисления имен, документов, обстоятельств появления в нашем городе его прославленных зданий и памятников. И скромных вроде бы построек, сохранившихся до наших дней или давно уже утраченных, унесенных не ветром времени, а чаще варварством и дикостью.

Так что же хранит подземный архив Одессы?

Историю зданий и памятников, поведанную, прежде всего, в медных, иногда серебряных, даже свинцовых закладных досках, гравированный текст которых сообщал все необходимые данные – в каком году и в каком месяце, какого числа, по чьему повелению, в чье царствование заложен тот или иной архитектурный или скульптурный памятник, на какие средства – из государственной или городской казны возведен, перечислены благотворительные взносы с именами донаторов. Кроме того – медали, монеты, газеты, вышедшие в день закладки. Названы священнослужители, освятившие закладку будущего памятника и присутствовавшие при этом торжестве граждане Одессы разных сословий и чинов, разных национальностей…

Ростислав Александров пишет, что при закладке оперного театра в одесскую землю был помещен посеребренный снаружи ящик из долговечной котельной меди, в который «вместе с доской было положено то, чего хватило бы, пожалуй, для небольшой выставки об Одессе того времени». Только перечисление этого «каталога» в книге занимает почти две страницы – серебряные и золотые монеты чеканки 1884 года, пшеница урожая того же года из села Кошарка, бутылка вина. Фотография герба Одессы и фотография сгоревшего Городского театра, сделанная известным одесским фотографом Иосифом-Карлом Севериновичем Мигурским, а также «Адрес-календарь одесского градоначальства на 1884 год», 39-й том «Записок Императорского Новороссийского университета»

1884 года, «Отчет Императорского общества истории и древностей» и его устав, и прочее…

Чем гордятся граждане города, что привлекает в нем многих гостей? Естественно, архитектура города, его памятники.

В 1822 году, через четыре месяца после кончины герцога де Ришелье, граф Александр Ланжерон говорил благодарные слова о своем великом предшественнике и о «священном обете соорудить дюку де Ришелье памятник, достойный сего редкого друга человечества». Так, возведенный уже после кончины Ланжерона памятник герцогу, созданный И.С. Мартосом, стал одним из символов Одессы, а весь ансамбль с Бульварной лестницей, полукруглыми зданиями и Дюком известен далеко за пределами нашего города.

Автор подробно и увлекательно рассказывает историю одесских памятников – Ришелье, Воронцову, основателям Одессы, Городского театра, начиная в исторической последовательности со старейших построек в одесской гавани – с карантина, церкви, «во именование святого благоверного князя Александра Невского в крепости», заложенной 15 ноября по старому стилю 1795 года. При закладке в нишу, выдолбленную в камне, были положены частицы мощей «святых великомучеников киево-печерских Мардария и Меркурия», а уж поверх ниши и была положена свинцовая доска с вырезанным на ней торжественным текстом.

И рассказ о недостроенной, а потом разобранной церкви…

Каждая глава этой книги не только вдумчивое историческое исследование, но волнующее повествование о наших далеких предшественниках и созидаемом ими городе, в котором нам посчастливилось родиться.

Мне все же хочется обратиться к тем сооружениям, которые не знамениты, не привлекают внимания туристов, да и многие нынешние обитатели Одессы часто остаются к ним безразличными и не водят своих приезжих гостей на несколько кварталов дальше от туристического центра…

Один из таких грустных примеров – судьба здания на Княжеской, 1-а, угол улицы Новосельского. Заложено 6 мая 1892 года для Одесского отделения Императорского русского технического общества. Через шесть месяцев здание общества было уже освящено.

Михаил Жванецкий говорит, что у Одессы было «три кита» – море, медицина, музыка. Может, не «китом», а «дельфином» была в Одессе научная и техническая интеллигенция. И техническое общество собирало под своим крылом многих ученых, внесших огромный вклад в науку, ставших знаменитыми после 1917 года, особенно за рубежом, в эмиграции. Конечно, в наши дни состояние и вид здания, построенного по проекту Александра Бернардацци, подошел бы в качестве натуры для таких фильмов, как «Сталкер» Андрея Тарковского. Не многие одесситы ходят полюбоваться тем, что осталось от его прекрасного прошлого. Какие уж там туристы…

От многого остались руины, что-то утрачено навсегда, как Сретенская церковь на Новом базаре, в которой венчались И.А. Бунин и А.Н. Цакни, но, хранимое Всевышним, все-таки многое осталось из прекрасного наследия, созданного нашими предшественниками.

…В Одессе издавна говорили об этом отрезке Люстдорфской дороги: «Одни сидят, другие – лежат».

Об этом и не только об этом – в стихотворении Юрия Михайлика:

От центра города до пригородов бетонных,
набравший скорость на коротенькой прямой,
трамвай раскачивает сонных и полусонных
на тонких нитках между кладбищем и тюрьмой.

И в такт покачиваясь, вплывают помимо взгляда
в двойное зеркало вагонного окна
стена тюремная, кладбищенская ограда
и беспокойная конвойная луна…

Тюремному замку на Люстдорфской дороге, сооруженному знаменитым одесским архитектором Львом Влодеком в соавторстве с Антонием Томишко, по проекту которого были в Петербурге построены печально знаменитые «Кресты», предшествовала многолетняя история старой одесской тюрьмы. Как пишет Ростислав Александров, с момента основания города за двадцать

с небольшим лет уже были таможня, карантин, больница, театр, консульства, лицей и многое другое. Не было тюрьмы!

И уже осенью 1816 года граф Ланжерон озаботился строительством «…тюремного дома или острога для преступников». Весной 1817 года были выделены деньги на тюремное строительство. Ростислав Александров приводит письмо Александра Ланжерона военному коменданту Одессы Фоме (Томасу) Кобле: «…«Мне весьма желательно, чтобы оно не представлялось глазам… чтобы преступников без опасения их побегов можно было выпускать в мир, и чтобы они всегда освежались чистым воздухом».

Такая тюрьма была построена в 1826 году, уже при М.С. Воронцове, на теперешней улице Лейтенанта Шмидта, между Итальянским бульваром, Пантелеймоновской и Гимназической улицами по проекту Франца Боффо.

По тем временам она считалась образцовой. В 1871 году в Одессу приехал председатель комиссии по преобразованию тюрем граф Владимир Соллогуб, более известный как автор повести «Тарантас». Ознакомившись с тюрьмой, он «назвал ее, – пишет Ростислав Александров, – «энциклопедией тюремного заключения», и был прав».

Побывали в этой тюрьме с «летальным исходом» в виде виселицы Дмитрий Лизогуб («Земля и воля»), народовольцы Степан Халтурин и Николай Желваков. Но, безусловно, самой легендарной сиделицей была Софья Блювштейн, гораздо более известная как Сонька Золотая Ручка.

И в новом, построенном на Люстдорфской дороге, не только сидели многие ставшие знаменитыми арестанты, и не один из них написал позже в воспоминаниях и в художественной прозе об одесском крестообразном в плане, с центральной башней тюремном замке. Лев Бронштейн, пишет автор книги, просидев полтора года в одесской тюрьме, затем в ссылке в Восточной Сибири, откуда бежал, вписал в раздобытый чистый бланк паспорта фамилию Троцкого – надзирателя в одесской тюрьме. Так возник политический псевдоним.

Сидели в этой «обители скорби» многие люди разных сословий за разные проступки, кто по уголовному делу, как ставший знаменитым Мишка Япончик и не менее знаменитый Григорий

Котовский, кто по политическим обвинениям, как Владимир Жаботинский, который, как пишет Р. Александров, в автобиографическом очерке «Память моих дней» вспоминал тюрьму «с душевным теплом». И Валентин Катаев, обвиняемый как участник офицерского заговора против советской власти, на всю жизнь запомнит тюремные дни лета и осени 1920 года, и напишет о них в рассказе «Отец» 1925 года.

И все же, на мой взгляд, самое главное достоинство книги Ростислава Александрова в том, что описанные им торжества по случаю закладки того или иного сооружения, перечень всех, кроме закладных досок, предметов, оставляемых в одесской земле как память навечно, множество имен одесских граждан, все это в подтверждение мысли автора – в XIX веке в Одессе складывалось гражданское общество.

Давно известно выражение: «Благословенна страна, в которой прежде всего заботятся о детях и стариках». При закладке, при строительстве того или иного сооружения одесситы вносили немалую лепту в будущий памятник. Но совершенно потрясает та щедрость и бескорыстие, которые проявляли граждане Одессы в создании богоугодных заведений, иначе говоря, богаделен, приютских домов, образовательных и лечебных заведений, будь то «Начальное училище» на Молдаванке или «Детская санитарная станция» на Хаджибеевском лимане.

И если многие имена благотворителей известны, начиная с герцога Ришелье, оставившего будущему лицею огромную библиотеку и деньги – все жалованье за годы правления в Одессе, Феликс де Рибас, подаривший городу сад, М.С. Воронцов и его супруга Е.К. Воронцова, Г.Г. Маразли, М.А. Крамарев, Елена Кленова, Илья Новиков, Вильгельм Санценбахер, Леопольд Валих, Р. Низгурицер, Т. Гехт, Ю. Гессен – их сотни, этих имен, а рядом с ними подписи «А. С.» «N. N.» и «еврей Янкиль», как назван он в документе…

«Бог сохраняет все, особенно слова надежды и любви…» Словами скорее печали и любви к Городу, в котором нам посчастливилось родиться, и написана книга Ростислава Александрова.

Лилия Мельниченко

Война коснулась каждого

Анатолий Горбатюк
1941. Хроники блокадной Одессы
Одесса, Optimum, 2014

Кажется, совсем недавно война была общей болью для всего народа. Не было семьи, которая не пострадала в эти трагические годы: десятки миллионов погибших и столько же израненных душ и искалеченных судеб. Потери людей были настолько огромны, а беда всеобщей и объединяющей, что казалось – это не забудется никогда.

Но прошли годы, десятилетия, и сегодня мы оказались в роли Ивана, не помнящего родства. Нынешнее поколение молодых и не очень молодых людей мало знает о войне вообще и еще меньше – о военных событиях на своей малой родине. Возможно, это связано с тем, что их бабушки и дедушки не хотели вспоминать о тех тяжелых годах, а возможно, боялись рассказывать им свою правду о войне. Ведь их память запечатлела только то, что происходило с ними и их близкими, а не то, о чем писалось в учебниках и других специальных изданиях. Создавались же такие книги

по установившимся советским шаблонам, с нивелировкой текста и однообразной формой изложения. Черствость и безликость таких текстов не могла вызвать ни интереса у читателя, ни тем более сочувствия. В них не было места страданиям безвинных людей, брошенным в военную мясорубку, и не было ни слова сказано о том, что победа в войне достигалась порой бесчеловечными методами.

По-настоящему честных книг о войне, изданных в советское время, было не так уж много. Даже в воспоминания маршала Г.К. Жукова было внесено около 3000 поправок редакторами Минобороны. Писателю Валентину Катаеву, одесситу, пришлось переписывать повесть «Катакомбы» (первоначальное название – «За власть советов»), посвященную одесским партизанам, из-за того, что в ней была «слабо отражена роль коммунистической партии в борьбе партизан с оккупантами».

В годы «перестройки», с середины 1980-х годов, появляются сначала в прессе, а затем уже и отдельными изданиями новые материалы о войне с рассекреченными архивными документами. Тогда мы впервые узнали о трагедии защитников Севастополя и о судьбе тех ребят, которых перебросили в Севастополь из Одессы.

Об этих ребятах – защитниках Одессы, вернее, о частях и подразделениях, в которых они служили, было написано немало. Первые материалы появились в 1940-е годы. В 1943 году, когда еще шла война, полковник А. Борисов составил оперативно-тактический очерк «Оборона Одессы», где писал о 70-ти днях обороны города. В 1945 году писатель Леонид Соболев опубликовал очерк «69 героических дней». Подобные разночтения даже в количественном аспекте (сегодня мы знаем, что оборона Одессы длилась 73 дня) говорит о том, что в то время авторы не владели всей информацией.

С течением времени интерес к этой теме не только не иссяк, но, я бы сказала, даже увеличился, особенно в последние годы. Появилась возможность публиковать дневники и воспоминания простых граждан, переживших войну, а также обнародовать закрытые документы и ранее засекреченные факты. Подтверждением этому является и настоящее издание, подготовленное Анатолием Горбатюком. Как признается сам автор, толчком

к изданию книги послужила рукопись доктора Бориса Волоха, оказавшаяся у него волею случая.

Поистине, «рукописи не горят». Написанная в 1945 году в Одессе, спустя годы переехавшая вместе с семейным архивом в США, рукопись вновь вернулась в Одессу. Мистика? Нет, это не мистика. Это отсутствие равнодушия к беде ближнего, такого же одессита, как и ты сам, но чью жизнь отобрала война. Это та часть долга, которую каждый из нас по мере своих сил должен выполнить перед всеми невинно убиенными. Именно поэтому родственники Бориса Волоха не выбросили рукопись, что встречается довольно часто, а прислали ее Анатолию Горбатюку, одесскому писателю и краеведу, влюбленному в Одессу. А он, в свою очередь, не только нашел возможность напечатать эти уникальные статистические данные, но и сопроводил их цифрами и документами того времени с обширными комментариями.

Книга состоит из двух взаимодополняющих частей. Первую часть я бы назвала «Дневник обороны Одессы», где с 5 августа по 16 октября 1941 года день за днем зафиксирована жизнь обороняющегося города. Вторая часть состоит из нескольких приложений: списков одесситов, причем только гражданского населения, погибших от бомбардировок и артобстрелов, а также списков разрушенных зданий. Эта часть составлена на основании рукописи доктора Волоха.

В первой части подробно, чуть ли не по часам, расписана хроника жизни города. Понятно: то, что в ней зафиксировано, не является исчерпывающей информацией. Жизнь продолжает вносить свои коррективы. Но что особенно подкупает, так это пластичность выбранного формата. Он позволяет лучше ориентироваться во времени и по мере необходимости дополнять «дневник» новыми фактами.

Именно такой мне видится «Книга судеб одесситов в годы войны». Но чтобы написать такую книгу, понадобился бы коллектив в несколько сот экспертов, что, на мой взгляд, невозможно. Невозможно даже с позиций сегодняшнего дня: когда не довлеет над историками идеология, когда с трудом, но еще можно ознакомиться с закрытыми ранее архивами КГБ, когда нет цензуры, и все можно опубликовать. Утопич-

ность этой идеи заключается в масштабности и катастрофичности последствий войны.

И здесь выходом может быть только исследование и воссоздание драматических событий, происходивших в отдельной семье, во дворе, на улице, в селе, поселке, районе, городе. Когда такая точечная летопись военного лихолетья будет написана, а сделано это будет на основании анализа и размышлений, без умолчаний и сокрытий, как делалось ранее, тогда из таких фрагментов одесситы составят по-настоящему правдивую картину трагедии нашей малой родины – Одессы. Ведь только так можно приблизиться к пониманию происходившего в то время и не потерять историческую память. Книга А. Горбатюка – достойный шаг в этом направлении.

Война коснулась и нас

В книге Анатолия Горбатюка важнейшее место занимает раздел, основанный на уникальном материале – служебных записках патологоанатома одесского морга Бориса Самойловича Волоха, человека чести и долга. Он ежедневно делал их в дни обороны Одессы – с 5 июля по 19 октября 1941 года. Регистрировал фамилии и адреса горожан, погибших при бомбежках и артобстрелах, но в некоторых, увы, многочисленных случаях жертв фашистских варваров опознать так и не удалось: «неизвестный мальчик», «фрагменты тела женщины»…

Читать это невозможно, но нужно…

В мартирологе доктора Волоха я нашел одного из родственников – дядю по отцу Кохрихта Соломона Азраиловича, погибшего 13 сентября 1941 года под развалинами дома № 108 по улице Мечникова. Об обстоятельствах его гибели, как и многих родичей, мы ничего не знали.

Он из более чем сорока членов большой одесской семьи Кохрихтов-Ставницеров и породнившихся с нами людей, которые были уничтожены оккупантами и их пособниками в дни обороны города и после того как в него вошли фашисты. Многие погибли на фронтах Великой Отечественной или скончались после войны от ран и перенесенных невзгод.

Полагаю, что и другие одесситы нашли в этом скорбном списке своих близких и родных.

Феликс Кохрихт

Одесский альманах

№59

IV 2014

ДЕРИБАСОВСКАЯ ↔ РИШЕЛЬЕВСКАЯ

PLASKE

ПЛАСКЕ